

II.

Пренія на коронаціонномъ сеймѣ 1633 г. между православными и латино-уніатами по поводу «статей успокоенія;» участіе въ примиреніи враждующихъ сторонъ короля Владислава IV.—Дипломъ, выданный съ согласія сейма православнымъ, и грамоты отъ имени короля, полученныя ими въ это время. Распаянность правовыхъ устоевъ въ польскомъ государствѣ, какъ одна изъ причинъ затрудненій, встрѣченныхъ правительственными комиссарами при передачѣ церквей православнымъ на основаніи распоряженій короля, и фактическія данныя, подтверждающія сказанное. Обостренныя отношенія между уніатами и православными. Нападеніе католиковъ на православныхъ въ Луцкѣ. Распоряженіе отъ имени короля о закрытіи кievской и винницкой школъ П. Могилы. Молитвенное пѣснопѣніе, составленное П. Моголюю объ умиротвореніи православной церкви. — Подготовленіе къ сейму 1635 года П. Могилы и другихъ православныхъ. Подготовленіе къ нему короля Владислава IV. Посольство въ Римъ Георгія Оссолинскаго и результаты оного. Грамоты послѣ означеннаго сейма, выданныя уніатамъ и православнымъ. Протесты латино-уніатовъ противъ сеймовой конституціи 1635 г. объ успокоеніи греческой религіи. Назначеніе комиссіи для распредѣленія церквей между православными и уніатами; дѣйствія комиссаровъ; сопротивленіе, встрѣченное ими со стороны холмскаго уніатскаго епископа Меодія Терлецкаго; характерное письмо послѣдняго къ своему другу земскому писарю Щиглецкому. Уклоненіе отъ правительственныхъ распоряженій со стороны православныхъ. Вооруженное нападеніе перемышльскаго епископа Сильвестра Гулевича на монастырь св. Спаса и возникшее по этому поводу громкое дѣло. Жалобы королю уніатовъ на несправедливое якобы распредѣленіе церквей и грамоты короля вслѣдствіе сихъ жалобъ.—Попытки къ примиренію православныхъ съ уніатами на почвѣ религіозной. Слухи о склонности къ уніи

П. Могилы и, въ особенности, лужскаго епископа А. Пузины. Заботы объ униі Владислава IV; рѣчь отъ его имени къ православнымъ съ убѣжденіемъ принять унию и его грамота по этому предмету къ представителямъ церквей православной и униатской. Проектъ религіознаго соглашенія 1636 года. Неудачный исходъ этой затѣи. — Продолженіе пререканій, обоюдныхъ оскорбленій и судебныхъ процессовъ между православными и латино-униатами. Инфамія перемышльскаго епископа Гулевича и отнятіе у него церковныхъ бенефицій. Хлопоты по сему дѣлу, въ интересахъ православія, П. Могилы. Притѣсненія, испытываемыя православными въ разныхъ городахъ. — Инструкція на сеймъ 1638 года волынскаго дворянства. Бурная борьба на означенномъ сеймѣ изъ-за вопросовъ религіозныхъ. Добавленіе, внесенное на сеймѣ въ конституцію 1635 г. относительно греческой религіи. Протесты со стороны латино-униатовъ противъ сеймовой конституціи 1638 г. Отнятіе униатскимъ епископомъ Терлецкимъ люблинской церкви у православныхъ. Подготовленіе со стороны православныхъ къ сейму 1639 г.; подготовленіе къ оному униатовъ. Любопытное наставленіе послѣднихъ своимъ депутатамъ. Бурный характеръ сейма 1639 г. и «сорваніе его». — Казнь въ Кіевѣ, безъ суда и изслѣдованія, студента могилянской коллегіи. Впечатлѣніе, произведенное симъ на П. Могилу и его приготовленіе къ сейму 1640 г. Неожиданная рѣчь на означенномъ сеймѣ Оссолинскаго и волненія изъ-за вопросовъ религіозныхъ. — Притѣсненія, испытываемыя православными въ Холмщинѣ отъ М. Терлецкаго, и волненія, вызванныя оными. Инструкція волынскаго дворянства на сеймъ 1641 года. Постановленія означеннаго сейма о религіи греческой и возстановленіи правъ епископа С. Гулевича. Запоздалый протестъ противъ сихъ постановленій со стороны латино-униатовъ. — Общій взглядъ на отношенія между православными и униатами въ послѣдующіе годы (1641—1646). — Аѳанасій Филипповичъ, какъ борецъ за православную вѣру и русскую народность. Характерныя черты его жизни и дѣятельности. — Возобновленіе со стороны Владислава IV попытокъ къ религіозному соглашенію латино-униатовъ съ православными. Отношеніе къ этому дѣлу римскаго престола и его недовѣріе къ королю. Инструкція папскому нунцію въ Польшѣ Филоранду. Взглядъ на унию мстиславскаго епископа С. Коссова. Недовольство Владислава IV римскимъ престоломъ, вызванное отношеніемъ послѣдняго къ его проекту о религіозномъ соглашеніи между православными и униатами. Натянутыя отношенія между польскимъ королемъ и папою. Письма папы по дѣлу униі къ Адаму Киселю и Петру Могилаѣ. Письмо къ послѣднему отъ конгрегаціи кардиналовъ, оставленное — какъ и письмо папы — безъ отвѣта. — Попытки Владислава IV къ религіозному соглашенію католиковъ съ диссидентами. Замѣчательная рѣчь его къ протестантскимъ депутатамъ. Новый папа Иннокентій X. Назначеніе нунціемъ въ Польшу архіепископа Торреса и врученна ему инструкція по дѣлу о религіозномъ соглашеніи православныхъ съ униатами. Отрывочныя данныя по сему дѣлу за послѣдующее

время (до кончины П. Могилы).—Общій взглядъ на правовое положеніе западно-русской церкви во время управленія митрополіею П. Могилы. Значеніе права *владѣльческаго патроната* за рассматриваемое время. Критическій обзоръ мнѣній о склонности П. Могилы принять унію. Новыя данныя объ Адамѣ Киселѣ, характеризующія его отношеніе къ вопросу о религіозной уніи православныхъ съ уніатами.

Обращаемся къ дѣятельности П. Могилы, направленной на пользу вѣрющей его верховному управленію и попеченію западно-русской церкви, причѣмъ постараемся, по возможности, рассмотретьъ оную въ связи съ общимъ ходомъ церковно-историческихъ событій того времени.

Мы сказали, что тоговременное положеніе западно-русской церкви возлагало на ея верховнаго представителя многотрудныя обязанности. Во-первыхъ, необходимо было упрочить возвращенную ей свободу вѣроисповѣданія, укрѣпить за нею пріобрѣтенныя юридическія права; а во-вторыхъ, нужно было привести къ надлежащему благоустройству внутреннее ея состояніе, въ ущербъ высокому достоинству православія, распатанное въ предшествующее время, въ особенности, когда церковь находилась подъ гнетомъ латино-уніатскаго давленія.

Рассмотримъ первоначально заботы П. Могилы и вообще православныхъ южно-руссовъ, направленные въ достиженію первой изъ указанныхъ цѣлей, коснувшись при этомъ (какъ въ тѣсной связи стоявшихъ съ сими заботами) и тѣхъ попытокъ къ примиренію съ латино-уніатами, которыя проектировались на почвѣ религіозной, но въ основѣ своей преслѣдовали цѣли преимущественно практическія.

Когда составлены были на избирательномъ сеймѣ извѣстныя статьи успокоенія между православными и униатами, новоизбранный король далъ, занесенную въ *pacta conventa*, клятву исполнить ихъ безъ промедленія ¹⁾, т. е., какъ разумѣлось, на сеймѣ коронаціи, гдѣ должны были получить окончательную санкцію постановленія сейма избирательнаго. Но успѣхъ, достигнутый православными при избраніи короля, возбудилъ сильнѣйшее волненіе въ латино-униатскомъ лагерѣ, и приверженцами папизма, поощряемыми къ тому римскимъ престоломъ ²⁾, употреблены были всевозможныя старанія и подготовленія, чтобы затормозить дѣло своихъ религіозныхъ противниковъ, не допустить предполагаемаго утвержденія правъ ихъ церкви на предстоящемъ сеймѣ. Разумѣется, православные южно-русссы обо всемъ этомъ хорошо были освѣдомлены и съ своей стороны тоже дѣлали соотвѣтствующія приготовленія къ предстоящей борьбѣ ³⁾. Всѣ предвидѣли, что коронаціонный сеймъ будетъ бурный, и именно изъ-за споровъ по вопросамъ религіознымъ. Такъ на самомъ дѣлѣ и случилось.

Первое столкновение между латино-униатами и православными (и вообще диссидентами) произошло передъ коронаціею короля. Последніе настаивали на томъ, чтобы въ королевской присягѣ не было употреблено выраженіе: *salvis iuribus ecclesiae Romanae catholicae*, находившееся въ присяжномъ коронаціонномъ актѣ Сигизмунда III,

¹⁾ A co się tycze—читаемъ въ пактахъ конвентахъ—*ludzi religiy Greckiey rozroznionych, te uspokoić, według podanych na elekcyi teraznieyszey, na affektacyę Rzeczy Pospolitey przez nas, przy deputatach ex utroque ordine, punktow, będziemy powinni nieodwlocznie* (Права, констытуцые у przywileie krolestwa Polskiego у Wiel. Xiest. Litewskiego... Warszawa, 1735 г., стр. 763).

²⁾ *Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae*, ed. ab *Theiner*. Romae 1863 an. t. III, № № CCCXXXIX, CCCXL.

³⁾ Въ это время (кромѣ обычныхъ инструкцій посламъ, избираемымъ на сеймѣ) Виленскимъ православнымъ братствомъ, обнаружившимъ въ 1632 г. особенную заботливость о возстановленіи правъ православной церкви (см. настоящаго изслѣдованія т. I, главу VI) составлено было небольшое по объему *новое сочиненіе, отпечатанное* въ значительномъ количествѣ экземпляровъ и предназначенное для раздачи сеймовымъ депутатамъ. Это *неизвѣстное библиографамъ* сочиненіе носитъ слѣдующее заглавіе: „Rzym albo Stolica Rzymska iеśli co ma do praw Korony Polskiej у W. X. Litewskiego, krotkie uważenie, roku 1633 stanom koronnymъ na seymъ coronacye podane.“ (Находится въ Москов. Типографской Синодальной Библіотекѣ).

а принята была форма присяги, произнесенной при вступлении на престоль Генрихомъ IV (въ 1573 г.). Католическая партія воспротивилась этому, и посредствомъ разныхъ уловокъ означенныя слова, безъ общаго согласія на то сеймовыхъ депутатовъ, въ королевскую присягу были занесены ⁴⁾. И хотя православнымъ депутатамъ было заявлено, что означенное выраженіе не наноситъ ихъ вѣроисповѣданію ущерба, потому что ниже, въ той же присягѣ помѣщены слова: *dissentibus pacem in religione subscribo* ⁵⁾, тѣмъ не менѣе они, сознавая, какое широкое, въ духѣ папизма, примѣненіе способны дѣлать латино-уніаты изъ невинныхъ, повидимому, выраженій, занесли по сему поводу протестацію, на которую католики въ свою очередь отвѣтили репротестаціей ⁶⁾.

Но этотъ обмѣнъ протестаціями былъ только первымъ выстрѣломъ начинающейся между православными и латино-уніатами борьбы. Сильнѣйшее волненіе началось на сеймѣ, когда приступлено было къ чтенію *пактовъ конвентовъ* и рѣчь зашла объ успокоеніи православной религіи согласно съ заключающимися въ нихъ статьями. Противъ утвержденія сеймовъ этихъ статей со стороны приверженцевъ папизма высказаны были горячіе протесты. Католическіе и уніатскіе депутаты заявили, что *роста conventa* не составляютъ общеобязательнаго закона; что противъ составленныхъ на избирательномъ сеймѣ статей успокоенія греческой религіи занесены были многія протестаціи; что этими статьями нарушаются привилегіи, данныя уніатамъ, и вообще онѣ затрогиваютъ интересы религіозныя, относительно чего допускать какія-либо перемѣны ни сеймѣ, ни король безъ соизволенія на то св. отца, т. е. папы, не могутъ, а такъ какъ король ходатайствуетъ объ означенномъ соизволеніи, то православные и должны отложить дѣло о своей религіи до полученія отвѣта изъ Рима; что выраженіе въ пактахъ конвентахъ—*объщаются безъ промедленія (nieodwłocznie) успокоить людей греческой религіи*—не должно быть понимаемо въ смыслѣ обѣщанія исполнить это именно на сеймѣ коронаціи, ибо въ такомъ скоромъ времени не могло придти необходимое для того соизволеніе отъ римскаго престола.

⁴⁾ Pamiętniki Albrechta Stanisława X. *Radziwiłła*, kanclerza W. Litewskiego. Wydane z rękopismu przez Edwarda Raczyńskiego. Poznań, 1839 r. t. I, str. 138.

⁵⁾ См. настоящаго изслѣдованія т. I, прилож. стран. 510.

⁶⁾ Ibid. прилож. № LXXXIV, стр. 525—526.

Со стороны православныхъ ревностными защитниками правъ своей церкви выступили: Адамъ Кисель, князь Четвертинскій и брацлавскій подсудокъ Михаилъ Кропивницкій. Они заявили, что *роста conventa—lex publica*, такъ какъ обязательства, данныя новоизбраннымъ королемъ подъ присягою, должны быть исполнены; что занесенныя противъ статей успокоенія протестаціи не имѣютъ существеннаго значенія (ибо для протестацій поле широкое: можно протестовать противъ всего); что обѣщаніе о возстановленіи правъ греко-восточной религіи королемъ дано категорическое, безъ всякихъ оговорокъ и ссылокъ на авторитетъ папы, притомъ это прикрытіе авторитетомъ папы есть ни что иное, какъ преднамѣренное желаніе лишить православныхъ ихъ законныхъ правъ, потому что отношеніе римскаго престола къ статьямъ успокоенія извѣстно—онъ уже опредѣленно высказался по этому вопросу, и ждать иного рѣшенія изъ Рима нѣтъ основаній: его заранѣе можно предвидѣть; къ тому же авторитетъ папы, имѣющій значеніе для латино-уніатовъ, для нихъ, православныхъ, не обязательенъ: они находятся подъ верховнымъ руководствомъ своего пастыря, константинопольскаго патріарха, и въ дѣлахъ вѣры обязаны послушаніемъ ему; что, наконецъ, окончательное успокоеніе православной церкви обѣщано было именно на коронаціонномъ сеймѣ и откладывать его на предбудущее время, до слѣдующихъ сеймовъ, значитъ намѣренно волочить дѣло, чтобы впослѣдствіи окончательно затормозить его... Разумѣется, православные депутаты въ своихъ заявленіяхъ были совершенно правы: они стояли на почвѣ строго юридической (не говоримъ уже о сторонѣ нравственной). Это сознавали даже наиболѣе фанатичные католики, что, во время сеймовыхъ преній, наивно и высказано было литовскимъ ловчимъ: „*wolę ia—говорилъ онъ—troche na prawo nastąpić, a niż w piekle być*“ ⁷⁾).

Преосвященный Макарій въ своей „Исторіи Русской Церкви,“ упоминавъ объ означенныхъ препирательствахъ сеймовыхъ депутатовъ, замѣчаетъ: „споры были жаркіе и продолжительные, но ни къ чему не привели: утвержденіе статей на сеймѣ не состоялось. Несмотря

⁷⁾ Діаріушъ коронаціоннаго сейма (рукоп. Импер. Публ. Библиотеки, значущаяся по каталогу *Разнояз. Q. IV. № 38*); извлеченіе изъ него въ *прилож.* къ I т. настоящаго изслѣдованія № LXXXIII, стр. 506—524.—*Pamiętniki Radziwiłła t. II. 148—152. Supplementum ad Hist. Russ. Monumenta. № 68, p. 163 et seq.*

на то, король остался вѣренъ своему слову и немедленно приступилъ къ выполнению данныхъ обѣщаній“⁸⁾). Такимъ образомъ, старанія православныхъ депутатовъ, столь энергично ратовавшихъ во время сейма за интересы своей церкви, представляются уважаемымъ историкомъ какъ бы безрезультатными, и полученныя православными на коронаціонномъ сеймѣ права и привилегіи (о которыхъ рѣчь ниже) являются какъ бы *личнымъ дѣломъ короля*.

Это не совсѣмъ вѣрно. Достаточно указать на то, что въ дипломѣ, обеспечивающемъ для православныхъ свободу вѣроисповѣданія и выданномъ королемъ при заключеніи коронаціоннаго сейма, прямо заявляется, что *означенный дипломъ есть сеймовое постановленіе, апробованное авторитетомъ всего собранія*. Мы не хотимъ этимъ сказать, что король мало участвовалъ въ дѣлѣ успокоенія православныхъ; напротивъ—участіе его въ данномъ случаѣ было самое живое, дѣятельное и православнымъ сочувственное. Но королевская власть въ Польской Коронѣ, какъ извѣстно, была весьма ограничена, и безъ опоры въ тѣхъ или иныхъ сеймовыхъ постановленіяхъ (а тѣмъ паче вопреки имъ) король не могъ одѣлать извѣстную часть своихъ подданныхъ привилегіями по своему усмотрѣнію. Онъ могъ, до извѣстной степени, расширять или суживать примѣненіе на практикѣ основныхъ законоположеній, но не могъ игнорировать ихъ. Такимъ образомъ для Владислава IV, какъ увидимъ, искренно желавшаго успокоить православныхъ, было весьма важно имѣть точку опоры для этого въ сеймовомъ постановленіи, къ чему, дѣйствительно, и направлены были его усилія, окончившіяся значительнымъ успѣхомъ.

Въ общихъ чертахъ ходъ дѣла, во время коронаціоннаго сейма, по вопросу объ успокоеніи православныхъ, по нашему мнѣнію, былъ слѣдующій.

Многодневныя препирательства сеймовыхъ депутатовъ относительно извѣстныхъ „статей успокоенія,“ при той стойкости, которую обнаружили обѣ враждующія стороны, мало давали надежды на благополучное окончаніе сейма: являлось опасеніе, что онъ тою или другою стороною будетъ, по тогдашнему выраженію, *сорванъ*. Это не могло не озабочивать „благоразумныхъ патріотовъ,“ которыхъ въ числѣ

⁸⁾ Исторія Русской Церкви. XI. 449.

сеймовыхъ депутатовъ находилось немалое количество, а въ особенности самого короля, наиболѣе другихъ желавшаго благополучнаго окончанія сейма. Поэтому, въ виду бесплодности сеймовыхъ препирательствъ относительно „статей успокоенія,“ изъ среды депутатовъ послышались голоса: предоставить спорное дѣло на рѣшеніе (на *de-сuziā*) самого короля. Послѣ преній сеймъ на этотъ компромиссъ согласился. Такимъ образомъ Владиславъ IV опять (подобно тому, какъ на конвокаціонномъ сеймѣ) оказался въ роли примирителя (посредника) между уніатами и православными ⁹⁾.

Уступка, сдѣланная въ данномъ случаѣ православными депутатами (мысль объ означенномъ компромиссѣ исходила отъ католиковъ), можетъ быть объясняема тѣмъ довѣріемъ къ королю, которое онъ успѣлъ внушить православнымъ своею расположенностью къ нимъ и искреннимъ (хотя бы то и изъ политическихъ расчетовъ) желаніемъ удовлетворить ихъ требованія. Православные видѣли въ новомъ королѣ твердую опору для себя,—и въ этомъ не ошиблись.

Еще въ самомъ концѣ октября 1632 года, когда только что составлены были статьи о примиреніи православныхъ съ уніатами папскій нунцій дѣлалъ энергичную попытку отклонить Владислава IV отъ утвержденія этихъ статей, но получилъ отъ послѣдняго сильный отпоръ. Новоизбранный король заявилъ, что унія въ литовско-русскихъ областяхъ съ самаго начала не имѣла достаточной силы, такъ какъ введена была здѣсь безъ согласія большинства, и что удовлетворить требованія православныхъ, какъ членовъ Рѣчи Посполитой, наравнѣ съ другими несущихъ государственныя повинности, есть дѣло неотложной необходимости. Король передъ нунціемъ выразилъ надежду, что св. отецъ обратитъ вниманіе на условія настоящаго времени и признаетъ сдѣланное постановленіе относительно успокоенія православныхъ цѣлесообразнымъ, если только не желаетъ видѣть руины королевства (Польши), а, можетъ быть, и христіанской (католической) религіи ¹⁰⁾. Ни авторитетъ гнѣзненскаго архіепископа, ни просьбы другихъ ревнителей католицизма, ни даже внушенія изъ Рима не могли поколебать рѣшимости короля, основанной на ясно и

⁹⁾ Діаріушъ коронаціоннаго сейма.

¹⁰⁾ *Theiner*. *Vetera Monum. Poloniae et Lithuaniae*, t. III. № CCCXXXV, pag. 398—399.

здраво понимаемомъ положеніи вещей ¹¹⁾). Владиславъ IV помнилъ обязанности, возложенныя на него христіанскою (католическою) религіей, но не забывалъ и объ обязанностяхъ своихъ какъ государя, подъ властью котораго находились не одни католики. Печальныя послѣдствія ультра-католической политики предшествовавшаго царствованія были у него передъ глазами. Притомъ и въ личномъ характерѣ короля было немало благородныхъ чертъ, предохранявшихъ его отъ того іезуитизма въ отношеніяхъ къ иновѣрцамъ, какого держался печальной памяти его отецъ. Когда, во время присяги (на избирательномъ сеймѣ) Владиславъ долженъ былъ произнести занесенныя въ нее выраженія относительно успокоенія „диссидентовъ“, и въ это время литовскій канцлеръ Станиславъ Радзивиллъ шепнулъ королю на ухо: „nie mięу W. K. M. teу intencуi“ (т. е. думай про себя, что этого не исполнишь), онъ отвѣтилъ: „komu przysięgam usty, temu przysięgam u intencуą,“ (кому присягаю устами, тому присягаю и мыслью) ¹²⁾.

Поэтому и на коронаціонномъ сеймѣ король прилагалъ всевозможныя старанія къ тому, чтобы удовлетворить требованія православныхъ, встрѣтившія, какъ мы видѣли, столь сильное сопротивленіе со стороны латино-уніатовъ. Свидѣтельства объ этомъ сомнѣнію не подлежатъ. Канцлеръ Великаго Княжества Литовскаго Станиславъ Радзивиллъ, бывшій на сеймѣ и близко знакомый съ ходомъ дѣлъ на немъ, пишетъ въ своемъ дневникѣ, что, король „явно покровительствовалъ схизматикамъ“, т. е. православнымъ. Послѣдніе часто приглашались Владиславомъ IV не только для обычныхъ аудіенцій, но и для *секретныхъ переговоровъ* (*sekretnychъ памбów*), что, по заявленію Радзивилла, сильно огорчало добрыхъ католиковъ ¹³⁾. На этихъ

¹¹⁾ Pamiętniki Radziwiłła. T. I, str. 151. Перемышльскій епископъ Павелъ Пасецкій въ своей хроникѣ пишетъ, „quod Archiepiscopus stantem iam ad altare regem (передъ коронаціею) initiaturus monuerat, *solam catholicam Romanam fidem in Polonia scepta tenere; eaque regibus dare, et propterea reges ad altare catholicum sacro oleo perungi, ut memores accepti ibi muneris et honoris fidem catholicam defendere et propugare debeant: insuper obtestabatur, quod ea, quae sub interregno et circa electionem regiam haereticis pro bono pacis concessa fuisset, vim legis perpetuae habere non possint.* (Chronica gestorum in Evropa singularium, a Pavlo Piasecio, episcopo Praemisliensi. Cracoviae, 1648 an. pag 147).

¹²⁾ Объ этомъ заявилъ самъ Владиславъ IV депутаціи диссидентовъ, представлявшейся ему въ 1644 году. См. Dzieje narodu Polskiego za panowania Wladislawa IV. Kaietana Kwiatkowskiego. Warszawa, 1823 r. str. 422—424,—гдѣ сдѣлано обширное извлеченіе изъ необнародованной реляціи пана Рея, состоявшаго въ означенной депутаціи.

¹³⁾ Pamiętniki, T. I. 148—149.

тайныхъ совѣщаніяхъ присутствовали не одни депутаты, но и другія вліятельныя лица изъ среды православныхъ, въ числѣ которыхъ одно изъ первыхъ мѣстъ безспорно принадлежало и нашему митрополиту, какъ избраннику на первосвятительскій постъ въ южно-русской церкви. Въ панегирикѣ, поднесенномъ П. Могилѣ по прїѣздѣ его (послѣ посвященія на митрополию) въ Кіевъ, между прочимъ, говорится: „пресвѣтлѣйшему, возжелѣнному и *мира желающему* монарху царства польскаго Владиславу и высокому его сенату ты (Петръ Могилы)—на избирательномъ и *коронаціонномъ* сеймахъ—доказалъ яснѣе солнца права наши, по силѣ твердыя какъ алмазъ, золотыя по своей драгоценности. Доказавши неправду, которая тяготѣла надъ нами столько лѣтъ, ты уничтожилъ въ прахъ ее передъ помазанныкомъ Божіимъ“¹⁴⁾. Это панегирическое воззваніе находитъ подтвержденіе и въ другихъ источникахъ¹⁵⁾.

Совѣщанія короля съ православными начались еще ранѣе, чѣмъ онъ избранъ былъ сеймомъ посредникомъ между ними и униатами. Безъ сомнѣнія, они продолжались и послѣ этого, до самаго окончанія сейма. Можно съ увѣренностью предполагать, что происходило на этихъ совѣщаніяхъ.

Положеніе короля въ роли посредника между враждующими сторонами было весьма затруднительное. Желаніе его удовлетворить требованія православныхъ во всемъ ихъ объемѣ было, безъ сомнѣнія, искреннее. Къ этому онъ побуждался и политическими соображеніями, и даннымъ имъ торжественнымъ (подъ присягою) обѣщаніемъ, и настойчивыми напоминаніями самихъ православныхъ. Но, несмотря на предоставленное сеймомъ право посредничества, право произнести свое рѣшающее слово по спорному вопросу, Владиславъ IV ясно предвидѣлъ, что при настоящемъ положеніи дѣлъ провести на сеймѣ статьи успокоенія въ полномъ ихъ видѣ *не было возможности*. Ожидались рѣшительные протесты; предвидѣлось „сорваніе“ сейма. Въ ви-

¹⁴⁾ Mnemozyne sławy, prac y trudow Przeswiętnego w Bogu Imśc оуса Piotra Mohiły... et caet; изд. въ Кіевѣ, 1633 г.

¹⁵⁾ Самъ Петръ Могилы неоднократно указывалъ на свои хлопоты передъ королемъ и сеймами о возстановленіи и упроченіи правъ православной церкви (*Собраніе древнихъ грамотъ городовъ минской губ.* Минскъ, 1848 г.; № 112, стр. 224).—Срав. мнѣніе объ этомъ латино-униатовъ (*Dzieje y prawa kościoła Polskiego. X. Teodora Ostrowskiego.* Warszawa, 1793 r. t. III. str. 466).

ду этого король, желавшій—какъ мы сказали — мирнаго окончанія коронаціоннаго сейма, на совѣщаніяхъ убѣждалъ православныхъ не обострять своихъ отношеній къ латино-уніатамъ и, подчиняясь обстоятельствамъ времени, сдѣлать нѣкоторыя уступки противной партіи, причемъ, разумѣется, съ своей стороны давалъ рѣшительныя обѣщанія начатое дѣло успокоенія православныхъ довести до конца въ самое непродолжительное время. Очевидно, подобныя совѣщанія, хотя, можетъ быть, и несекретныя, происходили у короля и съ представителями латино-уніатской церкви. Сдѣлать уступки предлагалось и имъ. Какъ можно думать, главнымъ предметомъ при этихъ совѣщаніяхъ съ тою и другою стороною былъ вопросъ о *церковныхъ бенефиціяхъ*, о томъ или другомъ распредѣленіи между православными и уніатами, по тогдашнему выраженію, „духовныхъ дѣбрь“, „духовныхъ хлѣбовъ.“ О такомъ характерѣ совѣщаній можно заключать изъ нижеслѣдующихъ данныхъ: 1) Канцлеръ Радзивиллъ въ своемъ дневникѣ пишетъ, что 8-го марта король обратился къ нему съ просьбою *склонить луцкаго уніатскаго епископа Почаповскаго къ пріятельскому соглашенію съ Пузиною*, избраннымъ православными на луцкую епископію: убѣдить его уступить нѣкоторыя церковныя бенефиціи Пузинѣ ¹⁶⁾. 2) Нѣкоторыя изъ грамотъ, выданныхъ королемъ при заключеніи коронаціоннаго сейма о распредѣленіи церковныхъ имуществъ между православными и уніатами, могутъ быть объясняемы (какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ) не иначе, какъ предварительнымъ соглашеніемъ, достигнутымъ королемъ при упомянутыхъ совѣщаніяхъ съ представителями церквей православной и уніатской.

Безъ сомнѣнія, одновременно съ этими совѣщаніями съ представителями враждующихъ сторонъ Владиславъ IV велъ переговоры и съ наиболѣе вліятельными государственными чинами, сообщая имъ о результатахъ своего посредничества между православными и уніатами и выставляя на видъ неотложную (по политическимъ соображеніямъ) необходимость удовлетворить, по крайней мѣрѣ, наиболѣе существенныя требованія православныхъ депутатовъ. При извѣстныхъ намъ воззрѣніяхъ „добрыхъ католиковъ“ на религіозные вопросы и авторитетъ папы,—это тоже было дѣломъ весьма не легкимъ, и Владиславу IV,

¹⁶⁾ Pamiętniki. I. 148.

надо полагать, не разъ приходилось повторять произнесенныя имъ во время коронаціи слова о тяжести королевской короны въ Польшѣ¹⁷⁾. Тѣмъ не менѣ старанія короля, какъ мы замѣтили, увѣнчались значительнымъ успѣхомъ. Сеймомъ былъ утвержденъ составленный отъ имени короля *дипломъ*, обеспечивавшій свободу вѣроисповѣданія православныхъ и предоставлявшій имъ извѣстныя права и привилегіи, притомъ съ категорически выраженнымъ обѣщаніемъ расширить оныя, согласно со статьями успокоенія, на слѣдующемъ сеймѣ.

Приводимъ этотъ дипломъ въ полномъ его видѣ (за исключеніемъ обычнаго вступленія).

„Когда мы на прошлой счастливой нашей елекціи, начиная наше благополучное царствованіе уврачеваніемъ ранъ Рѣчи Посполитой и примиреніемъ государственныхъ сословій, приняли на себя, по ихъ просьбѣ и согласію, заботу разсмотрѣть нарушеніе правъ народа рускаго и успокоить греческую религію и, вмѣстѣ съ депутатами той и другой стороны, къ намъ сеймовъ назначенными, совершили это надежными средствами (какъ о томъ достаточно свидѣтельствуютъ статьи, за подписомъ руки нашей внесенныя въ актовыя книги Варшавы и потомъ утвержденныя нашею присягою въ пактахъ конвентахъ), то оставалось только, чтобы на настоящемъ сеймѣ нашей счастливой коронаціи мы неотложно исполнили все, изложенное въ тѣхъ статьяхъ, и въ цѣломъ и въ частяхъ. Но такъ какъ теперь мы всего этого выполнить не могли, а между тѣмъ земскіе послы отъ Короны и Великаго Княжества Литовскаго изъ многихъ воеводствъ и повѣтовъ, основываясь на данныхъ имъ братьями неунитами инструкціяхъ, не захотѣли приступить къ заключенію (стверженію) сейма, доколѣ не будетъ имъ предоставлено все обѣщанное помянутыми статьями, то мы, со всею Рѣчью Посполитою, удостоверяемъ настоящимъ нашимъ дипломомъ и обязуемся (примѣнительно къ тѣмъ же статьямъ, стверженнымъ нашею присягою), что на будущемъ, дай Боже, самомъ первомъ сеймѣ мы тотчасъ, на другой же день по окончаніи сенаторскихъ рѣчей (*wot*), все изложенное въ статьяхъ прежде всего ствердимъ и въ точности означенныя статьи, ни въ чемъ имъ не противорѣча, будемъ приводить въ исполненіе. А теперь утверж-

¹⁷⁾ Ibid. I, 139.

даемъ для ненаходящихся въ уніи свободное отправленіе богослуженія по всѣмъ городамъ, мѣстечкамъ и монастырямъ въ Коронѣ и Вел. Княжествѣ Литовскомъ, также всѣ братства, школы, семинаріи, типографіи и госпитали, какими они владѣютъ; одобряемъ всѣ привилегіи, какія только они имѣютъ отъ нашихъ благочестивыхъ предмѣстниковъ и блаженной памяти наияснѣйшаго короля его милости, милостиваго пана отца нашего. Что же касается до велебнаго отца Петра Могилы, архимандрита печерскаго, избраннаго неунитами въ митрополита кievскаго, имѣющаго сакру отъ константинопольскаго патріарха, равно что касается до благороднаго Александра Пузины, избраннаго на владычество луцкое, отца Іосифа Бобриковича, избраннаго на владычество мстиславское, и того, кто будетъ избранъ мѣстными неунитами на владычество перемышльское,—то всѣмъ имъ мы позволяемъ безпрепятственно пользоваться юрисдикціею и исполнять свои обязанности въ средѣ всѣхъ, ненаходящихся въ уніи, и обращаться къ этимъ владыкамъ предоставляется свобода каждому, не желающему оставаться въ уніи, безъ малѣйшаго препятствія со стороны уніатовъ. А такъ какъ о. архимандритъ печерскій не имѣетъ теперь на своей митрополіи никакой бенефиціи, то онъ долженъ владѣть до живота своего, кромѣ св. Софіи, и печерскою архимандріею съ Пустыннымъ Никольскимъ монастыремъ. Перемышльскому же и мстиславскому владыкамъ, по силѣ статей, будетъ ежегодно выдаваемо нами жалованье по двѣ тысячи золотыхъ польскихъ. Что касается благороднаго Александра Пузины, номината на владычество луцкое и острожское, то онъ имѣетъ пребывать по особому нашему письменному акту. Наконецъ все, что только изъ варшавскихъ статей не приведено нами теперь въ исполненіе, мы непременно исполнимъ,—да поможетъ Богъ,—на слѣдующемъ сеймѣ: въ этомъ мы удостовѣряемъ ихъ, неунитовъ, настоящимъ нашимъ дипломомъ, который есть сеймовое постановленіе, апробованное авторитетомъ всего собранія,—и для этого мы дали настоящій нашъ дипломъ за подписью нашею и депутатовъ, какъ отъ сената, такъ и отъ кола польскаго, и за печатями коронною и Вел. Княжества Литовскаго 18).

¹⁸⁾ Supplem. ad Histor. Russ. Monumenta. № LXIX. Русск. переводъ у преосв. Макарія (Исторія Рус. Церкви. XI. 450—452), но не безъ значительныхъ отступленій отъ подлинника.

Очевидно, что, несмотря на значительные урѣзки сравнительно со статьями успокоенія, дипломъ былъ благопріятенъ для православныхъ: ими достигнуто было самое главное и существенное—полная свобода вѣрсповѣданія и оффиціальное возстановленіе іерархіи, словомъ, упрочено было правовое положеніе въ государствѣ православной церкви съ присущими ей учрежденіями. Такъ смотрѣли на дипломъ и сами православные, такъ смотрѣли на него и католики ¹⁹⁾. Въ виду послѣдняго королю немалыхъ усилій и волненій стоило даже самое стверженіе диплома обычными печатами, т. е. исполненіе простой уже формальности, хотя и чрезвычайно важной ²⁰⁾.

Дипломъ для православныхъ, какъ одобренный сеймомъ (слѣдо-

¹⁹⁾ См. панегирики П. Могилѣ, изданные въ 1633 г. (*Мнезогуле... и Евфонія веселобрмяча*). *Rozmowa albo relatia rozmowy dwóch Rusinow—schizmatika z unitem, przez Kaspara Thom. Skupińskiego*. Warszawa, 1634 г. (въ полномъ видѣ напечатана нами въ Архивѣ Юго-Зап. Россіи, ч. I, т. VII, стр. 650—733).

²⁰⁾ А. С. Радзивиллъ въ своемъ дневникѣ пишетъ, что для скрѣпы печатью диплома, даннаго схизматикамъ (т. е. православнымъ), „не смѣли“ просить канцлера короннаго, какъ особу духовную (въ то время короннымъ канцлеромъ былъ бискупъ Іаковъ Задзигъ); поэтому съ означенною просьбою обратились къ коронному подканцлеру (Юмѣ Замойскому) и въ нему, Радзивиллу, какъ канцлеру Вел. Княж. Литовскаго. До мовга костей проникнутый ультра-католическими воззрѣніями, Радзивиллъ обратился къ своему духовнику и къ другимъ римскимъ „капеланамъ“ за разъясненіями, можетъ ли онъ сдѣлать это безъ отягощенія своей совѣсти. Понятное дѣло, латинскіе капеланы позаботились еще болѣе настроить сего „добраго католика“ противъ православныхъ, и онъ заявилъ королю, что духовникъ не совѣтуетъ ему прикладывать печати къ помянутому диплому: *skrupiul w tet gadał*. Королю извѣстно было, что Радзивилловъ духовникъ умѣетъ и любитъ починять часы. Поэтому, вынувъ свои часы и показывая ихъ Радзивиллу, Владиславъ сказалъ: „*пусть твой духовникъ занимается починкою часовъ, а не вмѣшивается въ дѣла, которыя могутъ производить волненія въ Речи Посполитой*.“ Радзивиллъ упорствовалъ, заявляя, что во всемъ онъ готовъ подчиниться приказаніямъ своего государя, кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ дѣло касается совѣсти и святой католической религіи. Разгнѣванный король сказалъ, что и онъ будетъ имѣть урзызенія совѣсти (*skrupuły*), когда къ нему Радзивиллъ и другія, подобныя ему лица станутъ обращаться съ своими просьбами. Радзивиллъ, хотя и съ маскою смиренія на лицѣ, продолжалъ стоять на своемъ. Тогда еще болѣе разгнѣванный король воскликнулъ: „*какъ только освободится печать коронная или Вел. Княж. Литовскаго, отдамъ ее еретику!*“ Такія слова произвели большое смущеніе среди католиковъ. — И послѣ этого не мало было хлопотъ и упрашиваній, чтобы Радзивиллъ скрѣпилъ дипломъ (нѣкоторые изъ высшаго католическаго духовенства брали грѣхъ на свою душу). Да и приложивъ къ диплому печать, Радзивиллъ занесъ манифестацію, гдѣ заявлялъ, что сдѣлалъ это вопреки своей волѣ и желанію, *исключительно какъ министръ и чиновникъ*. (*Pamiętniki*. I. 151—152).

вательно, какъ *lex publica*), предоставилъ королю возможность издавать частныя, исключительно отъ своего имени, грамоты, испрашиваемыя у него разными православными лицами и учрежденіями. Такихъ грамотъ Владиславомъ IV выдано было, ббльшею частью при заключеніи коронаціоннаго сейма, значительное количество. Такъ получили грамоты всѣ новоизбранные іерархи: *Петръ Могила* на митрополию кievскую (12 марта)²¹⁾, *Иосифъ Бобриковичъ*—на епископію мстиславскую, оршанскую и могилевскую (14 марта)²²⁾, *Александръ Пузина*—на епископію лудскую (18 марта)²³⁾ и *Иванъ Романовичъ Попель*—на епископію перемышльскую (18 марта)²⁴⁾.

Этими грамотами православнымъ іерархамъ, между прочимъ, предоставлялось полное право имѣть подъ своею властью и „послушенствомъ“ весь народъ русскій, „не въ уніи съ костеломъ римскимъ будущій и *быти не хотячій*“, подобно тому какъ это предоставлено было уніатскимъ епископамъ относительно своей паствы и всѣхъ желающихъ находиться въ уніи; а также обезпечивалось свободное, *безъ малѣйшаго препятствія*, отправленіе архипастырскихъ обязанностей при посѣщеніи разныхъ городовъ и мѣстечекъ, имѣющихъ хотя бы часть православнаго населенія.

Даны были Владиславомъ IV въ означенное время грамоты и православнымъ братствамъ: *Виленскому Свято-Духовскому* (18 марта)²⁵⁾, *Минскому Петропавловскому* (18 марта)²⁶⁾, *Люблинскому Преображенскому* (15 марта)²⁷⁾, *Львовскому Успенскому* (15 марта)²⁸⁾,

21) Археографическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-зап. Руси, т. II. № 36, стр. 48—49.

22) А. Ю. и З. Р. IV. № 5.

23) Архивъ юго-зап. Россіи, ч. I, т. VI, № CCLXIX, стр. 662—664.

24) *Прилож.* № III.

25) Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ: Вильны, Ковна и проч. Вильно. 1843, ч. II. № 42, стр. 118—125.

26) Собраніе древнихъ грамотъ городовъ минской губ. № 123, стр. 255—258.

27) *Прилож.* № II.

28) Архивъ Львов. Ставропиг. Института (копія полуистлѣвшая).

Перемышльскому²⁹⁾, Бѣльскому³⁰⁾, Могилевскому³¹⁾, новоучрежденному Кременецкому³²⁾ и, безъ сомнѣнія, другимъ, просившимъ о томъ короля. Въ этихъ грамотахъ подтверждались пріобрѣтенныя братствами въ прежнее время права, ограждались притязанія на нихъ латиноуніатовъ, признавалось дозволеннымъ существованіе при нихъ разныхъ учебныхъ и благотворительныхъ учреждений, разрѣшалась, съ вѣдома короля, постройка новыхъ церквей,—вообще, признавалось за ними правовое положеніе въ государствѣ, о чемъ такъ много хлопотали православные въ предшествующее царствованіе. Труднѣе было королю удовлетворить просьбы православныхъ о передачѣ имъ нѣкоторыхъ церквей, захваченныхъ уніатами въ разныхъ городахъ и долѣ находившихся въ ихъ фактическомъ владѣніи. Относительно

²⁹⁾ Архивъ уніат. Перемышльскаго собора. (Оригиналъ). Въ этой грамотѣ, между прочимъ, говорится: „Bractwo przy cerkwi Świętej Trojcy Religiey Greckiey, pod posłuszeństwem Patriarchi Konstantynolskiego będące, na gruncie od wielebnego w Bogu oycza Bazyła Kopystenskiego, ihumena cerkwy pomienionej, darowanym, także na placu, przykupionym od corki Chominci Mariny Warowi na wieczność, do iego gruntu przyległym, który już w ieden plac przywrocil, *na przedmieście Przemyskim, rzeczonum Lwowskim...*“ и проч.—Братству предоставляется имѣть „порядки,“ заведенные въ другихъ православныхъ братствахъ—луцкомъ, виленскомъ, и проч., „у szkoły (позволяется) fundować у uczuć w nich bez contradictiū.“—Спустя нѣсколько дней (23 марта) дана была королемъ особая грамота перемышльскимъ православнымъ мѣщанамъ и предмѣщанамъ (хранится въ томъ же архивѣ), уравнивающая ихъ въ правахъ съ католиками. Здѣсь, между прочимъ, говорится, что такъ какъ православные перемышляне „wolności у swobod, za niedopuszczeniem mieszczan religiey katolickiey, tak w obieraniu do urzędow, iak rzemiosł, cechow у inszych prerogatiw, wszystkim iednostaynie służących, zażywać у z nich cieszyć się nie mogli... przeto my, zważywszy słuszną prozbę, а chcąc wszytkie prawa sacrosancte et intaminate zachować, ponieważ na tem szczęśliwym początku panowania naszego do uspokoienia pewnego te rozniczy przypuszczeni są... pomienionych mieszczan Przemyskich religiey Graeckiey, nie w unii będących, s przedmieszczanami, zarowno z ludzmi catholicikimi do wszelakich urzędow у godności, swobod у wolności, miastu temu służących, tym listem naszym przypuszczamy“... et caet.

³⁰⁾ Рукоп. сборн. Кіево-печ. лавры, по кат. № 20. А. З. Р., т. V. № 9.

³¹⁾ Археогр. сборн. докум. сѣверо-зап. Руси. П. № 34.

³²⁾ Луцк. градск. книга, хранящ. въ *Кіев. Центр. Архивъ*, подъ № 2146, л. 909, и рукоп. сбор. Кіев. Дух. Академіи (изъ коллекціи преосв. Макарія), № Аа 209, стр. 9—10. Последний сборникъ, очевидно, находился нѣкоторое время во владѣніи уніатовъ: всюду въ грамотѣ уничтожено *не* предъ словомъ *унія*, вслѣдствіе чего мѣста, гдѣ говорится, что грамота дана *не въ уніи будущимъ*, читаются: *въ уніи будущимъ*. Грамота эта по Академической рукописи, весьма искаженной, напечатана проф. Н. И. Петровымъ въ *Трудахъ Кіев. Дух. Акад.* за 1887 г. (№ 9, стр. 125—127). Издатель кое гдѣ старается возстановить искаженный текстъ, но не всегда удачно. Такъ, напр., вмѣсто словъ: „обивателями такъ межними,“—предлагается чтеніе: „обивателями, *меж ними*,“ Въ Архивномъ документѣ это мѣсто читается: „obywatelami *tamczetni* (*тамошними*),“—какое чтеніе, разумѣется, и есть правильное.

этого на избирательномъ сеймѣ высказаны были предположенія весьма благопріятныя для православныхъ. Имъ обѣщано было возвращеніе отъ униатовъ, по крайней мѣрѣ, по одной церкви болѣе чѣмъ въ 43 городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ довольно прочно укоренилась унія и гдѣ, слѣдовательно, въ предшествующее время православные наиболѣе были обижены своими религіозными противниками³²⁾. Но на коронаціонномъ сеймѣ исполненіе означеннаго обѣщанія, какъ затрогивавшаго имущественные религіозные интересы, возбуждало наибольшіе протесты, и вопросъ объ этомъ (объ отчужденіи отъ униатовъ церквей съ приуроченными къ нимъ бенефіціями) считался неподлежащимъ рѣшенію безъ предварительнаго сношенія съ папою. Вопросъ этотъ почти совершенно обойденъ былъ въ дипломѣ, выданномъ православнымъ. Тѣмъ не менѣе Владиславъ IV, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ православныхъ и даннаго имъ во время упомянутыхъ переговоровъ съ ними обѣщанія, издалъ грамоты, коими предоставлялось православнымъ по одной и по двѣ церкви въ нѣкоторыхъ городахъ, находившіяся передъ тѣмъ во владѣніяхъ³³⁾ униатовъ. Можно думать, что это сдѣлано было королемъ не безъ согласія на то „государственныхъ чиновъ.“ По крайней мѣрѣ, въ означенныхъ грамотахъ говорилось, что на прошлой коронаціи, при умиротвореніи людей греческой религіи неунитовъ съ униатами, *съ согласія на то всѣхъ чиновъ (stanow) коронныхъ и Вел. Княжества Литовскаго*, прежде окончательнаго, предположеннаго на будущемъ сеймѣ, успокоенія православныхъ (т. е. согласно со статьями успокоенія), королемъ назначено теперь же имъ передать нѣкоторыя церкви въ своихъ владѣніяхъ (dobrach). Извѣстны подобныя распоряженія короля о передачѣ православнымъ, болѣею частію, по одной церкви въ городахъ и мѣстечкахъ: Могилевъ, Красномъ Ставѣ, Белзѣ, Сокалѣ, Бѣльскѣ, Дрогичинѣ, Стояновѣ, Кременцѣ, Гроднѣ, Мостахъ, Владимірѣ, Бѣльскѣ, Грубежовѣ, Городнѣ, Ковнѣ, Ратнѣ, Вильнѣ, Трокахъ, Мстиславѣ, Полоцкѣ, Диснѣ, Оршѣ, Пинскѣ, Брестѣ, Кобринѣ, Новелѣ, Каменцѣ, Витебскѣ, Новогрудкѣ, Мядзелѣ, Клещеляхъ, Игуменѣ, Бобруйскѣ, Лидѣ и Локичинѣ,—кромѣ церквей и монастырей (по диплому и частнымъ грамотамъ короля православнымъ іерархамъ), предоставленныхъ

³²⁾ Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I, т. VI, № CCLXVI, стр. 656—658.

для резиденціи православнымъ митрополиту и епископамъ и вообще приуроченныхъ къ ихъ кафедрамъ ³⁴). Передача церквей православнымъ возложена была на комиссаровъ, назначенныхъ для сего королямъ.

Такимъ образомъ, если на коронаціонномъ сеймѣ православнымъ не удалось провести „статьи успокоенія“ въ полномъ ихъ объемѣ, то, при добромъ содѣйствіи короля, главнѣйшія и существенныя ихъ желанія были удовлетворены.

Но въ Польской Коронѣ, при распатанности правового порядка и авторитета верховной власти, иногда легче было исколотать то или иное постановленіе, исходящее отъ королевскаго имени и даже сейма, нежели воспользоваться имъ фактически. Это въ особенности должно сказать о постановленіяхъ, касавшихся спорныхъ вопросовъ по дѣламъ имущественнымъ, когда юридически оформленныя права нерѣдко приходилось получать или отстаивать всоруженною силою. Подобныхъ примѣровъ исторія Рѣчи Посполитой представляетъ безчисленное множество ³⁵).

Съ такимъ аномальнымъ явленіемъ въ Польской Коронѣ приходилось имѣть дѣло и православнымъ.

Что касается приобрѣтенныхъ православными на сеймахъ правъ,

³⁴) См. универсалъ Владислава IV отъ 14 марта 1633 г. (Описаніе документовъ Архива западно-русскихъ униатскихъ митрополитовъ, т. I. Спб. 1897 г. № 616, стр. 227 и 228), гдѣ перечислены всѣ города и мѣстечки, въ коихъ предоставлялись православнымъ нѣкоторыя церкви. Но едва ли подлежитъ сомнѣнію, что, вслѣдствіе протестовъ латиноуниатовъ, король въ дальнѣйшихъ своихъ распоряженіяхъ по данному вопросу нѣсколько отступилъ отъ универсала (такъ, напр., по универсалу въ Вильнѣ должна была быть передана православнымъ церковь Воскресенія Христова со всѣмъ къ ней принадлежащимъ (церковь достаточно сохранявшаяся), между тѣмъ, по позднѣйшему королевскому приказу комиссарамъ, послѣднимъ поручено было отдать православнымъ церкви Пятницкую и Предтеченскую или, точнѣе, плацы этихъ церквей, представлявшихъ въ то время *одну развалину*). См. также Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ Вильнѣ... и проч. ч. II, № № 92—94. Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ минской губ. № № 94—95. Археогр. сборн. документовъ сѣверо-зап. Руси, т. II, № № 101—103. Ibid. Записки игумена Ореста, стр. X. Ibid. т. IV, № 82. Ibid. т. XI, № № 7—9. Древніе акты холмск. епархіи, книга № I (въ холмскомъ церковно-археолог. музеѣ).

³⁵) Характерно выразился о распатанности юридическихъ устоевъ въ Рѣчи Посполитой Николай Лигенза на сеймѣ 1635 года. „*U nas — zaważył on — prawem dochodzić, iakoby w wodzie głębokiej zguby szukać* (Votum na seym walny Warszawski, pro ultima die ianuarii, w roku 1635 przychodzący, Jasnie wielmożnego Mikołaja Spytka Ligezy, z Bobriku na Brzezowie, kasztelana Sandomirskiego, Bielskiego et caet. starosty. (w. Krakowie, 1635 r.).

не затрогивавшихъ имущественныхъ интересовъ уніатовъ (свобода вѣроисповѣданія, официальное возстановленіе іерархіи, правовое положеніе въ государствѣ и т. п.), то съ ними *volens-nolens* латиноуніаты, по крайней мѣрѣ, большинство ихъ, должны были, какъ съ фактомъ совершившимся, мириться; но заранѣе можно было предвидѣть, что большія затрудненія встрѣтятъ православные, когда будутъ приводиться въ исполненіе распоряженія короля, касающіяся отобранія отъ уніатовъ предназначенныхъ къ тому церковей, и что дѣло въ данномъ случаѣ не обойдется безъ сопротивленія и открытыхъ столкновеній; можно было заранѣе предвидѣть, что въ большинствѣ случаевъ тотъ или иной исходъ по вопросу объ отобраніи церковей будетъ зависѣть отъ перевѣса въ извѣстной мѣстности матеріальной силы на той или другой сторонѣ. Такъ (за малыми исключеніями, обусловливаемыми особыми обстоятельствами) и было на самомъ дѣлѣ.

Петру Могилѣ предоставлена была кievская митрополія, „при церкви святой Софіи лежащая.“ Кіево-Софійскій соборъ находился до того времени во власти уніатскаго митрополита Вельямина Рутскаго, не жившаго въ Кіевѣ, но имѣвшаго здѣсь своего намѣстника Мартина Корсака.

Петръ Могила, послѣ своего посвященія на митрополию, возвращаясь въ Кіевъ, съ дороги разослалъ вліятельнымъ православнымъ лицамъ письма, въ которыхъ усиленно просилъ ихъ прибыть въ означенный городъ *для сопровожденія его при занятіи митрополіи* и присутствованія при торжествѣ ея освященія, — чѣмъ, по словамъ Могила, и ему доставлена будетъ „выгода,“ и „тому святоблिवому акту“ придана соотвѣтствующая случаю обстановка. Очевидно, Петръ Могила опасался сопротивленія при отобраніи митрополіи со стороны латино-уніатской партіи, какое опасеніе могло увеличиваться предположеніемъ, что не всѣ кievляне (разумѣемъ сторонниковъ Исаи Копинскаго) сочувствуютъ его избранію на первосвятительскую кафедру. Опасенія эти были преувеличены. Хотя отобраніе кievской митрополіи отъ уніатовъ совершилось путемъ и немирнымъ, но состоялось еще до пріѣзда Петра Могила въ Кіевъ, и онъ съ торжествомъ могъ вступить во св. Софію безъ всякихъ сопротивленій³⁶⁾.

³⁶⁾ Настоящаго изслѣд. т. I, стр. 550—551.

Возбужденные против П. Могилы процессы отъ имени уніатскаго митрополита и его клеветовъ, по поводу „насилъственнаго“ отобранія отъ нихъ Кіево-Софійскаго собора съ приписанными въ нему церквами и угодьями³⁷⁾, не были опасны для нашего митрополита. Унія не имѣла прочныхъ корней въ Кіевѣ и едва влачила здѣсь свое существованіе. И нравственный и матеріальный перевѣсъ въ этомъ городѣ всецѣло былъ на сторонѣ православныхъ. Притомъ означенные процессы не имѣли прочной юридической подкладки. Кіево-Софійскій соборъ переданъ былъ Петру Могилѣ не только грамотою короля, но и дипломомъ, одобреннымъ всѣмъ сеймомъ. Правда, вромѣ св. Софіи отобраны были у уніатовъ еще три кіевскія нагорныя церкви, не упомянутыя ни въ означенномъ дипломѣ, ни въ королевской грамотѣ Могилѣ на митрополию, именно: св. Николая Десятиннаго, св. Симеона и св. Василя, но всѣ эти церкви принадлежали къ митрополи кіевской (находились подъ патронатствомъ митрополитовъ) и съ переходомъ послѣдней къ православнымъ, естественно, должны были перейти къ нимъ. Затѣмъ, хотя упомянутыи документами не предоставлялось П. Могилѣ „добръ“, приуроченныхъ къ кіевской митрополи, и они должны были оставаться во владѣніи уніатскаго митрополита (взамѣнъ чего за Могилою оставалась архимандрія Кіево-Печерская и отдавались доходы Никольскаго монастыря), а между тѣмъ при занятіи митрополи отобраны были и софійскіе пляцы въ Кіевѣ съ находившимися на нихъ крестьянами,—но эти пляцы и не входили въ число упомянутыхъ добръ. Это ясно видно изъ статей успокоенія, гдѣ говорится, что *вотчины митрополити* должны оставаться за уніатскими митрополитами, самая же св. Софія Кіевская *съ крестьянами, живущими на пляцахъ вокругъ нея, отдается во владѣніе православнаго митрополита*. Поэтому, хотя жалобы уніатовъ на П. Могилу и были сильно поддерживаемы ихъ покровителемъ, кіевскимъ воеводою, но, по указаннымъ выше обстоятельствамъ, практическаго значенія не имѣли.

Новоизбранному луцкому православному епископу Аѳанасію Пузинѣ королемъ предоставлены были особымъ актомъ, глухо упомянутымъ въ дипломѣ, Жидичинскій монастырь, села Теренки и Теремное,

³⁷⁾ Ibid. Прилож. №№ XC—XCI, стр. 540—548.

а для резиденціи церковь Пресв. Богородицы въ предмѣстьѣ г. Луцка. Всѣ эти „духовныя бенефиціи и дѣбра“ находились до того времени во владѣніи униатовъ. Въ Жидичинскомъ монастырѣ настоятельство-
вали Оранскій, а луцкая церковь и упомянутыя помѣстья принадлежали луцкой униатской епископіи. Передача Пузинѣ этихъ бенефицій совершилась мирно, и никакихъ протестовъ со стороны представителей униатской церкви не послѣдовало. Это случилось потому, что заботы короля во время коронаціи—склонить луцкаго униатскаго епископа Почаповскаго къ мирному соглашенію съ Пузиною и уступить послѣднему нѣкоторыя бенефиціи униатской епископіи—увѣнчались успѣхомъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ король въ грамотѣ, данной А. Пузинѣ. Здѣсь говорится, что дѣбра Теренки „съ принадлежностями“ и Теремное, а также Пречистенская церковь на предмѣстьѣ въ Луцкѣ переданы Пузинѣ „за pozwoleniem у ustąpieniem Roszarowskiego“ ²⁸⁾. Не безъ согласія Оранскаго переданъ былъ Пузинѣ и Жидичинскій монастырь. Разумѣется, сказанное сомнѣнію не подлежитъ. Но представляется весьма странною и потому требующею разъясненія такая уступчивость со стороны Почаповскаго и Оранскаго, не менѣе другихъ униатскихъ духовныхъ лицъ, дорожившихъ своими церковными бенефиціями.. Чѣмъ была вызвана подобная уступчивость?—По нашему мнѣнію, уступчивость эта есть результатъ безвыгоднаго для означенныхъ лицъ добровольнаго соглашенія съ православными, учиненнаго при посредствѣ Владислава IV. Мы думаемъ, дѣло происходило такимъ образомъ. Вслѣдствіе возстановленія правъ православной церкви въ томъ объемѣ, какъ оно проектировалось статьями успокоенія, положеніе, въ какое былъ поставленъ Почаповскій, было для него весьма нежелательнымъ. Въ означенныхъ статьяхъ говорилось: „Луцкое епископство, съ каедрою и со всѣми имѣніями, должно быть передано теперешнимъ луцкимъ владыкою Почаповскимъ владыкъ неуниту, избранному обывателями волинскими, неунитами, и передано тотчасъ, какъ только послѣдній получитъ привилегію отъ короля на коронаціонномъ сеймѣ. Послѣ того, Почаповскій, сохраняя титулъ епископа луцкаго, переселится въ Жидичинскій монастырь и будетъ владѣть имъ до своего перемѣщенія или

²⁸⁾ Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I, т. VI, № CCLXVIII.

смерти; преемникъ же его униатскій епископъ уже не будетъ называться луцкимъ.“ Правда, на коронаціонномъ сеймѣ статьи успокоенія не были утверждены въ полномъ ихъ видѣ, и въ томъ числѣ осталось безъ исполненія и предположеніе о перемѣщеніи въ Жидичинскій монастырь Почаповскаго. Но послѣдній, ознакомленный съ воззрѣніями короля и вообще съ положеніемъ дѣлъ, не могъ не сознавать, что это только вопросъ времени и притомъ—недалекаго. Поэтому, когда Владиславъ IV предложилъ ему пойти на добровольныя уступки новозбранному православнымъ луцкому епископу, Почаповскій воспользовался этимъ и, въ свою очередь, заявилъ извѣстныя требованія отъ своего имени. Словомъ, онъ пожелалъ войти съ Владиславомъ IV и православными въ сдѣлку. Имѣемъ основаніе думать, что сдѣлка эта состояла въ слѣдующемъ: Почаповскій соглашался поступиться нѣкоторыми, принадлежавшими ему, бенефиціями Пузинѣ, но съ условіемъ, чтобы остальные „добра“ луцкой униатской епископіи оставались за нимъ, и онъ до своей смерти оставался епископомъ *statu quo*,—словомъ, требовалъ новой редакціи статей успокоенія *по отношенію къ себѣ*. Повторяемъ, что такая сдѣлка для Почаповскаго была безвыгодна. Но могли считать ее таковою и православные и, въ частности, Пузина. Во 1-хъ, они получали довольно богатую Жидичинскую обитель и часть имѣній, принадлежавшихъ униатамъ, и притомъ, что особенно важно, получали путемъ мирнымъ; во 2-хъ, преклонная лѣта Почаповскаго давали основаніе думать, что переходъ остальныхъ бенефицій луцкой епископіи въ ихъ владѣніе есть вопросъ недалекаго будущаго (въ чемъ и не ошиблись). Въ подобное же соглашеніе православные, при посредничествѣ Владислава IV, вошли и съ Оранскимъ, которому королемъ назначена была ежегодная субсидія въ 2000 злотыхъ польскихъ³⁹⁾ и обѣщано было соотвѣтствующее занимаемому имъ дотолѣ положенію мѣсто,—какое обѣщаніе королемъ тогда же на сеймѣ и было исполнено⁴⁰⁾. Надо

³⁹⁾ Грамота объ этомъ, выданная Оранскому 14 марта 1633 г., находится въ библиотекѣ Кіев. дух. Академіи въ связкѣ документовъ, поступившихъ изъ Тригурскаго монастыря.

⁴⁰⁾ „Подъ часъ успокоенія порознennaго народу руского, за счасливое елекціи (и) коронаціи Его Королевской милости, *взглядомъ затриманое архимандрии Жидичинское конферованный есть монастырь Святаго Спаса въ Володимеру его милости отцу Пахомежу Войне Оранскому и поданный есть правне* (изъ протестаціи отъ имени Оранскаго

полагать, что всѣ указаннныя нами сдѣлки между заинтересованными лицами были оформлены посредствомъ соотвѣтствующихъ актовъ... Наше предположеніе, что изложенное дѣло происходило такимъ именно образомъ, находитъ для себя подкрѣпленіе и въ королевской привилегіи, которою на сеймѣ 1635 года подтверждены были статьи успокоенія. Въ этой привилегіи королемъ сдѣланы были нѣкоторыя отступленія отъ означенныхъ статей, и существеннѣйшія изъ нихъ касаются луцкой епископіи: именно, она со всѣми, принадлежащими ей, бенефиціями (кромѣ упомянутыхъ, уступленныхъ А. Пузинѣ въ 1633 году), оставалась за Почапковскимъ пожизненно и только по смерти его имѣла быть передана православнымъ (въ статьяхъ успокоенія — какъ мы видѣли — сказано, что она послѣдному должна быть передана немедленно). При этомъ король, допустивъ столь существенное отступленіе отъ прежняго, ствержденнаго его присягою, постановленія, не дѣлаетъ относительно сего *никакихъ объясненій* (каковыя объясненія были бы необходимы, если предположить, что измѣненіе относительно луцкой епископіи вызывалось особыми, неизвѣстными православнымъ, обстоятельствами); мало того, король находитъ возможнымъ заявлять, что *„онъ пребываетъ вѣрнымъ статьямъ успокоенія.“* И сами православные, ревностно защищавшіе постановленія относительно своей церкви, состоявшіяся на избирательномъ сеймѣ, не заявили протестовъ по поводу означеннаго королевскаго распоряженія. Все это, безъ предварительныхъ, предполагаемыхъ нами, соглашеній между заинтересованными въ дѣлѣ сторонами, было бы явленіемъ въ высшей степени страннымъ и положительно необъяснимымъ.

Для приведенія въ исполненіе королевскаго распоряженія объ отобраніи отъ униатовъ извѣстнаго количества церквей въ другихъ городахъ и передачѣ ихъ православному населенію назначены были особые комиссары, снабженные соотвѣтствующими полномочіями. Православные, и во главѣ ихъ нашъ митрополитъ, прилагали всевозможныя старанія въ тому, чтобы дѣло это увѣнчалось желаемымъ для нихъ успѣхомъ.

противъ владимірскаго униатскаго епископа, впоследствии „забывшаго“ означенный монастырь и „отнявшаго“ его у Оранскаго вопреки королевскому „привилею.“ См. *городскую Володимірскую книгу за 1634 г.*, хранящуюся въ Кіевѣ. Центральномъ Арх. подъ № 1001, л. л. 1091—1092.— „Наѣздъ“ на монастырь въ количествѣ 50 вооруженныхъ людей и отнятіе его *случилось 1633 года, ноября 19-го*, — о чемъ той же книги см. л. л. 34, 35 и 36).

Заботливость Петра Могилы въ данномъ случаѣ выразилась въ слѣдующемъ:

1) Онъ разсылалъ грамоты православнымъ, въ коихъ, восхваляя ихъ стойкость въ праотцевской вѣрѣ и ободряя ихъ на дальнѣйшіе подвиги при борьбѣ съ противниками, *позволялъ и благословлялъ* отправлять богослуженіе въ тѣхъ церквахъ, которыя, по распоряженію короля, будутъ отобраны отъ „апостатовъ“ и возвращены имъ—православнымъ ⁴¹⁾. Этими грамотами имѣлось въ виду устранить могущее возникнуть въ средѣ православныхъ сомнѣніе,—возможно ли пользоваться церквями, „оскверненными“ въ предшествующее время уніатами.

2) Уполномочилъ назначенныхъ королемъ комиссаровъ для передачи православнымъ церквей—князя Григорія Четвертинскаго и пана Семена Гулевича—занести въ городскія луцкія книги списокъ тѣхъ городовъ и мѣстечекъ, въ коихъ, согласно постановленію, состоявшемуся во время избирательнаго сейма, должно быть предоставлено православнымъ извѣстное количество церквей ⁴²⁾. Занесеніе въ судебныя книги означеннаго списка, *не утвержденнаго на коронаціонномъ сеймѣ*, имѣло цѣлью показать, что православные отнюдь не желаютъ отказаться отъ своихъ правъ на предназначенныя имъ церкви, и что предстоящая передача, согласно распоряженію короля, нѣкоторыхъ, сравнительно со спискомъ, не всѣхъ церквей, составляетъ только частичное удовлетвореніе данныхъ имъ (православнымъ) на избирательномъ сеймѣ по сему предмету обѣщаній.

3) Назначалъ изъ среды духовенства наиболѣе способныхъ лицъ, въ качествѣ своихъ представителей, присутствовать при передачѣ православнымъ церквей и вообще содѣйствовать успѣху въ этомъ дѣлѣ; давалъ имъ соотвѣтствующія инструкціи и полномочія ⁴³⁾; одобрялъ и поощрялъ православныхъ къ ревностной защитѣ пріобрѣтенныхъ ими правъ ⁴⁴⁾; посылалъ вліятельнымъ лицамъ и изъ противнаго лагеря письма, гдѣ, выставляя на видъ, сколько вреда принесли раздоры изъ-за религіозныхъ вопросовъ въ средѣ одного и того же на-

⁴¹⁾ *Прилож.* № XIV.

⁴²⁾ Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I, т. VI. № CCLXVI.

⁴³⁾ *Прилож.* № VIII.

⁴⁴⁾ *Прилож.* № XII.

рода, одной и той же братіи, просиль ихъ содѣйствовать, согласно волѣ короля, успокоенію православныхъ и не дѣлать имъ затрудненій при предстоящей передачѣ церквей⁴⁵⁾,— словомъ, какъ верховный представитель западно-русской церкви, принималъ самое живое и дѣятельное участіе по означенному дѣлу въ интересахъ православія.

Къ сожалѣнію, эти заботы П. Могилы и вообще всѣхъ православныхъ далеко не всегда сопровождались желаемымъ успѣхомъ. Сколько извѣстно, только въ Могилевѣ всѣ предназначенныя православнымъ церкви были безпрепятственно переданы имъ, не возбуждая протестовъ противной стороны⁴⁶⁾. Послѣднее, безъ сомнѣнія, зависѣло отъ того, что унія въ Могилевѣ не имѣла прочной опоры, и упомянутыя церкви не находились въ фактическомъ владѣніи уніатовъ (онѣ были запечатаны). Но въ другихъ городахъ, гдѣ уніаты чувствовали подъ собою болѣе прочную почву, грамоты короля объ отбраніи у нихъ церквей вызывали въ средѣ ихъ сильное волненіе, и мы видимъ, что нѣкоторые комиссары, въ виду протестовъ со стороны уніатовъ, не рѣшаются приводить въ исполненіе королевскаго распоряженія (во избѣжаніе—какъ иногда заявляли—кровопролитія), и церкви по прежнему остаются во владѣніи уніатскаго духовенства или же отбираются православными иными способами уже послѣ отъѣзда слабосильныхъ (а иногда своей обязанности и не сочувствовавшихъ) исполнителей королевской воли; въ иныхъ случаяхъ, когда комиссарами являются люди энергичные и притомъ отличавшіеся ревностью къ православію, хотя предназначенныя королемъ церкви и передаются православнымъ, но вскорѣ послѣ отъѣзда комиссаровъ вновь захватываются уніатами.

Отмѣтимъ факты, подтверждающіе сказанное.

Въ Вильнѣ грамотою короля предназначены были къ передачѣ православнымъ двѣ церкви: св. Параскевы (Пятницкая) и св. Іоанна Предтечи, или, точнѣе, пляцы этихъ церквей „съ принадлежностями,“ такъ какъ самыя церкви представляли въ то время развалины. Но когда королевскій комиссаръ (Константинъ Евстафій Залѣскій), по-

⁴⁵⁾ Прилож. № X.

⁴⁶⁾ Археогр. сборникъ докум. Сѣверо-Зап. Русс. т. II. (Записки игумена Ореста, стр. X).

буждаемый къ тому Виленскимъ Свято-Духовскимъ братствомъ, выѣхалъ на означенные пляцы для передачи ихъ православнымъ, то встрѣтилъ на пляцѣ предтеченскомъ о. Николая Рубинскаго, униатскаго пресвитера церкви св. Пречистой, а на пятницукомъ—о. Сильвестра Котлубая, которые отъ своего имени и отъ имени митрополита (униатскаго) воспротивились означенной передачѣ и въ этомъ смыслѣ вручили комиссару письменное заявленіе. Послѣдній не пожелалъ воспользоваться предоставленною ему властью и (nie sзuniąc żadney desuzuji) ограничился тѣмъ, что о происшедшемъ донесъ королю; къ нему же обратиться за рѣшеніемъ дѣла предоставилъ и обѣимъ сторонамъ, назначивъ для сего опредѣленное время ⁴⁷⁾.

Въ Минскѣ подлежала передачѣ православнымъ Свято-Троицкая церковь. Назначенный для сего королевскою грамотою комиссаръ—земскій писарь воеводства минскаго Христофоръ Володкевичъ—отнесся къ своей обязанности съ большимъ вниманіемъ, нежели упомянутый Залѣскій, но встрѣтилъ энергичное сопротивленіе со стороны униатовъ. Сначала представители униатскаго духовенства въ Минскѣ заявили комиссару, что имъ якобы не выполнена судебная формальность: они поздно извѣщены объ отобраніи у нихъ церкви. Володкевичъ не вступилъ въ препирательство по этому поводу и вручилъ униатамъ вторичное извѣщеніе о возложенномъ на него порученіи, назначивъ для выполненія его новый срокъ (26 іюля). Но когда къ назначенному времени онъ прибылъ въ Минскъ и вмѣстѣ съ судебными властями и православными—духовенствомъ и шляхтою—отправился къ Троицкой церкви, то встрѣтилъ здѣсь огромную толпу латиноуниатовъ и во главѣ ея—митрополичьяго намѣстника Игнатія Шоповича, прокуратора минскихъ монастырей Іосифа Бокія, а также троицкаго священника. Многіе изъ латино-униатовъ заняли преддверіе церкви (бабинецъ) и были вооружены. Когда комиссаръ прочелъ королевскую грамоту и, на основаніи ея, хотѣлъ передать церковь православнымъ, униаты не допустили его до этого („учинили явное сопротивленіе“) и вручили Володкевичу протестацію, предварительно громко прочитавши ее. Здѣсь они заявляли, что на коронаціонномъ сеймѣ статьи упо-

⁴⁷⁾ Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ: Вильны и проч. ч. II, № № 94 и 95.

коенія не были утверждены, и сужденіе о нихъ отложено до будущаго сейма, а потому, хотя по этимъ статьямъ и предназначено передать неунитамъ церковь въ Минскѣ, но исполненіе сего въ данный моментъ преждевременно. Православные (петро-павловскій игумень Теофилактъ Заяць) возражали, что статьями успокоенія предназначено распределить церкви въ городахъ между „неунитами и унитами“ соотвѣтственно численности тѣхъ и другихъ (*według prognozy*), но такъ какъ депутаты на коронаціонномъ сеймѣ не согласились на это, и окончательное рѣшеніе по данному вопросу отложено до будущаго сейма, то милостивый король, желая хотя отчасти удовлетворить просьбы православныхъ, приказалъ передать имъ, по крайней мѣрѣ, по одной церкви въ нѣкоторыхъ городахъ, каковое королевское распоряженіе и должно быть приведено въ исполненіе комиссаромъ. — Уніатскій игумень отвѣтилъ на это, что королевскія грамоты имѣютъ частный характеръ и, какъ *выпрошенныя ad male narrata*, не обязательны для уніатовъ, причемъ присовокушилъ, что предназначенная къ отобранію отъ нихъ Свято-Троицкая церковь сооружена ими, уніатами, и, слѣдовательно, уже по одному этому не можетъ быть передана православнымъ. — Это заявленіе вызвало оживленныя возраженія со стороны православныхъ, особенно по вопросу о томъ, кѣмъ сооружена была Свято-Троицкая церковь. „Не десять лѣтъ тому назадъ, а еще въ то время, когда, объ уніи не было и слышно,“ — говорилъ петро-павловскій игумень, — „означенная церковь построена была нами — православными, и живы еще нѣкоторыя лица, которыя ее строили; затѣмъ она сгорѣла и въ 1603 году возобновлена нами же.“ Справедливость этихъ словъ удостовѣряли находившіеся въ толпѣ прихожане Свято-Троицкой церкви. Затѣмъ православные заявили, что о лживости завѣреній уніатовъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ самый „дзвонъ,“ висящій на Свято-Троицкой колокольнѣ. На этомъ „дзвонѣ“ находится надпись, гласящая, что онъ въ 1612 г. отлитъ въ Гданскѣ иждивеніемъ (*nakładem*) минскаго мѣщанина Михаила Савича при содѣйствіи прочихъ прихожанъ Свято-Троицкой церкви и отданъ на хвалу Божію по обряду православному (*względem posłuszenstwa patriarchy Konstantinopolskiego*). Православные просили комиссара удостовѣриться въ справедливости сказаннаго ими: разсмотрѣть означенную надпись. Но когда тотъ поручилъ „возному енералу“ отправиться на колокольню съ означенною цѣлью,

уніаты оказали ему сопротивление и „замкнули дзвоницу.“ Православные, опасаясь, чтобы противная сторона не уничтожила надписи на колоколѣ, просила комиссара „арестовать дзвонъ“: приставить стражу изъ прихожанъ, живущихъ около церкви, дабы они не допускали уніатовъ дѣлать какія-либо поврежденія на немъ. Комиссаръ вновь приступилъ было къ передачѣ церкви православнымъ, но вновь встрѣтилъ со стороны уніатовъ сильное сопротивление (stawszy s tumultem bronili y nie dopuszczali), а посему, опасаясь возмущенія и пролитія крови, ограничился составленіемъ соотвѣтствующаго происшествію акта и, выдавъ съ него православнымъ копию, отослалъ его на благоусмотрѣніе королю ⁴⁸).

Въ Пинскѣ, согласно королевской грамотѣ, православнымъ имѣла быть переданною церковь св. Ѳеодора Тирона. Комиссаромъ для этого назначенъ былъ Ѳеодоръ Корсакъ (уніатъ). Здѣсь королевское распоряженіе встрѣтило тоже протесты со стороны уніатскаго духовенства, и опять подъ прикрытіемъ того предлога, что о передачѣ православнымъ означенной церкви не упомянуто въ дипломѣ, одобренномъ сеймомъ. Комиссаръ удалился, оставивъ церковь во владѣніи уніатовъ. Но, очевидно, перевѣсъ матеріальной силы въ Пинскѣ былъ на сторонѣ православныхъ. Еще въ предшествовавшее царствованіе имъ удавалось, и не разъ, возвращать отъ уніатовъ свою древнюю Ѳеодоровскую церковь, хотя и не надолго. Теперь же сдѣлать это (воспользовавшись своею численностью) православные могли съ ббльшимъ правомъ. Такъ они и поступили: когда на третій день послѣ отъѣзда комиссара уніатскій священникъ, по обычаю, въ третьемъ часу утра отправился въ Ѳеодоровскую церковь для совершенія богослуженія, онъ нашелъ ее отпертою и наполненною молящимися православными. На этотъ разъ уже уніатамъ приходилось вчинать судебные иски противъ православныхъ ⁴⁹).

Повидимому, еще удачлѣе пошла было дѣла православныхъ въ *Бѣльскѣ*, гдѣ королевскою грамотою имъ предназначена была къ передачѣ церковь Богоявленія, и въ *Клещеляхъ*, гдѣ они должны были получить церковь св. Николая. Комиссаромъ для передачи означен-

⁴⁸) Собраніе древн. грамотъ и актовъ минской губ. № 95.

⁴⁹) Археогр. сборникъ документовъ Сѣверо-Запад. Руси. VI. № 82.

ныхъ церквей назначенъ былъ земскій луцкій писарь Семень Гулевичъ Воютинскій, извѣстный своею ревностью къ православію и избранный уже православными однимъ изъ кандидатовъ на перемышльскую епископію. Послѣ предварительныхъ сношеній и переговоровъ съ бѣльскими братчиками, Гулевичъ 24 іюля (по старому стилю) прибылъ въ Бѣльскъ и въ этотъ же день, въ присутствіи мирополчяго намѣстника о. Теофила (нарочито командированнаго сюда П. Могилою „для отысканія отъ уніатовъ церкви“), многочисленнаго собранія дворянъ воеводства подляскаго и мѣстныхъ обывателей, безпрепятственно отомкнулъ Богоявленскую церковь и передалъ ее „упривилегированному“ Бѣльскому православному братству со всею утварью и всѣми принадлежностями: школою, госпиталемъ, поповскимъ домомъ и церковными грунтами. Разумѣется, безъ протестовъ со стороны уніатовъ дѣло не обошлось, но эти протесты, хотя „барзо злые и фальшивые,“ на первыхъ порахъ были только письменные, и православные безпрепятственно стали отправлять богослуженіе въ возвращенной имъ церкви. Но радость ихъ была непродолжительна: въ ихъ владѣніи церковь находилась только пять недѣль. Владимірскій уніатскій епископъ лично посѣтилъ Бѣльскъ, безъ сомнѣнія, съ цѣлью подготовить почву для противодѣйствія православнымъ, а затѣмъ прислалъ сюда своего намѣстника Симоновича, который, стоворившись съ мѣстнымъ уніатскимъ протопопомъ, священниками и нѣкоторыми членами магистрата, отправился въ костель и здѣсь произнесъ зажигательную рѣчь противъ православныхъ. Нафанатизированная толпа, запасшись оружіемъ, съ крикомъ и шумомъ подступила къ церкви Богоявленія, отбила церковные замки и передала ее во власть уніатскаго духовенства ⁵⁰). Въ это время, надо полагать, произведено было сильное давленіе и на тѣхъ бѣльскихъ гражданъ, которые отrekli было отъ уніи (принадлежа къ ней прежде наружно, страха ради іудейска) и присоединились къ православію. Изъ письма бѣльскихъ братчиковъ къ Петру Могилѣ, писанному по означенному случаю, видно, что въ это время настали времена Сигизмундовскія: „новоножденныхъ отрочать крестити (читаемъ здѣсь), хорихъ и хотячихъ се сповѣдати, мертвыхъ погребати, сильне намъ, правовѣрнымъ, (уні-

⁵⁰) Ibid. т. II. № 102.—103. Рукописный сбор. Кіево-печ. лавры, № 20, л. 31.

ати) не допускають, але до себе презъ мусъ гвалтовне з пострахами приневоляють и притягають зъ неутоленными слезами нашими“⁵¹⁾.

Тоже было и въ Клещеляхъ. Благополучно возвращенная православнымъ чрезъ Гулевича Николаевская церковь, благодаря усиліямъ того же Симоновича, вновь была отнята у нихъ (запечатана)⁵²⁾.

Сопротивленіе оказано было комиссарамъ при исполненіи ими королевскаго распоряженія о передачѣ православнымъ церквей и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ, напр., Гроднѣ, Слонимѣ, Новогрудкѣ, Сокалѣ, Красноставѣ, Брестѣ и др.⁵³⁾.

Всѣ эти сопротивленія и протесты, независимо отъ упомянутой нами слабости королевской власти въ Польшѣ, были слѣдствіемъ усилившагося фанатизма ультра-католической партіи, которая, враждебно относясь къ политикѣ новаго царствованія по вопросу о религіозной вѣротерпимости, напрягала всѣ усилія къ тому, чтобы воспрепятствовать осуществленію добрыхъ начинаній короля. Какъ на образчикъ подобныхъ усилій, разсчитанныхъ возжечь пламя религіозной нетерпимости въ сердцахъ „добрыхъ“ уніатовъ и католиковъ, укажемъ на „казаніа“ придворнаго проповѣдника Фабіана Бирковскаго, произнесенныя имъ на конвокаціонномъ сеймѣ 1632 года и тогда же напечатанныя, а затѣмъ два раза изданіемъ повторенныя и въ 1633 году, причемъ на этотъ разъ съ особымъ посвященіемъ уніатскому митрополиту Вельямину Рутскому. Въ означенныхъ казаніяхъ Бирковскій, принадлежавшій къ ордену доминиканскому, но котораго іезуиты, по всей справедливости, могли считать *своимъ приснымъ*⁵⁴⁾,—не обинуясь говорилъ,

⁵¹⁾ Прилож. № XII.

⁵²⁾ Древніе акты Холмской епархіи (въ Холмскомъ церковно-арх. музеѣ), кн. I.

⁵³⁾ Ibid. О Красноставѣ см. Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. I, т. VI. № CCLXXI, о Брестѣ—Археогр. сборн. док. сѣверо-зап. Руси, т. XI. № 10.

⁵⁴⁾ Іезуитъ Адамъ Маковскій въ своемъ казаніи, произнесенномъ 10 декабря 1636 года при погребеніи Фабіана Бирковскаго (*Obraz Wielebnego oycy Fabiana Birkowskiego z zakonu Dominika świętego doktora, wystawiony na kazaniu pogrebnym... et caet. Krakow, 1637 г.*), указавъ на тѣсныя связи почившаго съ орденомъ іезуитовъ,—восклицаетъ: „Własnie noster iest... w Athenach snadź aboli w Rzymie, parę pacholąt na podziw wystawiono było, oba rozných rodziców y z miasta inszego, a jednak tak sobie wzrostem, mową, chodem, obyczayami y urodą podobnych, że kto imion i nazwisk ich nie wiedział, rzecz była nie podobna, aby iednego od drugiego rozeznał... *Amicus*, powiedział ieden, *alter ego*, co się między nami y oycami nalazło, a w osobie oycy Fabiana prawie dobrze wykonteferowało.“ (Казаніе Маковскаго перепечатано въ изд. *Biblioteka Polska*, ser. na rok 1859, zeszyt 36, 37, 38, 39, но съ нѣкоторыми, весьма незначительными впрочемъ, уклоненіями отъ под-

что права, дарованныя православнымъ, не имѣютъ юридическаго значенія, коль скоро на дарованіе ихъ согласились *не вси католики*. Поэтому православные (и диссиденты) напрасно торжествуютъ. „Niescie—говорилъ онъ, обращаясь къ нимъ—nie wygrali, marnie są triumfy wasze“. Дерзость и фанатизмъ проповѣдника не знаютъ предѣловъ: они простираются до того, что онъ, въ безумномъ ослѣпленіи, отваживается сравнивать религіи диссидентскія, а въ томъ числѣ и православную, съ *непотребными учрежденіями*, терпимыми только по причинѣ человѣческой распущенности! (Jako miasta niektóre próżnych domów dla swawolnych ludzi dopuszczają, non tam libenter, quam reverenter, tak waszych religiey luterskich i kalwinskičkih i arianskich i nalewajkowskich) ⁵⁵).

Разумѣется, казанія Бирковскаго не единственный примѣръ подобныхъ отношеній къ православной церкви. Предшествовавшее царствованіе—царствованіе іезуитовъ въ дѣлахъ по вопросамъ религиознымъ—воспитало немало изувѣровъ, считавшихъ православіе „проклятою схизмою“, искорененіе которой представлялось однимъ изъ самыхъ достопочтенныхъ и богоугодныхъ дѣлъ.

Неудивительно поэтому, что несмотря на королевскія грамоты, ограждавшія православныхъ отъ притѣсненій, вспышки лативо-уни-

линика и съ измѣненіемъ ореографіи. По первому изданію приведенное нами мѣсто находится на стр. 7 и 8.

⁵⁵) O exorbitancyach, kazania dwoje przeciwko niewiernym, heretikom, odszczepińcom u nowym politikom, wierze ś. Katolickiej Rzymskiej u duchowenstwu nieprzyiacolom... Первое изданіе (безъ посвященія Рутскому) перепечатано въ изданіи: *Biblioteka Polska*. Serya na r. 1859, zeszyt 36—39. Изданія 1633 г. носятъ слѣдующее заглавіе: *Exorbitancye Ruskie z Grekow odszczepencow, heretyckie z konfederatow. Kazania dwoie*. (Krakow, 1633 г.). Въ посвященіи Рутскому Бирковскій говоритъ, что бывшія на сеймахъ пренія приводятъ ему на мысль судъ передъ Соломономъ между двумя матерями, жившими въ одномъ домѣ, но „не въ однихъ обычаяхъ.“ Дурная мать, задушивши собственнаго ребенка, замѣнила его живымъ другой матери и усиливалась доказывать на судѣ, что онъ ея собственный; а когда премудрый Соломонъ, съ цѣлю узнать дѣйствительную мать живого ребенка, предложилъ судившимся разсѣчь его на двое, ложная мать кричала: *не тебя, не мнѣ; съжьте его на двое!*—Разумѣется, по Бирковскому, дурною матерью оказывается православная церковь, которая обими уже ногами стоитъ въ пеклѣ и рождаетъ только мертвыхъ дѣтей, а между тѣмъ стремится отнять у св. униі ея достоиніе, требуетъ, чтобы отъ униатовъ отобраны были церкви, епископіи, митрополія, архимандріи... Для чего это дѣлается? спрашиваетъ Бирковскій,—и даетъ слѣдующій отвѣтъ: *Solus ut in vasis regnet basiliscus arena*.

атскаго фанатизма противъ „схизматиковъ“ были возможны даже и тогда, когда, повидимому, не затрогивались матеріальные интересы латино-уніатовъ, какъ это имѣло мѣсто при отобраніи церквей; одна изъ такихъ вспышекъ, напоминающая собою времена Сигизмундовскія, извѣстна.—24 мая 1634 года въ Луцкѣ католики совершали церковную процессію по случаю праздника Тѣла Господня. Подъ тѣмъ предлогомъ, что въ православномъ монастырѣ, принадлежавшемъ луцкому братству, не производилось церковнаго звона, отцы іезуиты луцкой коллегіи съ множествомъ своихъ слугъ и другихъ участвовавшихъ въ процессіи лицъ (всего человекъ до ста), съ саблями, ружьями, кольями, камнями, ворвались въ монастырскій дворъ и, раздѣлившись на партіи, производили здѣсь буйства и опустошенія. Одни, взобравшись на колокольню, забили въ колокола (черезъ что толпа папистовъ еще болѣе увеличилась), другіе ворвались въ церковь, опрокидывая здѣсь подсвѣчники, срывая завѣсы и т. п., третьи вторглись въ училище, богадѣльню, братскія кельи, били и увѣчили всѣхъ попадавшихся подъ руку—учениковъ, богадѣльныхъ старцевъ и поповъ,—причемъ избить былъ самъ игуменъ, у многихъ выбиты были зубы, подбиты глаза, а у учителя Босынскаго отрубленъ палецъ на правой рукѣ. Во время этого буйства разбиты два сундука съ деньгами, которыя и были похищены. Значительно пострадали и самыя монастырскія зданія. Буйства въ Луцкѣ продолжались и въ слѣдующіе дни: сдѣлаю было нападеніе на домъ одного православнаго, православныхъ, показывавшихся на улицахъ, схватывали, били и сѣкли, причемъ одинъ дворянинъ, служившій при дворѣ Пузины (православнаго луцкаго епископа), былъ замученъ до смерти ⁵⁶⁾.

Случалось, что и сеймовое постановленіе (дипломъ), коимъ представлялось православнымъ епископамъ „пользоваться всѣми своими правами и обязанностями надъ всѣми, не находящимися въ уніи“,—встрѣчало сопротивленіе со стороны рьяныхъ приверженцевъ папизма. Извѣстна жалоба луцкаго епископа Аеанасія Пузины на вдову виленскаго воеводы Анну Ходкевичъ, урожденную княжну Острожскую, характеризующая положеніе православныхъ, находившихся подъ властью *владѣльцевъ папистовъ* (по отношенію къ церквамъ, находив-

⁵⁶⁾ Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. I. VI. №№ CCLXXVIII, CCLXXVI.

шимся въ ихъ владѣнiяхъ, такъ называемыхъ, *патроновъ*). Пузина заявляетъ, что онъ позванъ былъ княземъ Чарторыйскимъ въ г. Корець для погребенiя княжны Серафимы, игуменьи Корецкой, каковое и совершилъ. Узнавъ, что въ то время прибыла въ Корець и Анна Ходкевичъ, епископъ сдѣлалъ ей визитъ („врожоной людкости звычайный поклонъ“) и, пользуясь случаемъ, просилъ „воеводину“ дозволить ему произвести ревизию церквей, находящихся въ ея владѣнiяхъ, о чемъ ходатайствуютъ его пасомые, долго не имѣвшiе своихъ архипастырей, и на что онъ, согласно соизволенiю короля и Рѣчи Посполитой, имѣеть полное право; но Ходкевичъ, въ присутствiи многочисленныхъ, бывшихъ у нея въ то время, именитыхъ гостей, не дала епископу просимаго позволенiя: „визитовать и ревидовать заборонила“, и сдѣлала распоряженiе— „мѣсто свое и церкви замыкать и печатовать“, а также: „особамъ духовнымъ и светскимъ послушенство отдавать (Пузинѣ) приказала, за епископа и пастыра имъ (православнымъ подданнымъ) належного вызнать заборонила, до церквей, такъ въ мѣстахъ, яко селахъ своихъ будучихъ, не пускать и мощно боронить казала.“ Дѣйствительно, когда А. Пузина, прибывъ въ г. Острогъ, хотѣлъ произвести ревизию въ мѣстной кафедральной церкви, оказалось, что церковныя принадлежности изъ нея были, по приказанiю Ходкевичъ, забраны, самая церковь запечатана шестью печатями и къ ней при- ставлена дневная и ночная стражи. Не допущенъ былъ Пузина до ревизii и другихъ церквей, находившихся въ г. Острогѣ ⁵⁷⁾.

Въ это время самъ П. Могила получилъ огорченiе, и оттуда, откуда, по видимому, ожидать было нельзя. Состоялось королевское распоряженiе о закрытiи винницкой школы, основанной митрополитомъ, по всей вѣронтности, въ половинѣ 1634 г., и объ низведенiи коллегii кievской на уровеньъ низшаго учебнаго заведенiя. До насъ дошли три письма отъ имени короля по означенному предмету: одно къ самому П. Могилѣ (отъ 29 октября 1634 г.), другое къ винницкому старостѣ (отъ того же числа) и третье къ воеводѣ кievскому (отъ 27 ноября 1634 г.).

„Напоминали твоей велебности—писалъ король нашему митрополиту— и напоминали строго, чтобы болѣе не позволялъ себѣ превышенiя правъ, а дарованными пользовался скромно. Таково однако ве-

⁵⁷⁾ Ibid. ч. I, т. VI, № CCLXII.

лебности твоей послушаніе, что доселѣ воли и приказанія нашего, въ великому прискорбію нашему, не выполнилъ. По сему приказываемъ велебности твоей, чтобы, не дожидаясь другого письма и, не обращаясь къ намъ ни за какимъ разъясненіемъ, тотчасъ же и латинскую типографію и школы латинскія уничтожилъ (zniósł): чтобы ихъ ни въ Кіевѣ, ни въ Винницѣ и ни въ какомъ иномъ мѣстѣ не было. И если это безъ всякаго промедленія, тотчасъ же, на самомъ дѣлѣ не будетъ исполнено, и школы съ типографіею не будутъ уничтожены, знай о томъ, велебность твоя, что мы прикажемъ инстингатору нашему выдать мандаты, и непослушаніе велебности твоей,—вслѣдствіе котораго, по наущеніямъ чернцевъ, бунты и своеволія въ Винницѣ происходятъ,—строго будемъ карать. Сверхъ того приказываемъ велебности твоей, чтобы чернецъ Аѳанасія Ивашкевича, игумена Варлаама Литопольскаго и Христофора Кальнофойскаго непремѣнно отозвалъ и тотчасъ имъ оттуда, какъ бунтовщикамъ, приказалъ выѣхать“⁵⁸⁾.

Въ письмѣ къ винницкому старостѣ король пишетъ: „Мы удивляемся, что вельможность твоя, имѣя отъ насъ ясное и опредѣленное предписаніе, не выполнилъ нашей воли, вслѣдствіе чего своеволіе въ

⁵⁸⁾ Władysława IV, króla polskiego,... listy i inne pisma urzędowe, które do znakomitych w kraju mężów z kancelaryi królewskiej wychodziły. Z rękopismów zebrał *Ambr. Grabowski*. Kraków. 1845 г.—Грабовскій не указываетъ источниковъ, откуда извлечены имъ издаваемые документы. Восполнимъ этотъ пробѣлъ: они дѣлкомъ и въ томъ же порядкѣ перепечатаны имъ съ рукописи, хранящейся въ Краковскомъ Университетѣ подъ № 94, гдѣ означенная грамота помѣщена на стр. 28—29. Въ рукописи она помѣчена данною изъ *Томашева*, а у Грабовскаго—изъ *Львова*. Разумѣется, въ данномъ случаѣ отступленіе Грабовскаго отъ подлинника обуславливалось тѣмъ, что 29 октября 1634 года Владиславъ IV былъ во Львовѣ (онъ прибылъ сюда 26 октября и пробылъ здѣсь цѣлый мѣсяцъ,—см., *Pamiętniki Radziwiłła*, t. I, str. 223 и 225); но дѣлать такія отступленія отъ источниковъ отнюдь не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе безъ оговорокъ. Въ данномъ случаѣ указаніе на составленіе грамоты въ Томашевѣ, гдѣ король въ означенное время не находился, можетъ быть объясняемо не ошибкою со стороны составителя письма,—что, очевидно, предполагалъ Грабовскій,—а иначе,—именно, что письмо составлено по проискамъ латинско-уніатской партіи *канцелярію королевскою*, даже—можетъ быть—безъ вѣдома короля. Въ означенныхъ письмахъ обращаетъ вниманіе также то, что П. Могила не называется (не титулуется) *митрополитомъ*, а только *архимандритомъ*: пріемъ (относительно уменьшенія титуловъ православныхъ іерарховъ, т. е., какъ бы непризнанія за ними ихъ сана), нерѣдко практиковавшійся латинско-уніатскою партіею и вызывавшій энергичные протесты со стороны православныхъ. (См. относительно сего гродс. Владим. книгу, хранящуюся въ Кіев. Центральн. Архивѣ, № 1004, л. 1140).

Винницѣ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе, увеличивается. Поэтому желаемъ и напоминаемъ вельможности твоей опредѣленно, дабы по полученіи нашего письма, безъ всякаго уже промедленія и отсрочекъ, латинскія школы, открытыя схизматиками безъ нашего вѣдома и воли, а напротивъ, вопреки приказанію,—тотчасъ закрылъ и ни подъ какимъ видомъ не допускалъ ихъ существованія въ Винницѣ. При этомъ желаемъ, дабы вельможность твоя поукротилъ и уничтожилъ своеволіе тамошнихъ учениковъ: ибо мы не хотимъ, чтобы студенты отцевъ іезуитовъ и сами отцы претерпѣвали отъ нихъ угнетеніе и неудобства (*angarie y niewczas*), — о чемъ и самъ, в. твоя, позаботишься и чинамъ своимъ (*urzędowi swemu*) строго накажешь“⁵⁹).

Въ письмѣ къ кievскому воеводѣ говорится: „Получивъ извѣстіе, что *архимандритъ* П. Могила въ кiev., волынскомъ, а также брацлавскомъ воеводствахъ школы латинскія открылъ, напоминали ему, чтобы онъ непременно закрылъ ихъ. Но онъ воли и приказанія нашего не исполнилъ,—напротивъ, еще болѣе подобныхъ же школъ устрояетъ (*więcej tychże szkoł stanowi*). Немало такой его поступокъ огорчаетъ насъ, ибо не имѣетъ относительно сего никакого позволенія отъ насъ, но долженъ довольствоваться русскими школами. Поэтому требуется отъ вельможности твоей предварительно его извѣстить, напоминая, дабы онъ оставилъ свои намѣренія и школы латинскія непременно закрылъ. Если же окажется упорнымъ, тогда желаемъ, чтобы в. твоя возбранила симъ школамъ шириться, а о тѣхъ, которыя поставлены имъ, помимо нашего приказанія и воли, извѣстилъ бы его, что имѣешь отъ насъ приказаніе уничтожить ихъ“⁶⁰).

Подобныя распоряженія отъ имени короля, повидимому, шедшія въ разрѣзъ съ его благосклонностью къ православнымъ, могутъ быть объясняемы, съ одной стороны, неопредѣленностью сеймоваго постановленія относительно православныхъ школъ, а съ другой—усиленною агитаціею латино-униатской партіи противъ могилянскихъ коллегій, въ коихъ она, не безъ основанія, видѣла сильнѣйшее противъ себя оружіе. Въ дипломѣ о дозволеніи православнымъ имѣть школы упоминалось глухо, безъ обозначенія учебной программы ихъ, а особой

⁵⁹) Ibid. По рукоп. стр. 28—29. Письмо тоже помѣчено даннымъ изъ Томашева, а Гравовскимъ опять поправлено, какъ и прежде (см. предшествующее примѣчаніе).

⁶⁰) Ibid. по рукоп. стр. 55.

грамоты относительно своей коллегии Могилою получено не было. Между тѣмъ заботы митрополита сравнивать кievскую коллегію въ учебномъ отношеніи съ коллегіями католическими и устройство новой школы въ Винницѣ, тоже съ расширеннымъ кругомъ преподаванія, вызвали усиленную тревогу среди латино-уніатовъ и сочтены были за *своеволие*, въ чемъ, по мнѣнію „добрыхъ“ католиковъ, не безвиненъ былъ самъ король, „явно покровительствовавшій схизматикамъ“. О Могилѣ паписты стали распространять слухъ, что онъ вступилъ въ связь съ еретиками—лютеранами и кальвинистами,—открываетъ новыя латинскія школы въ трехъ воеводствахъ, вопреки диплому (гдѣ предоставляется право православнымъ имѣть школы, которыя были уже у нихъ *in possessione*, и притомъ русскія, ибо не сказано *explicite: szkoly łacinskie*) ⁶¹⁾, что наставники и ученики могилянскихъ школъ производятъ буйства, угнетаютъ студентовъ коллегій іезуитскихъ (въ Винницѣ), и т. п. Словомъ, ультра-католическая партія усиливалась выставить просвѣтительную дѣятельность П. Могилы, направленную къ благоустройству основанныхъ имъ коллегій, какъ дѣло и *противозаконное* (съ юридической точки зрѣнія), и для католическаго государства крайне опасное. Подъ давленіемъ этого шума король и вынужденъ былъ подписать, очевидно, изготовленные въ его канцеляріи, упомянутыя письма.

Но какъ королевскія распоряженія, благопріятствовавшія православнымъ, не исполнялись,—если была къ тому какая-либо возможность,—точно также не было исполнено митрополитомъ приказаніе короля, испрошенное латино-уніатами, относительно закрытія кievскихъ и винницкихъ школъ, въ защиту которыхъ по означенному дѣлу, по приказанію Могилы, издано было цѣлое сочиненіе, вышедшее изъ-подъ пера бывшаго префекта кievо-могилянской коллегии С. Коссова (*Exegesis*, изд. 1635 г. въ Кіевѣ).

Въ это время—время разгара религиозныхъ страстей—нашимъ митрополитомъ составлено, въ утѣшеніе и одобреніе православныхъ, замѣчательное молитвословіе *объ умирении православной церкви*, которое вскорѣ (въ 1634 году) въ распространенномъ видѣ напечатано было въ типографіи Кіево-Печерской лавры, подъ заглавіемъ: *Пара-*

⁶¹⁾ *Exegesis*... С. Коссова. 1635 г., стр. 28. Сравн. „Описаніе докум. архива греко-ун. митроп. т. I. № 631, стр. 233.“

еиміа. Молитвословіе это—плодъ религіознаго воодушевленія Петра Могилы, вызваннаго борьбою съ иновѣріемъ—характеризуетъ переходное (еще не вполне опредѣленное) положеніе западно-русской церкви и свидѣтельствуетъ о надеждахъ, питаемыхъ православными на заступничество новаго короля.

Представляемъ нѣсколько выдержекъ изъ означеннаго молитвословія:

„Боже, Боже нашъ, призри съ высоты святаго жилища Твоего и *виждь озлобленіе, еже отъ сопротивныхъ церкви Твоей належащее; умилосердись на нищету ея и изми ю воскорь отъ рукъ ихъ и сгарьшеннѣ умири ю*: молимъ Ти, услыши и помилуй.

Царю предвѣчный, женише и главо церкви Твоя свята, Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, изліянія ради пречистыхъ Ти кровей, ими же искупилъ еси насъ отъ работы вражія, помяни щедроты Твоя и милости Твоя древняя, и *загради уста всѣхъ, глаголющихъ лукавая и развращенная и сопротивная на церковь Твою святую, и невредимую и непоколебимую съблуди отъ всякаго злаго обстоянія ихъ, и умири ю сгарьшеннѣ*,—помолимъсь, Господи, услыши и помилуй.

Царю праведный и Господи господствующихъ, волныхъ Ти ради страстей и живоносныя смерти и погребенія, и животворнаго въскресенія Твоего, *совѣтъ блазъ о вѣрѣ православный и о святѣй твоей соборный церкви въ сердце царицы и всѣхъ предстоящихъ ему въ полатѣ всади, и мирная и благая о ней всегда глаголати устрой, и еже воскорь сгарьшеннѣ ю умирити совѣтуй*,—прилѣжно молимъсь, услыши и помилуй.

Боже и Творче и Содѣтелю нашъ, не помяви нашихъ беззаконій первыхъ, аще бо и согрѣшихомъ, но не отступихомъ отъ Тебе, Бога нашего, не воздѣхомъ руки наша ко Богу чуждему; Тебе молимъ и Тебе мился дѣвемъ: *призри на рабъ Твоихъ, труждающихся о умиреніи церкви Твоя свята, и, прости въ имъ и намъ всякое согрѣшеніе волное и неволное, ниспосли на нихъ благодать и даръ Пресвятаго Ти Духа, въ еже подати имъ силу и крѣпость и слово во устѣхъ, еже мощи вопротивитись всѣмъ сопротивляющимся церкви Ею святѣй, и благополучнѣ побѣдити ихъ*,—рцемъ вси: Господи, услыши и воскорь помилуй.

Еще молимся о благочестивыхъ рабѣхъ Божіихъ (имя рекъ), о еже Господу нашему *укрѣпити и утвердити ихъ во службу своей*

и подати имъ силу и крѣпость Духа своего Пресвятаго во побѣду на вся противящіяся церкви Его святѣй и во потребленіе злочестія ихъ.

Хвалимъ тя, Боже преблагій, благословимъ тя, Царю пресвятѣй, и славимъ тя, Вседержителю милостивѣй, яко не возгнушался еси надъ нами недостойными, грѣшными и оскверненными рабы Твоими, но, услышавше молитву нашу, всѣхъ сердца во едино согласити и едиными усты съгласно на царство сіе избрати и нарицати маниемъ Ти Божественнымъ повелѣлъ еси, отъ царскихъ бедръ изшедшую всесвѣтлую отрасль, мужа кротка, монарха блага, *церковь Твою и людей Твоихъ, во благочестіи сущихъ, любяща, царя Владислава, его же, молимъ тя, яко же Давида благослови и царство его утверди, яко же Соломона мудростію и праведнымъ судомъ и любовію ко всѣмъ подручнымъ своимъ и ко страннымъ украси, церковь Твою и люди Твоя любити и мирная о ней глаголати и тѣмъ благотворити всегда створи, длгоденнымъ здравіемъ, многолѣтнымъ пребываіемъ, силою и крѣпостію и побѣдою на вся враги и супостаты огради его. Молимъ-тись, Господи, услыши и помилуй.*

Господи Боже, Спаситель нашъ, упованіе всѣхъ концевъ земли и сущимъ на морѣ далече, молимъ-тись: утверди, помилуй и благослови новоябраннаго царя нашего Владислава, *и въ сердцѣ его мирная и благая о церкви Твоей и всѣхъ людяхъ Твоихъ всегда глаголати и свершеннѣю умирити и во пръвое благольнѣе и благочиніе украсити створи, во дняхъ его всему царству благочиніе, миръ и благоденствіе подаждь, людямъ Твоимъ здравіе, воздуховъ благораствореніе, плодовъ земныхъ умноженіе и времена мирная даруй.*

Обручивъ себѣ невѣсту церковь, *возмущенную нынѣ отъ враговъ отступныхъ, причистыхъ Ти ради страстей, яже того ради чело-вѣколюбѣ претерпѣлъ еси, отъ озлобленія ихъ избави и вскорѣ умири,*—молимъ-тись услыши и помилуй.

Раны, заушенія, оплеванія и поносная униженія церкви ради своей волею претерпѣвъ, *отъ волковъ хищныхъ нынѣ возмущенную и отъ безбожныхъ отступныхъ гонимую, тую нынѣ отъ сихъ злодѣйства избави и воскорѣ умири,*—молимъ-тись, Владыко Святѣй, услыши и помилуй⁶²).

⁶²) Собственноручныя записки П. Могилы, вполне напечатанныя нами въ I ч. т. VII Архива Юго-Зап. Россіи (приведенныя нами мѣста см. на стр. 167—170).

Сопротивленіе латино-уніатовъ распоряженіямъ короля о передачѣ православнымъ нѣкоторыхъ церквей и вообще (по выраженію помянутаго „цѣснопѣвнѣ“) „злодѣйства“, чинимыя ими „во благочестіи сущимъ,“ — какъ мы видѣли, — основывались болѣею частію на томъ внѣшнемъ предлогѣ, что статьи успокоенія, проэктированныя на избирательномъ сеймѣ, не были (въ полномъ ихъ видѣ) одобрены сеймомъ коронаціоннымъ и, такимъ образомъ, не получили значенія закона общеобязательнаго (*lex publica*). И хотя на послѣднемъ сеймѣ категорически было заявлено, что утвержденіе означенныхъ статей есть дѣло *недалекаго будущаго*, но латино-уніатская партія, имѣя въ виду примѣры предшествовавшаго царствованія (когда успокоеніе греческой религіи постоянно откладывалось *отъ сейма до сейма*), льстила себя надеждою, что домогательства православныхъ, встрѣтивъ сильныя протесты со стороны „добрыхъ католиковъ“, и на этотъ разъ будутъ отклонены сеймовыми депутатами. Подобныя надежды рыаные папасты питали и прямо ихъ высказывали еще непосредственно послѣ коронаціоннаго сейма, не обвиняясь заявляя, что уступки православнымъ, сдѣланныя на этомъ сеймѣ католиками съ великимъ прискорбіемъ (*magno nostro dolore*), обуславливались обстоятельствами времени, *обычными* при избраніи королей, и что въ будущемъ домогательства „схизматиковъ“ могутъ быть отклоняемы *съ болѣшимъ успѣхомъ* (*commodius feliciusque*) ⁶³). Надежды эти сильно поддерживаемы были увѣренностію, что римскій престолъ не только не дастъ своего соизволенія на утвержденіе статей успокоенія, но и сдѣлаетъ все, отъ него зависящее, дабы разрушить плоды усилій православныхъ на предшествовавшихъ сеймахъ ⁶⁴).

⁶³) Изъ письма Станислава Любинскаго, епископа плоцкаго, которое послано было имъ въ Римъ послѣ коронаціи Владислава IV. (*Рукон.* бібліотеки Оссолинскихъ во Львовѣ, № 157, л. 296 об.).

⁶⁴) Каспаръ Скупинскій въ своемъ сочиненіи: „*Rozmowa albo relata rozmowy dwoch Rusinow, schizmatika z unitem*“, изд. въ 1634 г., влагаетъ въ уста уніата, разговаривающаго съ православнымъ, слѣдующія слова: „*Że się chwaliż, żeście wygrali* (т. е. получили на коронаціонномъ сеймѣ благоприятный для православія дипломъ). *Wygraliście w tym, bo cerkwie, monasteru y imiona cerkiewne niektore naznaczone są wam, do których mere et nullo nie należeliście. A u mnie to wygrana, kiedy consens Summi Pontificis byłby, ale wiem, że Summus Pontifex nie ict approbatorum schizmat.*“ (Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I, т. VII, стр. 731).—О подготовленіяхъ латино-уніатовъ къ предстоящему сейму см. постановленіе провинціального собора, состоявшагося подъ предсѣдательствомъ гнѣзненскаго архіепископа Венжика, въ ноябрѣ 1634 г. (*Synodus provincialis sub Illustrissimo*

Разумѣется, эти надежды и чаянія латино-уніатской партіи не были тайною для православныхъ. Отсюда понятно, что и къ предстоящему сейму они должны были подготовляться съ такимъ же тщаніемъ и заботливостію, какія обнаружены были ими предъ сеймами предшествовавшими. Такъ и было на самомъ дѣлѣ.

Что касается нашего митрополита, то дѣятельность его въ этомъ отношеніи (какъ и въ прежнее время при однородныхъ обстоятельствахъ) отличалась обычными, свойственными ему неутомимостію, энергіею и благоразуміемъ. Онъ воодушевлялъ православныхъ къ предстоявшей борьбѣ съ враждебною партіею, побуждая устроить общественныя молебствія объ одержаніи побѣды надъ религіозными противниками, ⁶⁵) старался сгруппировать силы своей паствы, призывая ее къ единодушію и мужественному стоянію за праотцевскую вѣру, разсылалъ письма вліятельнымъ лицамъ въ государствѣ съ просьбою содѣйствовать умиротворенію православія и тѣмъ положить конецъ смутамъ, столь пагубнымъ для самой Рѣчи Посполитой, причемъ въ письмахъ православной шляхтѣ намѣчалъ иногда предметы самыхъ петицій, которыя они должны были обсудить на своихъ предварительныхъ совѣщаніяхъ (сеймикахъ предсеймовыхъ) съ цѣлію занесенія ихъ въ инструкціи посламъ, отправляемымъ на сеймъ ⁶⁶); наконецъ, и самъ дѣятельно готовился къ поѣздкѣ—и это уже въ четвертый разъ—къ имѣющему открыться сейму. Сохранилось письмо П. Могилы къ могилевскому братству отъ 4 ноября 1634 года, гдѣ онъ, между прочимъ, пишетъ: „Думаемъ, что безъизвѣстны милостямъ вашимъ труды и издержки смиренія нашего, которые мы охотно понесли для блага церкви Божіей и успокоенія своего православія на прошлыхъ двухъ сеймахъ во время междуцарствія и на третьемъ при счастливой его королевской милости, пана нашего милостиваго, коронаціи, „не безъ пожитку (пользы) для всего благочестиваго народу“. Затѣмъ, упомянувъ въ общихъ чертахъ въ чемъ состо-

et Reverend. Domino Joanne Węzyk... et sacra., изд. 1636 г. въ Краковѣ. См. XXI главу подъ заглавіемъ: *De unione Ruthenorum*).

⁶⁵) Къ этому времени относится изданіе, упомянутой нами, *Параміи* (молебныя пѣнопѣнія объ умирненіи православной церкви).

⁶⁶) На вишенскомъ сеймѣ 1634 г. посламъ на общій сеймъ 1635 г. вмѣнялось въ обязанность имѣть въ виду „*prozbie Jego Mości Metropolity Kiiowskiego*.“ (Бернадинскій архивъ во Львовѣ. Ind. castr. Terr. Leop. № книги 385, стр. 439).

яли эти „пожитки“, П. Могила указывает на необходимость совмѣстнаго дѣйствія въ интересахъ православія и на предстоящемъ сеймѣ, дабы довести дѣло успокоенія церкви до желаемаго окончанія. Приглашая братчиковъ тоже явиться (т. е. послать депутатовъ) на сеймъ, митрополитъ говоритъ, что предшествовавшія его поѣздки для означенной цѣли истощили его „достатки“ и собственные и монастырскіе (при другихъ неотложныхъ расходахъ), а потому обращается къ братству съ просьбою оказать ему денежное вспоможеніе для предстоящаго его путешествія на сеймъ⁶⁷⁾. Подобныя же грамоты, безъ сомнѣнія, посланы были П. Могилою и другимъ вліятельнымъ братствамъ. По крайней мѣрѣ, въ расходной книгѣ Львовскаго братства подъ 17 ноября 1634 года значится: *Его милости отцу митрополиту на потребу посполитую 430 злотыхъ*,⁶⁸⁾—жертва, очевидно, вызванная посланіемъ П. Могилы, по содержанию однороднымъ съ его письмомъ къ братчикамъ могилевскимъ.

На предварительныхъ совѣщаніяхъ шляхты, обычныхъ предъ сеймами, вопросамъ религіознымъ—какъ и слѣдовало ожидать—отведено было первенствующее мѣсто, причемъ православные дворяне энергично настаивали на томъ, чтобы въ инструкціи сеймовымъ депутатамъ включено было обязательство для нихъ не приступать, согласно диплому, ни къ какимъ сеймовымъ постановленіямъ дотолѣ, пока не будутъ утверждены статьи успокоенія въ томъ видѣ, какъ онѣ проектированы были во время елекціи (какъ занесены въ раста *conventa*). И подобныя требованія дворянъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ численность православныхъ была не незначительна, были удовлетворяемы. Такъ, напр., въ инструкціи посламъ на сеймъ, составленной 4 декабря 1634 года на вишенскомъ сеймикѣ, говорится: „Такъ какъ для Рѣчи Посполитой и сохраненія правъ нашихъ весьма важно, чтобы все, значащееся *въ пактахъ конвентахъ*, недавно утвержденныхъ присягою короля его милости, было исполнено: то мы поручаемъ панамъ посламъ нашимъ, дабы они, приступая къ составленію сеймовой конституціи, начали оную съ пактовъ конвентовъ и, если что согласно съ ними не исполнено, напомнили о томъ и про-

⁶⁷⁾ Археограф. сборникъ документовъ сѣверо-зап. Руси, т. II. № 38.

⁶⁸⁾ Архивъ Львов. Ставроп. Института. Приходо-расх. книга in Q. № R. 35, стр. 8.

силы всѣ статьи въ оныхъ утвердить безъ исключенія“⁶⁹). И въ другомъ мѣстѣ: „Что касается пановъ братіи нашей религіи греческой, въ униі не находящихся, о томъ должны стараться п. п. послы наши, чтобы они, согласно конституціи, составленной во время коронаціи, и диплома, имъ даннаго, совершенно были успокоены“⁷⁰).

Но уже и на этихъ предварительныхъ совѣщаніяхъ въ средѣ депутатовъ возникали разногласія по вопросамъ религіознымъ, долго тормозившія теченіе дѣлъ, — разногласія, зависѣвшія иногда отъ противорѣчій между самими православными. Такимъ вопросомъ было замѣщеніе перемышльской кафедрѣ (о чемъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ). Пререканія по этому вопросу вишенскій сеймикъ разрѣшилъ, воспользовавшись случаями, имѣвшимися мѣсто во время сеймовъ предшествовавшихъ: посовѣтовалъ спорящимъ обратиться къ посредничеству короля и положиться на его рѣшеніе. „А такъ какъ — читаемъ въ упомянутой инструкціи — относительно перемышльской епископіи между ихъ милостями панами братією нашею религіи греческой, въ униі не находящимися, великія были препирательства, которыя долге нашъ сеймикъ задерживали, то какъ въ началѣ своего царствованія его королевская милость, король нашъ милостивый, благоразумно и отечески заботился объ успокоеніи означенной религіи, такъ и въ настоящее время мы желаемъ того, чтобы авторитетомъ его царской власти означенная контроверсія была успокоена, то однако себѣ, согласно правамъ и обычаю, охраняя, дабы обывательскаго гражданина, рожденный въ землѣ перемышльской, владыкою былъ“⁷¹).

Обращеніе и на этотъ разъ въ затруднительномъ случаѣ къ Владиславу IV, не встрѣтившее возраженій со стороны православныхъ, свидѣтельствуетъ объ укоренившейся между ними увѣренности въ искреннемъ желаніи короля содѣйствовать дѣлу религіознаго успокоенія. Дѣйствительно, торжественно высказанныя обѣщанія короля по

⁶⁹) „Iż wiele na tym Rzeczy Pospolitej y wolnościom naszym należy, *aby we wszystkich punctach Pactis Conventis, świeżo nam od jego Krolewskiej Mości poprzysiężonych, dosić się stało, zlecamy to panom posłom naszym, aby, zaczynając constitutie seymowe, a pactis conventis poczeli, y iesliby się w ktorych ieszcze nie dosić stało, tego upominali się y prosili, aby wszystkie do effectu przywiedzione były.*“ (Бернад. Архивъ во Львовѣ. Ind. Castr. Terr. Leopold, № кн. 385, стр. 1518).

⁷⁰) Ibid. см. *прилож.* стр. 82.

⁷¹) Ibid. см. *прилож.* стр. 82.

этому предмету при его избраніи, не разъ повторенныя впослѣдствіи, сознаніе гибельности для государства ультра-католической политики своего отца, опасеніе неминуемыхъ волненій въ случаѣ неудовлетворенія законныхъ требованій православныхъ, затруднительное положеніе, въ какомъ находилось въ то время государство,—все это побуждало Владислава IV твердо стоять за свои воззрѣнія по религіозному вопросу и всячески содѣйствовать исполненію данныхъ православнымъ обѣщаній. Поэтому предстоявшаго сейма Владиславъ IV ожидалъ не съ меньшимъ волненіемъ, чѣмъ сами православные, и къ благополучному окончанію его, еще задолго до назначенія онаго, прилагалъ соотвѣтствующія своимъ желаніямъ подготовленія.

Разумѣется, главнымъ тормозомъ для благихъ намѣреній короля (для успѣха православныхъ) былъ римскій престоль, соизволеніе котораго относительно статей успокоенія выставлялось латино-уніатами, какъ необходимое условіе для ихъ утвержденія сеймомъ. Всѣ—и православные и латино-уніаты—хорошо понимали, что такого соизволенія (въ особенности при тогдашнихъ отношеніяхъ католицизма къ православію,—отношеніяхъ, дышавшихъ нетерпимостью) послѣдовать не могло. Латино-уніаты съ полнымъ основаніемъ могли разсчитывать, что, вмѣсто согласія папы, изъ Рима посыпятся громы и молніи на лицъ, сочувствующихъ „успокоенію схизмы“. На этой увѣренности—какъ мы сказали—латино-уніатская партія основывала свои надежды относительно неутвержденія сеймомъ упомянутыхъ статей.

Поэтому одною изъ главныхъ заботъ Владислава IV послѣ коронаціоннаго сейма было устранить предвидимый изъ Рима ударъ, грозившій разрушить планы короля относительно успокоенія православныхъ,—по крайней мѣрѣ, смягчить этотъ ударъ и сдѣлать его менѣе вредоноснымъ.

Такую чрезвычайно трудную задачу Владиславъ IV намѣревался разрѣшить, воспользовавшись установившимся въ Польшѣ обычаемъ, по которому новый король, по своемъ вступленіи на престоль, чрезъ нарочитое посольство увѣдомлялъ объ этомъ папу съ изъясненіемъ ему, какъ главѣ католицизма, сыновней покорности. Подобное, обычное посольство Владиславъ IV и избралъ средствомъ для достиженія своей цѣли—испросить у папы столь необходимое соизволеніе на предполагаемое успокоеніе православныхъ согласно съ пактами конвентами. Посломъ для этой важной миссіи избранъ былъ королемъ

Георгій Оссолинскій, и лучшій выборъ для намѣченной цѣли сдѣлать было трудно.

Георгій Оссолинскій происходилъ изъ фамилии *родовитой*, но небогатой ⁷²⁾. Своею карьерою онъ обязанъ былъ преимущественно самому себѣ. Получивъ блестящее по тому времени образование, онъ, по возвращеніи на родину, началъ службу при дворѣ королевича Владислава въ качествѣ одного изъ приближенныхъ дворянъ въ его свитѣ. Но желаніе выдвинуться изъ среды своихъ сверстниковъ, а главное попытки подорвать расположеніе королевича къ его давнему любимцу Казановскому, вызвало непріязнь къ Оссолинскому со стороны Владислава, и онъ долженъ былъ выбыть изъ его свиты. Женитьба на дочери короннаго подскарбія составила ему, въ лицѣ вліятельнаго тестя, значительную протекцію, благодаря которой Оссолинскому удалось въ 1621 году, на двадцати-шестилѣтнемъ возрастѣ, стать во главѣ посольства, отправляемаго въ Англію съ просьбою къ королю о помощи, въ виду крайне стѣсненнаго положенія Польши послѣ пораженія подъ Цецорою. Посольство это дало возможность Оссолинскому обнаружить свои способности и какъ *блестящаго оратора*, и какъ *искуснаго дипломата*. Произнесенная Оссолинскимъ при представленіи англійскому королю рѣчь такъ понравилась послѣднему, что онъ тотчасъ послѣ аудіенціи просилъ посла прислать съ нея копию и приказалъ отпечатать ее на языкахъ латинскомъ, англійскомъ, французскомъ, испанскомъ и нѣмецкомъ ⁷³⁾. Краснорѣчіе у Оссолинскаго соединялось съ глубокимъ знаніемъ человѣческаго сердца, и его рѣчи, приносимыя къ тому же съ замѣчательнымъ ораторскимъ искусствомъ,

⁷²⁾ Объ Оссолинскомъ въ польской литературѣ существуютъ спеціальныя монографіи. Лучшія изъ нихъ: 1) *Życie Jerzego Ossolińskiego, kanclerza Wielkiego Koronnego...* et caet. Dzieło ks. *Franciszka Bogomolca*, изданное въ 1777 г. въ двухъ томахъ, а затѣмъ перепечатанное въ изд. *Biblioteka Polska*. Serya na rok 1861. Zeszyt 1—5. Оно важно по значительному количеству приложеннаго къ нему сырого матеріала (первоисточниковъ). 2) *Jerzy Ossoliński. D-ra Ludwika Kubala* (Lwow. 1883 г., въ двухъ томахъ). Последнее сочиненіе имѣетъ значительную цѣнность вслѣдствіе широкой постановки вопросовъ и принесенію новыхъ данныхъ.

⁷³⁾ Jerzego Ossolińskiego kanclerza Wielkiego Koronnego autobiografia, obejmująca pierwszych 26 lat iego życia (*Biblioteka Ossolińskich. Zbiór materyałów do Historji Polskiej*. Zeszyt III. Lwow. 1876) str. 127. Оссолинскій заявляетъ, что „drukarz (его рѣчи) jednego dnia kilkanaście tysięcy egzemplarzy przedał.

всегда производили неотразимое впечатлѣніе. Впослѣдствіи, когда слава неподражаемаго оратора за Оссолинскимъ твердо упрочилась, и онъ выступалъ на сеймахъ съ рѣчью — все замирало. „Ille regit dictis,“ — говорили о немъ пріятели, — „animos et pectora mulcet,“ — добавляли недоброжелатели ⁷⁴). За посольство въ Англію, успѣшно выполненное, Оссолинскій получилъ отъ короля староство радомицкое, за участіе въ войнѣ прусской — староство андзельское, за участіе въ переговорахъ при заключеніи мира съ Швеціею — подстольство коронное. Но возвысился Оссолинскій только въ самомъ концѣ царствованія Сигизмунда III, точнѣе сказать, при самой его кончинѣ, благодаря всемогущей въ то время при дворѣ павнѣ Урсулѣ Майеринѣ, усерднѣйшей въ теченіи многихъ лѣтъ слуги короля, замѣнявшей его дѣтямъ вторую мать. При одрѣ умирающаго короля Оссолинскій получилъ должность подскарбіа (казначея) надворнаго, занимаемую предъ тѣмъ его тестемъ Яномъ Даниловичемъ, а этотъ послѣдній перемѣщенъ былъ на должность подскарбіа короннаго ⁷⁵). Обѣ эти должности, высокія сами по себѣ, пріобрѣтали необыкновенно важное значеніе во время междуцарствія въ Польшѣ: надворный подскарбіи въ это время получалъ доходы съ королевскихъ имѣній и, совмѣстно съ подскарбіемъ короннымъ, расходовалъ ихъ. Если примемъ во вниманіе, что Сигизмундъ III скончался имѣя долги, обремененъ былъ долгами и королевичъ Владиславъ, а между тѣмъ послѣднему нужны были средства для поддержанія своей кандидатуры на престолъ, — то поймемъ, какъ важно было для семьи покойнаго короля имѣть въ подскарбіяхъ лицъ, расположенныхъ къ ней. Безъ сомнѣнія, преданная королевскому дому Урсула хорошо понимала это и, надо полагать, вошла въ соглашеніе съ Оссолинскимъ, предоставляя ему означенную должность. Какъ бы то ни было Оссолинскій оказался самымъ удобнымъ для Владислава казначеемъ: сокровищница государственная была всегда открыта для него, и вообще оба подскарбіа во время междуцарствія сильно радѣли предъ сеймовыми депутатами объ умноженіи королевскаго скарба. Съ этого времени преждее, давнее нерасположеніе Владислава къ Оссолинскому замѣнилось *большою при-*

⁷⁴) Jerzy Ossoliński, Kubala, t. I, str. 40.

⁷⁵) Pamiętniki Radziwiłła I. 8—9.

язнію. Во время елекціи онъ сдѣлалъ его своимъ частнымъ министромъ, а когда вступилъ на престолъ, то сразу же наградилъ по царски, чѣмъ вызваны были и удивленіе и зависть съ разныхъ сторонъ. Король подарилъ Оссолинскому свой палаць въ Варшавѣ, саблю стоющую 10.000 злотыхъ, шесть великолѣпныхъ коней, 60.000 злотыхъ готовыми деньгами, великолѣпныя украшенія, которыми были обиты во время коронаціи хоры въ краковскомъ костелѣ, и кромѣ того (что возбуждало наибольшую зависть) ему предоставлено было одно изъ наибогатѣйшихъ староствъ—староство *быдгоское*.

Какъ человѣкъ умный, образованный, съ опытностію искуснаго дипломата соединявшій счастливый даръ краснорѣчія, Оссолинскій—какъ мы сказали—былъ самымъ подходящимъ человѣкомъ для предназначенной ему миссіи. Правда, онъ считался добрымъ католикомъ и однимъ изъ ревностнѣйшихъ противниковъ иновѣрцевъ. Во время преній на конвокаціонномъ сеймѣ по вопросу объ успокоеніи диссидентовъ, онъ, обращаясь къ послѣднимъ, произнесъ слѣдующія знаменательныя слова, не разъ потомъ повторявшіяся рьяными папистами и сдѣлавшіяся какъ бы классическими въ устахъ ультра-католической партіи: „Религія ваша—пришлецъ (*przechodniem iest*) у насъ; вѣра же католическая—госпожа и хозяйка въ дому своемъ. Берите, что дается вамъ изъ милости; мы скорѣе пожертвуемъ своею жизнію и имуществомъ, нежели допустимъ васъ свободно распоряжаться въ Польшѣ“⁷⁶). Тѣмъ не менѣе, какъ человѣкъ въ высшей степени честолюбивый, стремившійся къ почестямъ и желавшій играть видную роль въ государствѣ,—что возможно было только при довѣрїи и расположенности короля,—Оссолинскій нашелъ для себя болѣе удобнымъ содѣйствовать предначертаніямъ Владислава IV и слѣдовать его политикѣ по вопросамъ государственнымъ. Щедрыя милости короля окончательно утвердили Оссолинскаго въ этой мысли, и онъ со времени коронаціоннаго сейма дѣлается какъ бы *правою рукою* Владислава.

Королемъ даны были Оссолинскому инструкціи и письменная (составленная при его же участіи)⁷⁷) и устная *секретная*. Послу по-

⁷⁶) Ibid. t. I, str. 59.—Срав. *прилож.* къ I т. настоящаго изслѣдованія, стр. 472.

⁷⁷) Письменная инструкція Оссолинскому въ копїи хранится въ библ. Оссолинскихъ во Львовѣ; № рукоп. 225 (Kubal. I. 281).

ручалось повергнуть къ стопамъ св. отца полную покорность со стороны новаго короля и заявить о самыхъ благихъ его намѣреніяхъ по вопросамъ религіознымъ; обѣщать отъ его имени, что онъ не только будетъ заботиться объ обращеніи въ лоно католицизма польскихъ схизматиковъ, но постарается привлечь къ подножію апостольскаго престола Швецію и Москву, противъ которыхъ готовится къ войнѣ. Король желаетъ только, чтобы св. отецъ въ настоящее время не противился тѣмъ временнымъ уступкамъ схизмѣ, которыя вызваны были крайнею необходимостію, и не изрекалъ осужденія на его королевскую присягу по данному вопросу.

Кромѣ этой главнѣйшей цѣли посольства были и другія довольно щекотливыя просьбы къ папѣ, какъ-то: объ урегулированіи „десятинъ“, о воспрещеніи духовнымъ лицамъ пріобрѣтать помѣстья и, въ особенности, о процессѣ Краковской академіи съ іезуитскою коллегіею, основанною въ Краковѣ въ ущербъ интересамъ означенной академіи, а между тѣмъ получившею соотвѣтственную ея желаніямъ привилегію отъ папы.

Посольство Оссолинскаго отличалось необычайною, невиданною дотошъ, ни въ Польшѣ, ни въ Римѣ, пышностію. Всего въ свитѣ (съ прислугою) было до 300 человекъ. Въ то время съ большею помпою и блескомъ отправлялъ посольства французскій дворъ. Но Оссолинскій рѣшился въ этомъ отношеніи затмить самихъ французовъ, и что послѣдніе имѣли сдѣланнымъ изъ серебра, онъ желалъ имѣть изъ золота, что они изъ золота—онъ изъ драгоценныхъ камней, что тѣ изъ драгоценныхъ камней—онъ изъ діамантовъ (алмазовъ). Реляціи и появившіяся тогда описанія въѣзда въ Римъ Оссолинскаго дѣйствительно имѣютъ какой-то почти сказочный характеръ. Между прочимъ, въ нихъ рассказывается, что кони въ свитѣ посла имѣли подковы изъ чистаго золота, причемъ нѣкоторые изъ нихъ были умышленно плохо прикрѣплены и распадались въ отдѣльные куски на „добычу уличной черни“ 78).

78) Реляціи о въѣздѣ Оссолинскаго въ Римъ см. у Kubala, т. I, примѣч. на стр. 281.—Въ числѣ подарковъ папѣ Оссолинскій, между прочимъ, везъ якобы *подлинный привилегій Константина Великаго* (diploma donationis), хранившійся въ московской царской сокровищницѣ и захваченный поляками во время занятія ими Москвы.

Эта сказочная роскошь не была слѣдствіемъ одного обычнаго у поляковъ гонбра; расчетъ у Оссолинскаго могъ быть и болѣе тонкій: поразить столицу св. Петра видимыми знаками богатства, славы и могущества того государя, который, въ лицѣ своего посла, столь покорно преклоняетъ свою голову къ подножію папскаго престола. Оссолинскій надѣялся чрезъ блескъ своего посольства достигнуть болѣе уступчивости относительно своихъ просьбъ со стороны папы и лицъ, его окружавшихъ: этотъ блескъ былъ какъ бы удачнымъ приступомъ къ его дипломатической задачѣ. Дѣйствительно, Оссолинскій сразу же окруженъ былъ исключительнымъ вниманіемъ со стороны папы и его придворнаго штата.

3 декабря 1633 года (послѣ предварительныхъ переговоровъ Оссолинскаго съ кардиналами) назначена была послу аудіенція у папы, состоявшая при самой блестящей обстановкѣ. Приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ рѣчи Оссолинскаго предъ Урбаномъ VIII, преимущественно касающіяся интересующаго насъ вопроса.

Начавъ свою рѣчь заявленіемъ, что Владиславъ IV, могущественнѣйшій монархъ, носящій на своей главѣ три царскія короны—польскую, шведскую и московскую,—въ лицѣ его, посла, съ покорностію упадетъ предъ столицею апостольскою, предпочитая всякимъ триумфамъ благоговѣйныя службы сей столицѣ и цѣлованіе ногъ папскихъ, указавъ затѣмъ на военные подвиги Владислава, сдѣлавшіе его имя извѣстнымъ всему свѣту,—ораторъ продолжалъ: „Такимъ образомъ, всѣ народы, населяющіе сѣверъ Европы отъ Карпатъ до Каспійскаго моря, отъ Ледовитаго океана до моря Чернаго,—все это, отче святой, за преклоненіемъ Владислава, упадетъ передъ твоимъ треномъ; ибо всѣ тѣ народы, или по праву наслѣдственному, или, какъ покоренные чрезъ оружіе, признаютъ его своимъ государемъ. Между ними всѣми первое мѣсто по справедливости принадлежитъ Польшѣ, которая какъ властителямъ своимъ добровольно подчиняется, такъ и религію и благочестіе не чрезъ насиліе или угрозы благоговѣйно сохраняетъ. Сіа-то Сармація, недоступная римскому оружію, въ настоящее время покорилась римской вѣрѣ; она, нѣкогда столькихъ суевѣрій кормильница, нынѣ единого Бога служительница; она ревностнѣйшій стражъ вольности, никогда не удручаемая ярмомъ, въ настоящее время бискупамъ и столицѣ апостольской наипокорнѣйшая слуга,—Польша, говорю, которая одна на свѣтѣ не производитъ уродства. Не вышло изъ

нея ни одной ереси, ни одного отступничества, а если и тамъ найдутся зараженные недугомъ сосѣднихъ народовъ, то таковыя немедленно сурою правъ нашихъ карою и пятномъ вѣчнаго безчестія отъ цѣлости шляхты пребываютъ отсѣченными. Кто только прочитаетъ узаконенія, при королѣ Ягайо установленныя, а по обычаю отечественному соизволеніемъ всего рыцарства утвержденныя, тотъ признаетъ, что клятвы ни одного собора строже не относились къ ереси. И хотя въ настоящее время мы склоняемся отчасти потворствовать несчастному времени и братской любви, никогда однако не допускали и не допустимъ уничтожить означенныхъ узаконеній, желая дать свидѣтельство потомству, что устойчивость отечества и правъ нашихъ основываемъ на цѣлости единой религіи. Даже въ оное недавнее, плачевное для Рѣчи Посполитой время, когда мы короля Сигизмунда—живой образъ благочестія съ земли на небо взятый—оплакивали, ты увидѣлъ бы, отче наисвятѣйшій, цѣлый сеймъ, сенать и народъ польскій, наиболѣе борьбою за религію и съ соотечественниками своими, зараженными ересью, занятымъ, нежели заботящимся о безопасности отчизны и объ избраніи новаго короля. Ревность свѣтскихъ чиновъ дополняла заботливость бискуповъ и заслужила какъ отъ нихъ, такъ и отъ твоего апостольскаго посла публичныя благодарности“.

Указавъ затѣмъ на почетное положеніе, которое занимаетъ въ Польшѣ католическое духовенство, на выдающуюся религіозность польскаго народа, наконецъ на то, что Рѣчь Посполитая всегда была опорой противъ вторженій въ католическія государства со стороны враговъ христіанства турокъ и, вообще, выставивъ на видъ могущество Польши,—Оссолинскій, отъ имени отечества, къ стопамъ св. отца припадающаго, благодаритъ папу за его содѣйствіе при избраніи короля, подчеркивая при этомъ, что выборъ этотъ для римскаго престола долженъ быть наиболѣе желателенъ. „Черезъ тебя,—говорилъ Оссолинскій,—величайшій изъ папъ, Польша имѣетъ Владислава, Владиславъ Польшу, а ты обладаешь обоими. И ты, при помощи Божіей, узришь еще предъ своею столицею одичалыхъ львовъ скандинавскихъ, усмирненныхъ могучею рувою Владислава; узришь предъ собою отщепенцевъ отъ верховнаго пастыря и замкнешь ихъ въ своей овчарнѣ: ибо вышелъ на ловитву сынъ твой, дабы насытить тебя, и голодь твой, жаждущій славы Найвысшаго, утолить, и дабы тамъ обнаружить начало своего царствованія, гдѣ есть надежда возмѣстити потери,

какія понесли небо и церковь⁷⁹... Рѣчь заканчивается завѣреніемъ въ покорности апостольскому престолу Владислава, который всегда готовъ слѣдовать его указаніямъ въ дѣлахъ религіозныхъ⁸⁰).

Рѣчь Оссолинскаго произвела глубокое впечатлѣніе на окружающихъ и чрезвычайно понравилась папѣ: *и Цицеронъ не могъ бы сказать лучше*⁸⁰), заявилъ онъ одному изъ своихъ приближенныхъ, находившемуся во время аудіенціи вблизи папскаго трона. *Лучшаго посла и vybratъ было нельзя*⁸¹)—писалъ онъ впоследствии Владиславу IV, благодаря его за посольство и осыпая при этомъ похвалами Оссолинскаго. Пріязненные отношенія къ всеильному въ то время кардиналу Барберини и другимъ вліятельнымъ римскимъ сановникамъ установились у Оссолинскаго еще ранѣе папской аудіенціи, почти тотчасъ же по пріѣздѣ его въ Римъ. Такимъ образомъ, возложенная на посла миссія началась при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ.

Относительно изложенныхъ въ королевской инструкціи петицій учреждены были особыя комиссіи, причемъ кардиналъ Барберини представилъ Оссолинскому право по своему усмотрѣнію избрать въ нее членовъ изъ римскихъ кардиналовъ для совмѣстнаго обсужденія петицій съ членами посольства. Всѣ, хотя и весьма важныя, но все-таки второстепенныя просьбы короля были удовлетворены, даже щекотливое дѣло о закрытіи іезуитской коллегіи въ Краковѣ. Но самое главное и существенное желаніе короля—вопросъ объ успокоеніи православныхъ, одобреніе пактовъ конвентовъ, встрѣтило въ комиссіи „непреодолимыя препятствія“. „Назначена была для разсужденія объ этомъ предметѣ—писалъ Оссолинскій впоследствии—конгрегация изъ четырехъ кардиналовъ, четырехъ прелатовъ и четырехъ канониковъ. Не было недостатка въ стараніи, чтобы найти способъ удовлетворить желаніе короля; съ великимъ тщаніемъ разрабатывали этотъ вопросъ, во время моего пребыванія въ Римѣ, въ теченіи цѣлыхъ пяти недѣль, однако не могли найти средства, какимъ бы образомъ апостольская столица оказала

⁷⁹) Рѣчь Оссолинскаго передъ папою издана была тогда же (въ 1633 г.) въ Римѣ; затѣмъ перепечатываема была нѣсколько разъ. Издаваема была въ переводѣ и на польскій языкъ. Помѣщена она (на латинскомъ и польскомъ языкахъ) и у Богомольца по указ. изданію на стр. 257—261 и 311—316.

⁸⁰) Jerzy Ossoliński, Kubala, I. 88, гдѣ указанъ и первоисточникъ.

⁸¹) *Theiner. Vetera Monum. Polon. et Lithuaniae.* t. III. № CCDLIX, pag. 408.

хотя бы и *слабѣйшее подобіе* (najmniejsze podobieństwo) своего участія въ возвращеніи церковныхъ бенефіцій схизматикамъ. Просиль ксендза суффрагана гнѣзненскаго, секретаря посольства, не уѣзжать изъ Рима до самаго окончанія этого дѣла, но и онъ ничего не могъ сдѣлать, такъ какъ препятствіе состояло въ томъ, что (римскій) костель не только не могъ одобрить, но и *согласиться* на возвращеніе духовной власти тѣмъ, которые отлучились отъ единенія съ нимъ; напротивъ того, каждый пастырь, согласно Божественному закону, повиненъ душу положить за стадо свое⁸²⁾.

Дѣйствительно, съ суровою непреклонностію формулировано было окончательное постановленіе конгрегаціи относительно успокоенія православныхъ южно-руссовъ согласно съ проэктированными на избирательномъ сеймѣ статьями. Конгрегація не только не нашла возможнымъ исполнить желаніе короля, какъ оно выражено было въ данной Оссолинскому инструкціи, т. е. *одобрить* означенныя статьи, но съ рѣшительностію отклонила и болѣе умѣренное предложеніе, исходившее отъ лица о. Валеріана (капуцина), — одного изъ близкихъ къ Владиславу IV духовныхъ лицъ, находившагося въ свитѣ Оссолинскаго, — предложеніе — дать *момаливое согласіе* на просьбу короля. Конгрегація заявила, что апостольскій престолъ не можетъ въ этомъ дѣлѣ молчать и бездѣйствовать (*silere aut dissimulare*), напротивъ, долженъ въ виду предстоящаго сейма всячески противодѣйствовать (*gerugnare et contradicere*) домогательствамъ схизматиковъ, побуждая къ протестамъ какъ нунція въ Польшѣ, такъ и всѣхъ католиковъ, въ особенности прелатовъ. Въ этомъ смыслѣ рѣшено было дать инструкцію нунцію и вообще наблюдать, чтобы интересы уніатовъ польскихъ не пострадали на предстоящемъ сеймѣ⁸³⁾.

⁸²⁾ Jerzy Ossoliński, Kubala. I. 90.

⁸³⁾ *Theiner. Vetera Monum. Polon. et Lithuaniae* t. III. № CCCLXIX. Здѣсь въ протокаціи нунція Филонарда, занесенной противъ сеймовой конституціи 1641 г. о религіи греческой, приводится только *начало* постановленія палской конгрегаціи, вызваннаго просьбою Владислава IV къ римскому престолу относительно соизволенія на „статьи успокоенія.“ Въ полномъ видѣ означенное постановленіе находится въ рукоп. сборникѣ, принадлежавшемъ преосв. Макарію, а нынѣ находящемся въ библіотекѣ Кіев. Дух. Академіи подъ № Аа, 210 (см. стр. 63). — Въ Архивѣ греко-уніат. митрополитовъ при Св. Синодѣ, въ переплетенной книгѣ подъ № VIII, находятся постановленія палской конгрегаціи по означенному вопросу, состоявшіяся 5, 22 и 30 декабря 1633 г. 27 января, 2, 4 и 5 февраля 1634 г.

Это окончательное рѣшеніе конгрегаціи, состоявшееся уже послѣ отъѣзда Оссолинскаго изъ Рима, было имъ предвидѣно; тѣмъ не менѣе онъ отъѣзжалъ со спокойною душою: то, чего онъ никакими усиліями не могъ достигнуть у римскихъ прелатовъ, того достигъ у самого папы. Послѣдній далъ Оссолинскому согласіе удовлетворить главную просьбу короля въ томъ смыслѣ, что никакой грозной грамоты со осужденіемъ дѣйствій Владислава въ Польшу не восплѣдуетъ, и что рѣшеніе конгрегаціи (разумѣется, папѣ заранѣе извѣстное) будетъ имъ задержано до окончанія сейма. Словомъ, папа далъ то *молчаливое согласіе*, которое предлагалось о Валеріаномъ и на которое, безъ сомнѣнія, только и могъ рассчитывать польскій король. Что дѣйствительно такое обѣщаніе папою было дано и притомъ исполнено, это—думаемъ—едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію. Въ грамотѣ Владислава, выданной уніатамъ непосредственно послѣ сейма 1635 года (14 марта), между прочимъ, говорится, что онъ, король, радѣя объ общественномъ благѣ, озабоченъ былъ примиреніемъ людей греческой религіи и способы для такого примиренія приостановилъ было до рѣшенія св. отца, но такъ какъ св. отецъ съ своимъ рѣшеніемъ *замедлилъ* и никакой опредѣленной деклараціи не учинилъ (іъ оуsiec ś. iudicium swoie suspendit у żadney deklaracyi rzetelney nie uczynił), а на сеймѣ иначе нельзя было приступить къ разсужденіямъ объ охранѣ Рѣчи Посполитой и другимъ дѣламъ,—то и пришлось уступить людямъ, не въ уніи находящимся и т. д. ⁸⁴). Тоже самое заявляетъ и подканцлеръ коронный Тома Замойскій въ подписѣ своемъ подъ протестомъ латино-уніатовъ относительно сеймовой конституціи 1635 года (іъ оуsiec ś iudicium suum suspendit) ⁸⁵).

Надо полагать, что обаяніе, произведенное въ Римѣ Оссолинскимъ, и выставленная имъ заманчивая перспектива загнать въ папскую овчарню „одичалыхъ скандинавскихъ львовъ,“ въ связи съ распространившимися слухами объ удачахъ Владислава IV въ начатыхъ имъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Москвы, и были главною причиною *необычайной* (принимая во вниманіе извѣстные взгляды папскаго престола относительно схизмы) уступчивости Урбана VIII.

⁸⁴) Археогр. сборникъ документовъ Сѣверо-Зап. Руси. II. № 44.

⁸⁵) *Прилож.* № XIX, стр. 78.

Оссолинскій уѣхалъ изъ Рима осыпанный папскими милостями и посѣтивъ еще, тоже по порученію Владислава, нѣкоторые владѣтельные дворы, въ мартѣ 1634 года возвратился на родину. Король чрезвычайно былъ доволенъ результатами посольства и вновь щедро наградилъ своего фаворита. Реляцію о своей миссіи въ Римъ Оссолинскій доложилъ шляхтѣ на сеймѣ 1635 года.

Этотъ, съ нетерпѣніемъ ожидаемый православными сеймъ назначенъ былъ на 31 января и, открывшись въ назначенное время, продолжался шесть недѣль (до 14 марта) ⁸⁶⁾. Подробныхъ свѣдѣній объ немъ не имѣется. Но ходъ дѣла на сеймѣ по вопросу объ успокоеніи православныхъ въ общихъ чертахъ можетъ быть восстановленъ.

Почти тотчасъ же по открытіи сеймовыхъ засѣданій православные, согласно полученнымъ ими инструкціямъ, заявили свое требованіе объ *окончателномъ успокоеніи ихъ религіи*, причемъ, разумѣется, выставляли на видъ данное имъ на коронаціонномъ сеймѣ обѣщаніе, что на первомъ слѣдующемъ сеймѣ ни къ чему не будетъ приступлено пока не воспослѣдуетъ утвержденіе статей успокоенія. Латино-уніатская партія по обычаю указывала на несомвѣстимость такихъ требованій съ католическими традиціями, и исполненіе ихъ ставила въ зависимость отъ соизволенія папы. Сеймовые депутаты пожелали ознакомиться съ результатами посольства по этому поводу въ Римѣ, и 14 февраля Оссолинскій „чинилъ публичную реляцію по этому предмету“ ⁸⁷⁾. Мы уже сказали, что опредѣленнаго рѣшенія папою относительно статей успокоенія не было дано или, точнѣе, суровое опредѣленіе по сему предмету римской конгрегаціи временно было имъ задержано. Это обстоятельство сторонниками *успокоенія православныхъ* (а такихъ было немало и между благоразумными католиками) могло быть изъясняемо въ смыслѣ *молчаливаго согласія* римскаго

⁸⁶⁾ Первымъ, послѣ коронаціоннаго, сеймомъ былъ общій сеймъ въ Варшавѣ, созданный на 19 іюля 1634 года. Но это былъ сеймъ двухъ-недѣльный (обычно сеймы продолжались шесть недѣль) и созданъ былъ, какъ говорится въ началѣ конституціи, составленной на немъ, „*prominawszy zwykłe solennitates*,“ вслѣдствіе угрожавшей опасности отъ ту-роковъ. Разсужденій о религіозныхъ дѣлахъ на этомъ сеймѣ не было (см. сеймовую конституцію подъ означеннымъ годомъ).

⁸⁷⁾ Pamiętniki Radziwiłła. I 232.

престола на статьи успокоенія; противоположное толкованіе „о намѣреніяхъ св. отца“ дѣлаемо было—и это, разумѣется, болѣе согласовалось съ дѣйствительностію—ультра-католическою партією. Словомъ, начались обычныя, нескончаемыя препирательства между сеймовыми депутатами. Не подлежитъ сомнѣнію, что король и въ это время, какъ на предшествовавшихъ сеймахъ, употреблялъ все свое вліяніе къ благополучному окончанію сейма, что возможно было только при удовлетвореніи просьбъ православныхъ, съ непоколебимою твердостію заявлявшихъ, что они „не приступятъ ни къ какимъ разсужденіямъ, если не будутъ исполнены данныя имъ обѣщанія.“ Безъ сомнѣнія, король входилъ въ личныя объясненія и съ православными, склоняя ихъ на нѣкоторыя уступки униатамъ частнаго характера (относительно церковныхъ бенефицій), и съ представителями латино-уніатской церкви, убѣждая ихъ подчиниться предстоявшимъ имущественнымъ отчужденіямъ отъ нихъ, и съ вліятельными свѣтскими чинами, указывая имъ на опасность, какая предстоитъ Рѣчи Посполитой въ случаѣ неутвержденія сеймомъ статей успокоенія. Происходили по этому вопросу и частныя засѣданія въ присутствіи представителей отъ имени короля. „Религія греческая—пишетъ С. Радзивиллъ въ своемъ дневникѣ подъ 26 февраля—имѣла частное засѣданіе, на которомъ и я долженъ былъ присутствовать *по приказанію короля*“⁸⁸). Есть извѣстіе, что въ это время православные—подобно тому какъ на конвокаціонномъ и избирательномъ сеймахъ—вошли въ соглашеніе съ *диссидентами*, дабы общими усиліями содѣйствовать успокоенію религіи. Находится намекъ и на то, для чего нашему митрополиту нужны были большія денежныя средства для сеймовыхъ поѣздокъ, и куда уходила значительная часть „отеческаго его достоянія“ и матеріальныхъ вспомоствованій отъ папсты. Въ реляціи нунція Висконти, посланной въ 1636 году къ кардиналу Барберини о положеніи дѣлъ въ Польшѣ, о сеймѣ 1635 года, между прочимъ, сообщаются такія свѣдѣнія: „Дизуниты на прошломъ сеймѣ, *соединившись съ диссидентами*, употребляли всевозможныя козни, наихитрѣйшія вслѣдствіе лукавой злости греческой, чтобы достигнуть цѣли своихъ злоумышленій; угрожали даже, что употребятъ насиліе (*użyją gwałtu*), и если не взялись

⁸⁸) Ibid. I. 234.

за оружіе (*nie rzucili się do żelaza*), то потому только, что имъ удобнѣе было вести борьбу посредствомъ золота, которое, вслѣдствіе корыстолюбивой алчности здѣшнихъ католиковъ, попало не къ одному Лудъ. Не довольствовались (православные) немногимъ, но, отвергнувши всякое соглашеніе, хотѣли совершенно искоренить унію, отнять отъ нея наилучшія бискупства, монастыри, церкви, имущества церковныя, и присвоить оныя схизмѣ, а также основывать новыя и чрезъ то такъ упрочить ее, чтобы уже никогда не могла ниспровергнуться...“

„Вслѣдствіе такого насильственного преслѣдованія, малой склонности и преданности шляхты къ уніи и причинъ, въ другихъ мѣстахъ этого письма указанныхъ, нельзя было избѣжать многихъ потерь; напротивъ того, умнѣйшіе католики и сами даже уніаты, существенныя интересы которыхъ были здѣсь замѣшаны, доселѣ не могутъ надивиться, что корабль, обуреваемый такимъ волненіемъ, не потонулъ окончательно“⁸⁹⁾.

8 марта сеймъ цѣлый день занятъ былъ разсужденіями о греческой религіи, „и всѣ согласились—какъ заявляетъ Радзивилль—на то, чтобы и унія и схизма *permissive* свое богослуженіе (*nabożeństwo*) отправляли“... „Не знаю—съ грустью прибавляетъ сей добрый католикъ“—подтверждаетъ ли небо этотъ терминъ *permissive*. Я одинъ не могъ преодолѣть сего, протестуя и духовнымъ выставя на видъ тревожное сомнѣніе, что нужно страшиться того термина *permissive*: какъ бы оный страшный Судія не допустилъ такихъ (согласившихся на уступки православію) до неба *prohibitive*, а не отослалъ до пекла *permissive*“⁹⁰⁾.

Но этотъ терминъ *permissive* отнюдь не желателенъ былъ и для православныхъ, которые, не подлежатъ сомнѣнію, возставали противъ него, видя здѣсь важное ограниченіе восстанавливаемыхъ правъ своей церкви. Дѣйствительно, въ сеймовую конституцію терминъ этотъ не былъ внесенъ. Означенная конституція по вопросу объ успокоеніи греческой религіи дословно гласила слѣдующее: „Удовлетворяя *Pactis Conventis* и поручительству, данному во время счастливой нашей коронаціи относительно успокоенія и умиротворенія подданныхъ на-

⁸⁹⁾ *Relacye nunciuszow Apostolskich i innych osob o Polsce*. II. str. 264—265,

⁹⁰⁾ *Pamiętniki Radziwiłła*. I. 239.

шихъ, обывателей коронныхъ и Вел. Княжества Литовскаго религіи греческой, мы установленное, согласно съ пунктами, составленными при нашемъ избраніи, примиреніе (zgode) приводимъ въ исполненіе, и на будущее время, руководствуясь сими пунктами, обѣщаемъ отъ имени своего и нашихъ преемниковъ охранять, какъ находящихся въ единеніи (съ римскою церковію), такъ и не находящихся въ ономъ, на основаніи сего установившагося закона. Доброжелательствуя же сему примиренію, мы повелѣли выдать имъ на нынѣшнемъ сеймѣ привиллегіи въ знакъ достовѣрнаго обезпеченія (договоровъ), за подписомъ нашей руки и нашими печатями. Также всѣ процессы и тяжбы, начатыя съ обѣихъ сторонъ изъ-за религіи и вышеупомянутыхъ статей, предаемъ вѣчному забвенію и уничтожаемъ, возобновляя обѣщаніе, подробно изложенное въ конституціи 1609 года“⁹¹⁾.

По окончаніи сейма Владиславомъ IV, на основаніи ставшей закономъ конституціи, выданѣ было^к (14 марта) двѣ основныхъ привиллегіи: одна—уніатамъ, а другая—православнымъ.

Въ привиллегіи, данной уніатамъ, отъ имени короля говорилось слѣдующее:

„Объявляемъ всѣмъ, кому о томъ знать слѣдуетъ, теперешнимъ и будущимъ (людямъ): такъ какъ мы, радѣя о благѣ общественномъ, приняли на себя трудъ водворить миръ между людьми греческой религіи и способы для осуществленія этого пріостановили было до рѣшенія (do deklaracyey) св. отца; но поелику св. отецъ замедлилъ съ своимъ сужденіемъ и никакого опредѣленнаго рѣшенія не учинилъ, а между тѣмъ на сеймѣ иначе (т. е., не удовлетворяя просьбамъ православныхъ) невозможно было приступить къ охранѣ Рѣчи Посполитой и другимъ дѣламъ, то и пришлось намъ уступить людямъ, не находящимся въ уніи, что сдѣлано нами не съ цѣлю одобренія правъ схизмы, но ради общественнаго блага. Посему и настоящее свидѣтельство наше даемъ въ томъ, что мы къ людямъ, находящимся въ уніи съ костеломъ римскимъ, исполнены благосклонности и расположенія и сохраняемъ за ними митрополию и принадлежація къ ней имѣнія на вѣчныя времена. При уніатахъ же должны оставаться навсегда архіепископство полоцкое, бискупство владимірское, епи-

⁹¹⁾ Прилож. стр. 78.

ское, холмское и смоленское, съ монастырями, церквами и имѣніями, имъ принадлежащими; за униатами также должны оставаться навсегда Виленскій монастырь Св. Троицы съ братствомъ, съ церковію св. Пятницы и съ принадлежащими къ нимъ фундушами, монастыри—гродненскій, жидичинскій, могилевскій, минскій, новогрудскій, онуфривскій, мстиславскій—пустынскій, полоцкій, брацлавскій, лещинскій и другіе, которые находятся въ настоящее время въ ихъ владѣніи. А въ Витебскѣ, Полоцкѣ и Новогрудкѣ неуныты никогда не должны имѣть ни одной церкви. Удостоверяемъ также за себя и наисвятейшихъ преемниковъ нашихъ, что означенныя епископства, архимандритства, игуменства, мы и преемники наши не будемъ отдавать никому иному, какъ только заслуженнымъ базилианскимъ законникамъ (монахамъ), держащимся правилъ св. Василя, которыхъ теперешній митрополитъ унитъ и его преемники, униты, будутъ предлагать намъ и преемникамъ нашимъ (для утверженія въ должностяхъ)⁹²⁾.

⁹²⁾ Означенная грамота напечатана: въ *Археограф. сборникъ документовъ, относящихся къ Северо-Зап. Руси*, два раза,—въ т. I подъ №№ 138—141, въ ряду другихъ грамотъ, данныхъ униатамъ, и во II т. подъ № 44, отдѣльно; у Островскаго въ III т. его сочиненія:—*Dzieje y prawa kościoła Polskiego* (стр. 496—498), и у Кулѣша въ соч.: *Wiara Prawosławna* (изд. 1704 г., стр. 261—262). Во всѣхъ этихъ изданіяхъ грамоты, кромѣ незначительныхъ разпорѣчій, происшедшихъ отъ неудачнаго прочтенія нѣкоторыхъ мѣстъ и по смыслу легко восстанавливаемыхъ, есть *существенное* разногласіе въ названіи одного монастыря, предназначеннаго униатамъ. Въ *Археограф. сборникѣ* т. II, (стр. 61) онъ называется *Płystynski*; въ I т. того же сборника (стр. 357)—*Płyszynski*; у Островскаго и Кулѣша: *Pustynski*. Преосв. Макарій въ своей *Исторіи Церкви* (XI. 476) отдастъ предпочтеніе первому изъ указанныхъ чтеній: *Плѣтисинскій*. Но такого монастыря не было. Безъ сомнѣнія, должно признать правильнымъ чтеніе Островскаго и Кулѣша, но предварительно сдѣлавъ къ нему *зотю и корректурую, но весьма важную поправку*,—именно, между: *Mscisławski, Pustynski*, слѣдуетъ уничтожить *запятую*, т. е. въ данномъ случаѣ разумѣются не два монастыря, а одинъ: *Мстиславскій пустынскій*. Такой монастырь дѣйствительно существовалъ и находился не далеко отъ Мстислава. Свѣдѣнія о немъ восходятъ къ концу XV стол.—14 сент. 1499 года мстиславскій князь Михайлъ Ивановичъ по челолюбію игумена и братіи „*чреистой Богоматери зъ Пустынки*“ позволилъ имъ призывать и селить на монастырской землѣ людей, съ освобожденіемъ ихъ отъ урядоваго и владычнаго суда и повинностей (А. З. Р. т. I. № 177, стр. 201). Дальнѣйшія документальныя данныя объ означенной обители см. А. З. Р. т. I №№ 215, 217. Ibid. т. II №№ 21, 63, 142 и 162. Ibid. т. III №№ 23, 98. Вѣлорусскій Архивъ (Москва. 1824) ч. I № 31. *Археогр. сборникъ Северо-Зап. Руси*, т. II №№ 9—11, 15—16.—На Замостьскомъ соборѣ означенный монастырь предназначенъ былъ для резиденціи униатскаго смоленскаго архіепископа.

Кстати, сдѣлаемъ одно замѣчаніе. Упомянутая грамота Владислава IV униатскому

Выданная православнымъ привиллегія гласила слѣдующее:

„Объявляемъ всѣмъ, кому слѣдуетъ, что мы, пребывая вѣрными статьямъ примиренія между унитами и неунитами греческаго обряда, которыя составлены во время счастливой нашей елекціи и утверждены конституціею настоящаго сейма,—помимо сего опредѣляемъ слѣдующее: на луцкомъ епископствѣ ксендзъ Почаповскій долженъ пребывать до своей смерти; а послѣ его смерти означенное епископство нами будетъ предоставлено со всѣми издревле принадлежащими къ нему имѣніями отцу Пузинѣ, неуниту, избранному на оное обывателями волинскими и уже посвященному; а если отецъ Пузина умретъ прежде теперешняго уніатскаго луцкаго владыки, тогда означенная епископія будетъ принадлежать тому, кого волинскіе обыватели, какъ своего електа, намъ представятъ. А когда луцкое епископство будетъ передано неуниту, жидичинская архимандрія немедленно будетъ предоставлена униту, со всѣми имѣніями, издавна къ ней принадлежащими, и съ церковію Пресвятой Троицы, а также дворикомъ, приписаннымъ къ означенной архимандріи. Селенія Теренки, Седмирки и Теремки, которыми отецъ Пузина владѣетъ пожизненно, по вступленіи его на луцкую епископію имѣютъ оставаться при той же епископіи, какъ во владѣніи его самого (Пузины), такъ и его преемниковъ, неунитовъ.—Равнымъ образомъ по смерти ксендза Аѳанасія Крупецкаго, перемышльскаго владыки, мы передадимъ это епископство съ имѣніями тому, кого изберутъ перемышльскіе обыватели и намъ представятъ. Для резиденціи же теперешняго перемышльскаго владыки неунита мы назначаемъ и утверждаемъ монастыри: Спасскій, св. Онуфрія и называемый Смольница со всѣми принадлежащими тѣмъ монастырямъ имѣніями. А когда послѣ смерти ксендза Крупецкаго неунитъ приметъ въ свою власть перемышльское епископство, тогда церкви св. Спаса и св. Николы, находящіяся на перемышльскомъ предмѣстьѣ, съ селеніемъ Шехиномъ, принадлежащимъ къ имѣніямъ епископскимъ,—будутъ переданы униту, единодушно избранному въ епископа находящимися въ уніи, и должны оставаться въ фактиче-

духовенству Виленскою Археогр. комиссіею при изданіи ея (Арх. сб. т. II. № 44) снабжена и русскимъ переводомъ. Переводъ этотъ во многихъ мѣстахъ до такой степени далекъ отъ подлинника, что совершенно переиначиваетъ и искажаетъ его смыслъ... Къ чему помѣщать подобные переводы?!

скомъ владѣніи того епископа и его преемниковъ.—Гродненскій монастырь съ его имѣніями будетъ принадлежать унитамъ, въ вознагражденіе за что униты уступили неунитамъ монастырь Выдубицкій подъ Кіевомъ съ имѣніями, издревле къ нему принадлежащими, и перевозомъ.—Также и монастырь св. Спаса въ Могилевѣ съ перевозомъ останется во владѣніи уніатовъ; а церковь св. Креста въ Могилевѣ и селенія Печерскъ, Цвырковъ, Борсуки и Тарасовичи, которыми владѣютъ нынѣ уніаты, также церковь въ Минскѣ, называемая Блаженная (Beata), должны принадлежать неунитамъ.—Отецъ же Петръ Могила, избранный отъ неунитовъ митрополитомъ, какъ владѣетъ архимандрією печерскою, монастыремъ Никольскимъ и церковію св. Софіи, такъ въ его совмѣстномъ владѣніи все это, до конца его жизни, и должно оставаться; а послѣ его смерти бенефиціи будутъ розданы согласно со статьями примиренія, утвержденными при нашемъ избраніи.—Въ школахъ кіевскихъ и виленскихъ дозволяемъ неунитамъ учить по-гречески и по-латыни, такъ впрочемъ, чтобы свободнымъ наукамъ обучали не далѣе діалектики и логики.—А какія церкви предоставлены будутъ унитамъ и неунитамъ комиссарями, для этого нами назначенными, обѣ стороны должны ихъ рѣшенію быть покорными.—Всѣ процессы, начатые какъ относительно св. Софіи и Никольскаго монастыря, такъ и по другимъ (однороднымъ) дѣламъ между унитами и неунитами, кассуемъ и уничтожаемъ, за исключеніемъ убытковъ и личныхъ обидъ, которые, если существуютъ, могутъ быть предметомъ судебныхъ разбирательствъ.—Исполненіе всего этого мы удостоверяемъ именемъ нашимъ и нашихъ преемниковъ и поему, на основаніи пунктовъ настоящей привиллегіи нашей, какъ униты, такъ и неуниты должны пользоваться своими правами“⁹³⁾.

Уніатскій писатель Островскій, хорошо ознакомленный съ того-временными источниками, заявляетъ, что привиллегія, данная Владиславомъ IV *унитамъ*, была вызвана усиленными просьбами къ королю уніатскаго митрополита Рутскаго, и считаетъ это одною изъ

⁹³⁾ Архивъ Юго-зап. Рос. ч. I, т. VI. № CCLXXX. Рукоп. Кіев. Дух. Акад. (изъ пожертвованныхъ преосв. Макаріемъ, № Аа 210, стр. 81. Въ послѣдней грамота (въ переводѣ на латинскій языкъ) съ датой отъ 18 марта 1635 г.,—что относительно числа, очевидно, должно признать ошибкою.

величайшихъ услугъ „сего архипастыря для своей паствы“—⁹⁴). Нашъ незабвенный историкъ преосв. Макарій склоненъ смотрѣть на привилегію Владислава уніатамъ, а также и на самую привилегію сего короля православнымъ, какъ на *отступленіе отъ статей примиренія, допущенное королемъ въ пользу уніатовъ* ⁹⁵). Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ дѣятельность короля представляется не совсѣмъ въ вѣрномъ свѣтѣ.

Что Рутскій хлопоталъ о выдачѣ уніатамъ привилегіи—это, разумѣется, сомнѣнію подлежать не можетъ ⁹⁶). Но, выдавая означенную привилегію, король не нарушалъ статей примиренія, узаконеніе которыхъ стоило ему столь великихъ усилій. Статьями примиренія отнюдь не уничтожалась унія (ибо это дѣло было бы, при существующемъ порядкѣ вещей, невозможное); а только возстановлялись *юридическія права церкви православной съ возвращеніемъ ей извѣстнаго количества храмовъ, съ принадлежащими къ нимъ бенефиціями, находившихся до того времени во владѣніи уніатовъ*. Поэтому подтвержденіе правъ уніатской церкви и остававшихся за нею церковныхъ бенефицій было дѣломъ вполне естественнымъ, а съ государственной точки зрѣнія и благоразумнымъ. Разумѣется, непріятное впечатлѣніе производить въ привилегіи короля заявленіе, что права даются православной церкви вынужденно и не могутъ быть *одобряемы имъ, королемъ*; но не слѣдуетъ забывать, что Владиславъ IV былъ *католикъ* и за свою благосклонность къ православнымъ подвергался постояннымъ нареканіямъ, а потому означенной фразѣ, притомъ явноносящей дипломатическій характеръ, особеннаго значенія придавать не слѣдуетъ.—Что же касается фактическихъ отступленій отъ статей успокоенія, отчасти усматриваемыхъ въ привилегіи уніатамъ, а преимущественно въ грамотѣ, данной православнымъ,—то такихъ отступленій дѣйствительно можно указать (и преосв. Макарій указываетъ ⁹⁷)

⁹⁴) *Ostrowski*. Dzieje y prawa kościoła Polskiego (изд. 1793 г.) т. III, str. 498.

⁹⁵) Исторія Рус. Церкви. XI. 475.

⁹⁶) Въ донесеніи папскаго нунція Висконти въ Римъ (1636 г.), между прочимъ, говорится: „Roztropność y gorliwość metropolity Jos. Rutskiego są waszocy Przewielebności zkadinał już znane, ale w tej ważney okoliczności (рѣчь пдегъ о сеѣмъ 1635 г.) stały się dla każdego pamiętne (Relacye nunciuszow. т. II, str. 265).

⁹⁷) Исторія Рус. Церкви. XI. 477 и слѣд.

нѣсколько. Самое существенное отступленіе состоитъ въ томъ, что по статьямъ успокоенія уніатскій луцкій епископъ немедленно долженъ былъ передать епископію со всѣми ея имѣніями православному владыкѣ, а самъ переселиться въ Жидичинскій монастырь; между тѣмъ по королевской грамотѣ имѣнія луцкой епископіи пожизненно остаются за луцкимъ епископомъ Почаповскимъ, а православному владыкѣ до кончины послѣдняго предоставляется Жидичинскій монастырь съ нѣкоторыми селами. Затѣмъ, не уничтожается совершенно перемышльская уніатская епископія, что по статьямъ успокоенія должно было осуществиться послѣ смерти Аѳанасія Крупецкаго (тогдашняго перемышльскаго епископа). Наконецъ, нѣкоторые монастыри и церкви, предназначавшіеся православнымъ, оставляются по прежнему во владѣніи уніатовъ, а въ трехъ городахъ—Витебскѣ, Полоцкѣ и Новогрудкѣ—православнымъ воспрещалось имѣть даже и по одной церкви, между тѣмъ, по статьямъ успокоенія, церкви предполагалось распредѣлять между уніатами и неуніатами пропорціонально ихъ числу, причемъ относительно Полоцка прямо говорилось, что здѣсь одна церковь, по указанію королевскихъ комиссаровъ, должна была быть предоставлена православнымъ.

Но вину за означенныя отступленія возлагать на Владислава IV едва-ли основательно: безъ сомнѣнія, на эти отступленія дано было согласіе самими православными, вынуждаемыми къ тому обстоятельствами. Мы видѣли, какое сильное волненіе произвело въ латино-уніатскомъ лагерѣ *юридическое* возстановленіе правъ православной церкви, и сколь продолжительна и упорна была борьба изъ-за этого вопроса. Положеніе короля въ качествѣ посредника между враждующими сторонами было крайне затруднительное, и при настойчивости однихъ противниковъ (православныхъ), желавшихъ получить возможно болѣе церковныхъ бенефицій, и при упорствѣ другихъ (уніатовъ), стремившихся удержать въ своихъ рукахъ захваченное прежде и поступиться возможно меньшимъ,—дѣло успокоенія греческой религіи не могло совершиться безъ обоюдныхъ уступокъ заинтересованныхъ сторонъ,—и—какъ мы видѣли—усилія короля именно и направлены были къ тому, чтобы склонить противниковъ къ этимъ уступкамъ. На многочисленныхъ совѣщаніяхъ короля съ представителями интересовъ православія и уніи происходило до извѣстной степени тоже самое, что происходитъ въ наше время на, такъ называемыхъ, конференціяхъ по

дѣламъ замиренія между воюющими сторонами, когда проектируемыя пункты мирныхъ условій подвергаются тѣмъ или инымъ измѣненіямъ, вызываемымъ обстоятельствами, причемъ стороны склоняются, точнѣе, вынуждаются къ обоюднымъ уступкамъ во избѣжаніе болѣе, нежелательныхъ осложненій дѣла.—Что въ данномъ случаѣ важнѣйшее изъ указанныхъ нами отступленій отъ статей успокоенія (относительно луцкой епископіи) было послѣдствіемъ уступчивости со стороны православныхъ или, точнѣе, добровольнымъ, вызываемымъ сложившимися обстоятельствами, соглашеніемъ ихъ съ уніатами, притомъ небезвыгоднымъ для обѣихъ сторонъ,—объ этомъ мы говорили уже выше. Безъ сомнѣнія, желаніе благополучно окончить свое дѣло, т. е., юридически закрѣпить за своею церковію нарушенныя въ предшествовавшее царствованіе права оной, было причиною согласія православныхъ и на другія, упомянутыя нами отклоненія отъ статей успокоенія, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ этихъ отклоненій могли быть даже и желательны для православныхъ (напримѣръ, замѣна Гродненскаго монастыря—Кіево-Выдубицкою обителію).

Въ разсматриваемомъ нами дѣлѣ прискорбны были не эти отступленія отъ статей успокоенія, имѣвшія значеніе второстепенное, а прискорбно было то, что примиреніе между враждующими сторонами *на почвъ юридической*, какъ состоявшееся подъ давленіемъ извѣстныхъ обстоятельствъ, было, въ особенности со стороны уніатовъ, неискреннимъ, а потому не дававшимъ надежной гарантіи къ прекращенію смуть и ссоръ изъ-за религіозныхъ вопросовъ (а главное изъ-за церковныхъ бенефицій) на будущее время.

Въ дѣйствительности такъ и было.

Когда на основаніи состоявшейся конституціи православнымъ выдана была приведенная нами привиллегія,—отъ имени латино-уніатовъ, духовныхъ и свѣтскихъ, занесена была протестація противъ состоявшагося сеймоваго постановленія. Сущность протестаціи заключалась въ слѣдующемъ. Прежде, на избирательномъ и коронаціонномъ сеймахъ, протестующіе не изъявляли своего согласія на предполагавшіяся способы примиренія православныхъ съ уніатами, основываясь на томъ, что означенное дѣло не можетъ состояться безъ соизволенія на него апостольской столицы, какъ верховной руководительницы по вопросамъ, касающимся религіи; поэтому въ настоящее время, когда мнѣніе римскаго престола по сему предмету сдѣлалось уже извѣстнымъ,

а именно, что *безъ отягощенія совѣсти и безъ опасности для спасенія нельзя согласиться на принятіе пунктовъ успокоенія и на передачу православнымъ нѣкоторыхъ церквей, находившихся дотомъ во владѣннн уніатовъ*, — „протестующіе“, какъ на самомъ сеймѣ предъ лицомъ всей Рѣчи Посполитой заявляли, такъ и сейчасъ передъ судомъ заявляютъ, что на поименованные способы успокоенія, а равно и на конституцію нынѣшняго сейма о греческой религіи не могутъ дать позволенія и не позволяютъ. — Далѣе въ протестаціи заявлялось, что такъ какъ уніатское духовенство не могло „упросить“, дабы при немъ оставлены были всѣ, находящіяся въ его владѣннн церкви съ принадлежащими къ нимъ помѣстьями, то оно не можетъ уступить ихъ добровольно, но только по принужденію (*non consentiendo, sed patiento*), обѣщаясь въ оставленныхъ ему церквяхъ приносить мольбы за короля и милую отчизну и за своихъ преслѣдователей, *дабы Господь не возмътилъ имъ грѣхъ ихъ и не подвергъ Рѣчь Посполитую проклятію и карамъ* (разумѣется за упомянутую конституцію). — Подъ протестаціею находятся подписи всѣхъ католическихъ и уніатскихъ бискуповъ, находившихся въ то время въ Варшавѣ, восьми воеводъ, нѣкоторыхъ высшихъ чиновниковъ при дворѣ и нѣкоторыхъ пословъ, — всего подписи 51-го лица. Замѣчательно, что между подписавшимися находятся и такія лица, которыя были правою рукою короля и наиболѣе другихъ (изъ католическаго лагеря) содѣйствовали проведенію на сеймѣ конституціи относительно греческой религіи. Такъ, напр., въ числѣ протестующихъ мы встрѣчаемъ и извѣстнаго намъ Георгія Оссолинскаго, столь много въ угоду короля потрудившагося для дѣла православныхъ. Разумѣется, его подпись подъ протестаціею съ дипломатическими оговорками вызвана желаніемъ замести слѣды своей дѣятельности по данному вопросу, сильно вооружившей противъ Оссолинскаго ультра-католическую партію. Опасеніе навлечь на себя укорины со стороны означенной партіи, безъ сомнѣнія, руководило при подписи протестаціи и другихъ лицъ, принимавшихъ, хотя бы то и исключительно съ формальной стороны, участіе въ упомянутомъ дѣлѣ. Изъ такихъ подписей съ оправдательными мотивами приведемъ здѣсь подпись подканцлера короннаго Томы Замойскаго, какъ наиболѣе характерную въ смыслѣ уясненія тѣхъ усилій, съ которыми проведено было на сеймѣ дѣло объ успокоеніи греческой религіи. Вотъ эта подпись: „Тома Замойскій, подканцлеръ коронный, генераль

краковскій. Подобно тому, какъ на елекціи и коронаціи его королевской милости, я, безъ соизволенія сѣдалища апостольскаго, не хотѣлъ дать согласія на означенное примиреніе, такъ и въ настоящее время, когда дѣло дошло до приложенія печати, я въ виду того, что св. отецъ съ своимъ сужденіемъ по данному вопросу замедлилъ, заявилъ о моемъ желаніи слѣдовать въ семъ дѣлѣ рѣшенію ихъ милостей всендзовъ бискуповъ, какъ такихъ лицъ, которымъ принадлежитъ руководство нашею совѣстію, а потому и своего позволенія (на приложеніе печати) дать не могъ. Но поелику заключеніе сейма безъ сего не могло состояться, а непріятель сталъ надъ головою отчизны, и такъ какъ другіе чины обѣщали имъ (т. е. православнымъ) то *permissive* и требовали отъ меня того же,—я вопреки желанію, исполнилъ свою обязанность, предварительно выступивъ съ манифестаціею и повторяя, что настоящія привиллеги и тѣ, которыя впослѣдствіи будутъ изданы въ такомъ же родѣ, не должны нарушать правъ касательно шляхетскихъ имѣній (т. е. права надѣлять имѣніями церковныя учрежденія⁹⁸).

20 марта занесена была протестація противъ состоявшейся конституціи о греческой религіи и отъ имени папскаго нунція въ Польшѣ. Въ этой широковѣщательной протестаціи, между прочимъ, заявлялось, что хотя обстоятельства и не дозволяютъ сопротивляться схизматикамъ (въ виду состоявшагося узаконенія, утвержденія сеймомъ статей примиренія) путемъ юридическимъ, тѣмъ не менѣе апостольское сѣдалище никогда не можетъ дать соизволенія на статьи успокоенія и вообще на что либо идущее въ разрѣзъ съ интересами католицизма и униі, и противъ подобныхъ постановленій протестуетъ и всегда протестовать будетъ, такъ какъ оныя противны Божескимъ и человеческимъ законамъ, канонамъ, древнимъ церковнымъ обычаямъ, культу единственной истинной религіи (католицизму) и долгу католиковъ, обязанныхъ къ повиновенію и послушанію римской церкви. Схизматики (т. е. православные) тогда только могутъ заслужить благоволеніе св. отца и упрочить свое правовое положеніе въ государствѣ, когда возвратятся къ униі съ католическою церковію, что составляетъ заветное желаніе римскаго престола⁹⁹).

⁹⁸) *Прилож.* № XIX.

⁹⁹) *Theiner. Vetera Monum. Poloniae et Lithuaniae.* № CCCLXIX, pag. 417—420.

Разумѣтся, указанныя протестаціи не могли имѣть юридическаго значенія какъ направленные противъ постановленія, ставшаго обще-обязательнымъ закономъ; но онѣ усиливали въ извѣстной части общества недовольство этими постановленіями, разжигали религіозныя страсти, побуждали неуважительно относиться къ распоряженіямъ правительственной власти относительно приведенія въ исполненіе статей успокоенія и какъ бы заранѣе оправдывали могуція встрѣтиться противленія этимъ распоряженіямъ.

Самымъ сложнымъ и затруднительнымъ для правительства дѣломъ въ данное время было пропорціональное распредѣленіе между православными и униатами церквей въ городахъ. Для урегулированія и приведенія въ исполненіе этого дѣла королемъ образованы были двѣ комиссіи: одна для коронныхъ земель,—другая—для Великаго Княжества Литовскаго. Каждая комиссія состояла изъ шести членовъ, частію католиковъ, частію православныхъ. Обязанности комиссаровъ обозначены были въ грамотахъ короля, выданныхъ на ихъ имя. Здѣсь говорилось, что комиссары должны были, послѣ предварительнаго между собою уговора, послѣдовательно объѣхать города, собрать свѣдѣнія о числѣ находившихся въ нихъ униатовъ и православныхъ и, соотвѣтственно численности тѣхъ и другихъ, распредѣлить между ними церкви. Рѣшеніе комиссаровъ, по общему между ними согласію постановленное, обязательно для обѣихъ сторонъ. Въ случаѣ разногласій между самими комиссарами относительно правильности того или иного рѣшенія, въ, такъ называемыхъ, сомнительныхъ случаяхъ, дѣло объ этомъ должно быть представлено на благоусмотрѣніе короля ¹⁰⁰).

Объѣздъ комиссарами городовъ начался съ іюня мѣсяца 1635 года и продолжался довольно долго. Общій порядокъ при этомъ былъ таковъ. Жители городовъ извѣщались о времени и цѣли пріѣзда къ нимъ комиссаровъ. Обыкновенно такое извѣщеніе производило сильное волненіе въ средѣ жителей. Большею частію оказывалось, что считавшіеся доселѣ униатами вовсе нерасположены къ униі, будучи

¹⁰⁰) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I, т. VI, № CCLXXIX, стр. 691—692.

привлечены къ ней угрозами и вообще внѣшнимъ давленіемъ, и теперь, при измѣнившихся обстоятельствахъ, объявляли себя православными. Такимъ образомъ, численность послѣднихъ значительно возрастала и къ прїѣзду комиссаровъ она приводилась въ извѣстность самими же православными. Были даже такіе нерѣдкіе случаи, что въ городахъ вовсе, или почти вовсе не оказывалось уніатовъ. Такъ, напр., когда комиссары прибыли въ Люблинъ и, созвавъ людей греческой вѣры, приступили къ опредѣленію числа уніатовъ и православныхъ, городскіе жители единогласно заявили, что всѣ они, *не исключая никого* (nemine excepto), исповѣдуютъ старую вѣру, т. е. православіе, и просятъ, дабы содержаніе оной обезпечено было имъ и на будущее время, причемъ,—въ доказательство своихъ словъ, подали реестръ православныхъ гражданъ, который во всеуслышаніе и былъ прочитанъ, не возбуждая протестовъ ¹⁰¹). Точно также, когда комиссары прибыли въ Лосицы и приступили къ опредѣленію относительной численности въ этомъ городѣ уніатовъ и православныхъ, то о первыхъ, не смотря на тщательное разслѣдованіе дѣла, *не могли получить никакого свѣдѣнія*; всѣ прихожане во главѣ со своими священниками заявили, что они исповѣдуютъ православную вѣру и при ней желаютъ оставаться и на будущее время ¹⁰²). Въ Грубежовѣ комиссары нашли только четырехъ уніатовъ—попа Василія, его сына и тестя, да еще какого-то иногородняго мѣщанина; всѣ же грубежовскіе граждане объявили себя „неунитами“, причемъ переходъ многихъ изъ нихъ въ православіе, очевидно, совершился *передъ самымъ прїѣздомъ комиссаровъ* (упомянутый попъ Василій, жившій при Николаевской церкви долженъ былъ оставить оную, такъ какъ всѣ его николаевскіе прихожане отступились отъ него ¹⁰³). Подобное же явленіе—массовое возвращеніе „людей греческой религіи“ къ православію—имѣло мѣсто при посѣщеніи комиссарами и другихъ городовъ ¹⁰⁴). Вообще, означенные объѣзды комиссіями городовъ представляли одно изъ наглядныхъ доказательствъ, до какой степени громадному большинству русскаго народонаселенія, подвластнаго Польшѣ,

¹⁰¹) Ibid. ч. I, т. VI. № CCLXXXIV, стр. 704—706.

¹⁰²) *Прилож.* № XXVIII, стр. 116—117.

¹⁰³) *Прилож.* № XXVII, стр. 114—116.

¹⁰⁴) Архивъ Юго-Зан. Рос. ч. I, т. VI, стр. 725.

ненавистна была уніа, насильственно ему навязанная и поддерживавшаяся репрессивными мѣрами.

Коммиссары при распредѣленіи церквей между православными и уніатами дѣйствовали съ большою осторожносію и осмотрительностію, стараясь, по возможности, не нарушѣть интересовъ „примиряемыхъ“ ими сторонъ. Если въ городѣ не оказывалось ни одного уніата (точнѣе, не находилось желавшихъ остаться въ уніи), а церквей было мало (одна, двѣ), то онѣ присуждались православнымъ; но при этомъ иногда дѣлались оговорки: если бы впоследствии въ средѣ городскихъ обывателей объявился какой-либо уніатъ (*unit się iaki palazł*) и пожелалъ имѣть церковь своего вѣроисповѣданія, то православнымъ вмѣнялось въ обязанность пріобрѣсти удобный „пляцъ“ (мѣсто, площадь) и передать его уніатамъ для постройки храма¹⁰⁵). Если же въ городѣ находилось значительное количество церквей, то, не смотря на отступление отъ уніи почти всѣхъ гражданъ, коммиссары распредѣляли церкви между православными и уніатами почти поровну. Дѣлалось это какъ въ виду того, что не всегда духовенство слѣдовало примѣру своихъ прихожанъ (т. е. не всегда изъявляло желаніе перейти въ православіе), такъ и въ виду возможнаго возвращенія къ уніи нѣкоторыхъ лицъ, отречшихся отъ нея, вообще—какъ значитъ въ тоговременныхъ актахъ—*„in spem unionis“*¹⁰⁶). Дѣйствуя отъ имени короля въ качествѣ „умиротворителей“ между уніатами и православными, коммиссары вслѣдствіе жалобъ и просьбъ послѣднихъ, заявляли, что впредь всякія нареканія и притѣсненія изъ-за дѣлъ религіозныхъ не должны имѣть мѣста и каждая сторона должна довольствоваться предоставленными ей церквями съ пріуроченными къ нимъ угодьями. Такъ какъ при распредѣленіи между религіозными противниками церквей бывали и такіе случаи, что присуждаемая православнымъ церковь находилась рядомъ, на одномъ „пляцу“ съ церковію, предоставляемою уніатамъ,—то, въ видахъ предупрежденія возможныхъ между тою и другою стороною столкновеній и вообще неудобствъ отъ такой близости мѣстъ богослуженія, принадлежащихъ лицамъ враждебно другъ къ другу настроеннымъ, коммиссары рекомендовали православнымъ

¹⁰⁵) *Прилож.* стр. 117.

¹⁰⁶) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I, т. VI, стр. 725.

перенести свою церковь на какое-либо другое, болѣе для нихъ удобное мѣсто¹⁰⁷).

Несмотря на то, что комиссары дѣйствовали отъ имени короля, по его распоряженію, *притомъ на этотъ разъ основанному на сеймовомъ постановленіи*, для всѣхъ обязательно, несмотря на то, что при самомъ распредѣленіи церквей они блюли интересы уніатовъ, *оставляя за ними немало церквей только in spem unіonis* (слѣдовательно не всегда распредѣляли ихъ пропорціонально наличной численности православныхъ и уніатовъ, какъ это требовалось королевскими грамотами),—латино-уніатскія власти остались крайне недовольны означенными комиссіями и заносили противъ нихъ протесты. Въ этихъ протестахъ по прежнему заявлялось, что грамоты короля объ отобраніи отъ уніатовъ церквей испрошены были *ad male pagata*, вслѣдствіе ложныхъ донесеній православныхъ, секретно, окольными путями; подрывалось самое значеніе означенныхъ грамотъ, какъ противорѣчащихъ прежнимъ узаконеніямъ, по которымъ отчужденіе церквей и церковныхъ имуществъ не можетъ быть производимо свѣтскою властію безъ соизволенія на то римскаго престола; наконецъ, сами комиссары обвинялись въ пристрастіи къ православнымъ и несправедливости въ отношеніи къ уніатамъ, заподозривалась правильность представляемыхъ имъ православными реэстровъ съ перечисленіемъ своихъ единовѣрцевъ и т. п.¹⁰⁸). Разумѣется, подобныя протесты, какъ лишенные юридической подкладки, въ большинствѣ случаевъ не имѣли существеннаго значенія. Но въ холмской епархіи дѣло доходило иногда и до открытаго сопротивленія распоряженіямъ короля.

Холмскимъ уніатскимъ епископомъ былъ въ то время Меодій Терлецкій, едва ли по своему фанатизму чѣмъ либо уступавшій пресловутому Иосафату Кунцевичу. Тяжелую руку этого „апостола уніа“ православные почувствовали немедленно по вступленіи его на кафедру. Унія, дотолѣ почти только номинально существовавшая въ Холмщинѣ, начинаетъ имъ вводиться здѣсь съ настойчивостію и посред-

¹⁰⁷) Ibid. ч. I, т. VI, стр. 720.

¹⁰⁸) *Прилож.* № XXIV. Древніе акты холмской епархіи (въ холм. церковно-арх. музеѣ). Кн. № 1.

ствомъ насилій. Православные священники, не пожелавшіе признать надъ собою власти Меѳодія, преслѣдуются, изгоняются изъ приходо-въ и замѣняются его сторонниками, а находившіяся въ ихъ вѣдѣніи церкви обращаются въ униатскія. Ревнители православія стѣсняются въ своихъ правахъ и подвергаются всевозможнымъ оскорбленіямъ. Разумѣется, благодаря такимъ насиліямъ болѣе малодушные изъ православныхъ соглашались принимать унию; но это согласіе было вынужденное, вымученное „опрессіями“; а потому, когда съ воцареніемъ Владислава, благодаря достигнутой при его избраніи переменѣ въ правовомъ положеніи западно-русской церкви, наступила для нея, по тогочасовременному выраженію православныхъ, „заря новой жизни“, когда узаконено было свободное исповѣдываніе „старой вѣры“, съ возвращеніемъ православнымъ отнятыхъ у нихъ церквей или, точнѣе, части оныхъ,—то указанное нами религіозное движеніе въ средѣ русскаго народа (отреченіе отъ униі и возвращеніе къ православію), съ неменьшею силою проявилось и въ Холмщинѣ. Но здѣсь на стражѣ интересовъ униі стояла уже не незначительная фаланга воспитанныхъ Терлецкимъ его пособниковъ. Поэтому еще въ первый объѣздъ комиссарами холмской епархіи (въ 1633 г.) нигдѣ они не испытывали болѣе затрудненій, какъ здѣсь, и отобранныя ими отъ униатовъ церкви болѣею частію недолго оставались во владѣніи православныхъ¹⁰⁹). Послѣ сеймовой конституціи 1635 года, когда объѣздъ комиссарами городовъ съ указанною нами цѣлію обставленъ былъ съ юридической стороны на незыблемо прочномъ основаніи, противленіе королевскимъ распоряженіямъ являлось уже дѣломъ весьма опаснымъ. Тѣмъ не менѣе фанатизмъ Терлецкаго, и на сеймахъ и всюду заявлявшаго, что онъ душу свою готовъ положить за свою паству, т. е. за унию,—побудилъ его и къ подобному сопротивленію. Въ реляціи Якова Суши читаемъ, что когда комиссары прибыли въ Холмъ и, при бытности Меѳодія, во всеуслышаніе объявили, что тѣ, которые не желаютъ быть униатами, пусть стануть на ихъ сторону, а тѣ, которые хотятъ быть униатами—на сторону епископа,—народъ раздѣлился, причемъ, по чудесному Божьему опредѣленію, случилось такъ, что униаты стали на правой сторонѣ, а неуниты, *хотя и въ болѣе*

¹⁰⁹) Древніе акты холм. епархіи. Кн. I.

количество (plures),—на лѣвой. Такъ какъ епископъ (Меодій) не соглашался уступить неунитамъ какую-либо церковь, то комиссары насильственно передали имъ церковь Успенія Пресвятой Богородицы. Но когда донесено было объ этомъ епископу, онъ, сопутствуемый духовенствомъ, народомъ и шляхтою, послѣшно отправился къ означенной церкви, энергично изгналъ изъ нея неунитовъ и достойными пастыря словами укорялъ комиссаровъ, въ числѣ коихъ были и католики, а послѣ сего шляхта укротила волнующійся народъ батогами. Тогда комиссары должны были отступить съ посрамленіемъ. Съ той и другой стороны занесены были протестаціи о насиліяхъ¹¹⁰).—Въ приложеніяхъ къ сочиненію мы помѣщаемъ обширное письмо самого Меодія Терлецкаго объ означенномъ событіи, писанное имъ къ своему другу—земскому писарю Матвѣю Щиглецкому—съ цѣлю составленія на основаніи его протестаціи противъ православныхъ. Письмо это, несмотря на преувеличенія, искаженіе фактовъ и вообще пристрастную окраску событій, естественную подъ перомъ такого фанатика, представляетъ весьма любопытный историческій памятникъ, немало служащій къ уясненію трактуемаго нами предмета. Терлецкій заявляетъ, что первая коммиссія, пріѣзжавшая въ Холмъ (очевидно, въ 1633 году), *шею себѣ сломала*. Назначеніе послѣдующихъ коммиссій объясняется упорствомъ со стороны православныхъ, не желавшихъ на сеймѣ приступать къ разсужденіямъ о неотложныхъ государственныхъ дѣлахъ, если не будутъ удовлетворены ихъ требованія. Что касается комиссаровъ, то они исполняютъ свои обязанности съ охотою, ибо хотя ихъ объѣзды дѣло и *безбожное*, но для нихъ весьма выгодное. Одинъ изъ нихъ купилъ уже Корытницу (имѣніе), помышляетъ и о Дубницѣ, а другой, (очевидно, намекъ на князя Четвертинскаго) заплатилъ нѣсколько тысячъ золотыхъ долга. Къ одному изъ комиссаровъ (городельскому старостѣ, католику) Терлецкій писалъ письмо съ просьбою оставить свое намѣреніе производить объѣзды городовъ въ его епархіи, какъ дѣло, *клонящееся къ погибели душъ людскихъ*, выставляя при этомъ и свою непреклонную волю—скорѣе пожертвовать жизнію за цѣлость своего словеснаго стада, чѣмъ допустить какой-либо ущербъ въ ономъ. „Такою правдою—заявляетъ

¹¹⁰⁾ *Прилож.* стр. 110—111.

Мееодій—я такъ поразилъ комиссара, что онъ въ своемъ отвѣтѣ обрушился на меня со всѣми фуріями, наполнивъ его несносными сарказмами, вслѣдствіе чего означенный отвѣтъ правильнѣе назвать пасквилемъ“. Затѣмъ комиссары обвиняются въ томъ, что не сообщали опредѣленныхъ свѣдѣній о времени своего пріѣзда въ города, часто мѣняя сроки. Это дѣлалось,—по объясненію Терлецкаго,—якобы въ тѣхъ видахъ, чтобы не дать ему, заботящемуся о своемъ стадѣ пастырю, возможности защитить оное своимъ присутствіемъ. Въ назначенный срокъ комиссары прибыли только въ Люблинъ. Но этотъ городъ,—по сознанію Мееодія (чрезвычайно важному въ виду послѣдующихъ событій),—издревле зараженъ былъ схизмою и связи съ униєю не имѣлъ“. Отсюда, минуя Красноставъ, Холмъ и Грубежовъ, комиссары отправились на Украину, по направленію къ Кіеву, „выкореня въ посѣщаемыхъ ими городахъ святую унию“. Въ Холмщину комиссары возвратились въ февралѣ слѣдующаго года. О посѣщеніи ими Сокала и Бѣльза, „съ ущербомъ для святой унии и къ пагубѣ душъ людскихъ“, Мееодій своевременно своими сторонниками не былъ извѣщенъ. Ему униаты-католики дали знать только о днѣ пріѣзда комиссаровъ въ Грубежовъ. Но Мееодій, по его словамъ, неприготовленный къ сему и имѣя въ распоряженіи мало времени, не поѣхалъ въ означенный городъ, а потому комиссары, „заставши овецъ безъ пастыря, дѣлали что хотѣли“,—именно, двѣ, находившіяся здѣсь во владѣніи униатовъ церкви—Честнаго Креста и св. Николая—передали „схизматикамъ“. Терлецкій объясняетъ это *взятничествомъ* со стороны комиссаровъ, якобы получившихъ отъ грубежовскихъ гражданъ (православныхъ) подарки на двѣ тысячи злотыхъ, не считая еще тысячи, истраченной на угощеніе комиссії. Изъ Грубежова комиссары прибыли въ Красноставъ, гдѣ „присудили схизматикамъ“ каменную церковь, а такъ какъ она была заперта, то ночью поотбивали замки и насильственно заняли ее. Терлецкій сдѣлалъ распоряженіе, какъ обѣ грубежовскія церкви, переданныя православнымъ, такъ и красноставскую, запечатать,—и наивно заявляетъ своему другу, что онъ не знаетъ—имѣетъ ли его распоряженіе „важность“ и не повлечетъ ли за собою съ юридической стороны (*według prawa*) неприятностей для него... О посѣщеніи комиссарами Холма и сопротивленіи, оказанномъ имъ здѣсь, Мееодій въ существенныхъ чертахъ рассказываетъ согласно съ Сушею, но съ бѣльшими подробностями и

мѣстами съ инымъ освѣщеніемъ фактовъ, доходящимъ до противорѣчія съ показаніями послѣдняго. Коммиссары прибыли въ Холмъ въ пятницу (7 марта) и, по заявленію Меѳодія, пришли въ недоумѣніе, такъ какъ „не могли допытаться ни объ одномъ схизматикѣ“. Но ночью коммиссары, имѣя при себѣ хорошо подготовленныхъ людей, привывали черезъ нихъ гражданъ въ гостинницы для собесѣдованій, вслѣдствіе чего *утромъ въ холмянахъ обнаружилась великая перемѣна*: стали собираться противныя уніатскому епископу толпы, записываться въ реэстръ (т. е. заявлять себя православными), производить бунтъ, и т. п. Всѣхъ записавшихся въ качествѣ православныхъ въ реэстръ, по словамъ Меѳодія, было 35; но и этотъ списокъ составленъ былъ несправедливо, такъ какъ въ него занесено было много лицъ, которыхъ въ то время не было въ городѣ, и такихъ, которыя не давали на то согласія и крѣпко стояли за унію. Когда коммиссары приступили къ исполненію своихъ обязанностей, Терлецкій заявилъ, что какъ прежде онъ „не изъявлялъ согласія на коммиссію“, такъ не соизволяетъ и теперь и заранѣе предупреждаетъ, что какое бы ни состоялось опредѣленіе въ ущербъ уніи, онъ скорѣе пожертвуетъ своею жизнію, нежели допустить привести его въ исполненіе. Тѣмъ не менѣе коммиссары, принимая во вниманіе, что часть гражданъ заявили себя православными, присудили имъ Успенскую церковь, находившуюся въ предмѣстьѣ города, съ госпиталемъ и всѣми принадлежностями, обезпечивъ православнымъ свободное исполненіе религіозныхъ обязанностей. Терлецкій приказалъ своимъ клевретамъ не допускать коммиссаровъ до „отобраія церкви“. Тѣмъ не менѣе, утромъ въ воскресенье церковь чрезъ коммиссаровъ была православнымъ передана, причемъ, по словамъ Терлецкаго, его приставники были прогнаны, и церковныя замки сломаны. Когда дано было знать объ этомъ Меѳодію, онъ поспѣшно отправился къ Успенской церкви. „Такъ какъ я—говоритъ Терлецкій—явно шелъ чрезъ городъ, то люди, видя такое необычайное мое путешествіе и догадываясь, что я поспѣшно иду для защиты церкви, побѣжали за мною, притомъ не только мои уніаты и добрые католики, но и жидаы, желая посмотрѣть на трагедію. Въ это время ѣхали изъ дома въ костель къ обѣднѣ (на msza) госпожи Куницкая и Андреевская, и онѣ, смотря на другихъ, послѣдовали за нами. Я, не оглядываясь назадъ и не видя за собою громадной толпы, меня сопровождавшей, прямо пришелъ къ

церкви, которую найдя запертою большимъ замкомъ, приказалъ священнику означенной церкви отпереть, желая слушать въ ней литургію (что потомъ и исполнилъ), и своимъ присутвіемъ противостоять волкамъ и хищникамъ. Отвѣчалъ тотъ отецъ, что не имѣеть ключей, потому что замокъ не церковный. Я спросилъ: а церковный замокъ гдѣ же?—Отвѣчалъ: схизматики отбили, и не знаю, куда дѣвали, а церковь заперли своимъ замкомъ. Я разсудилъ: если свѣтскія лица рѣшились недостодолжно отбить церковные замки, то почему не могъ бы учинить этого я съ мірскимъ замкомъ, святотатственно къ дверямъ церкви привѣшеннымъ?—и тотчасъ приказалъ ударить въ него обухами, а потомъ, отворивши церковь, нашелъ царскія двери выломанными; чрезъ нихъ схизматицкій комиссарскій поцъ, вошедши безъ почтенія, даже съ пренебреженіемъ, въ алтарь, гдѣ находились св. Дары, обратился къ своей сектѣ съ неприличными словами: вотъ, говорилъ, уніатскій сабраментъ, который также много значить, какъ и хлѣбъ простой, и т. д. Около церкви, прежде чѣмъ она была отперта, католическое простонародье, будучи оскорблено непристойными словами схизматиковъ, кинулось было въ драку съ ними; но я крикнулъ, чтобы вели себя спокойно... меня послушали, такъ что, по милости Божіей, пролитія крови не было. Впрочемъ, нѣсколькимъ схизматикамъ досталось отъ кулаковъ и палокъ, но безъ вреда, какъ отъ женщинъ. Именно, говорятъ, якобы госпожи Куницкая и Андреевская преисполнились такой ревности католической, что не только лично присутствовали при мнѣ, но показали вмѣстѣ съ тѣмъ геройскій духъ: вырвавши изъ рукъ схизматиковъ тѣ же самыя палки, съ которыми они пришли было, эти госпожи живо замолотили ими по хребтамъ хлопскимъ и воспріяли на площади пальму викторіи⁴⁴. Затѣмъ Меѳодій приказалъ звонить къ литургіи, которая и была совершена,— послѣ чего, по его словамъ, „ни одинъ уже схизматикъ не показывалъ своихъ очей какъ въ этой, такъ и въ остальныхъ холмскихъ церквахъ“¹¹¹).

Поступки Меѳодія были явно противозаконны. Не могъ не сознавать этого и самъ онъ. Но какъ фанатикъ, притомъ рассчитывавшій на сильную поддержку ультра-католической партіи, въ осо-

⁴⁴) *Прилож. № XXVI, стр. 99 и слѣд.*

бенности надѣясь на одобреніе и могущественное содѣйствіе расположеннаго къ нему римскаго престола, онъ не усумнился вступить въ противозаконную борьбу съ православными, которую и велъ въ теченіе всей своей жизни. Этою борьбою онъ навесъ одну изъ самыхъ тяжелыхъ ранъ Рѣчи Посполитой, усиливая въ средѣ православныхъ подданныхъ оной озлобленіе противъ царившей здѣсь неправды, противостоятъ которой зачастую бессильною оказывалась верховная власть; но ближайшія послѣдствія этой борьбы, *казовыя послѣдствія*, для Меѳодія были благопріятны: онъ своими безконечными процессами противъ православныхъ (хотя и недешево ему стоившими) до такой степени стѣснилъ ихъ, что многіе изъ нихъ—хотя бы то и наружно—подчинились ему. Въ Холмѣ, при Меѳодіи, православнымъ, несмотря на всѣ ихъ усилія, не удалось имѣть ни одной церкви. Потерявъ надежду возвратить присужденную имъ Успенскую церковь, они предприняли было сооруженіе новой церкви на свои средства и, купивъ для этого удобное мѣсто, стали свозить на него строительный матеріаль; но Меѳодій силою захватилъ этотъ матеріаль и перевезъ его къ своей соборной церкви,—огнялъ и самое мѣсто, предназначенное для церковныхъ построекъ. Меѳодій не ограничился и этимъ: посредствомъ судебныхъ преслѣдованій и всевозможныхъ стѣсненій онъ довелъ православныхъ жителей Холма до того, что они, по словамъ Супи, „клятвенно отреклись отъ схизмы и дали за себя и своихъ потомковъ судебнымъ порядкомъ заактированное обѣщаніе всегда пребывать въ уніи, подъ угрозою за отступленіе отъ нея конфискаціи имуществъ.“

Подобную же борьбу съ православными Меѳодій велъ и въ другихъ городахъ своей епархіи ¹¹²).

Были уклоненія отъ вошедшихъ въ силу узаконеній по дѣламъ религіознымъ и со стороны православныхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ вызваны были необходимостію: были почти неизбѣжны. Мы видѣли, что въ городахъ Витебскѣ и Полоцкѣ православные не должны были имѣть ни одной церкви и, такимъ образомъ, юрисдикція православнаго епископа (мстиславскаго, оршанскаго и могилевскаго) на эти города не простиралась. Такое постановленіе, состоявшееся во время сейма 1635 года, находилось въ противорѣчій со „статьями

¹¹²) См. въ *Прилож.* примѣч. къ документу № XXVI.

успокоенія“, проэктированными на избирательномъ сеймѣ, но тѣмъ не менѣе на него—какъ нами замѣчено—православные вынуждены были дать свое согласіе (по крайней мѣрѣ, протестовъ съ ихъ стороны мы не встрѣчаемъ). Такая уступчивость со стороны православныхъ вызвана была непреклонною настойчивостію латино-уніатской партіи и *особеннымъ положеніемъ этихъ городовъ*. Въ Витебскѣ въ ноябрѣ 1623 года умерщвленъ былъ православными извѣстный фанатикъ Иосафатъ Кунцевичъ. Коммиссія, назначенная правительствомъ для разслѣдованія этого дѣла, произнесла суровый декретъ. Около ста человѣкъ осуждено было на смертную казнь; имѣнія осужденныхъ были конфискованы; городъ Витебскъ лишенъ магдебургскаго права и всѣхъ прежде дарованныхъ ему вольностей; мѣста, гдѣ совершалось православное богослуженіе, были разрушены, и витеблянамъ воспрещалось вновь возобновлять оныя. Возвращеніе прежнихъ вольностей своему городу жители Витебска пріобрѣли впослѣдствіи тяжелою цѣною: обязательствомъ принять унію и впредь неуклонно слѣдовать ей. На эти обстоятельства и указывали латино-уніаты, домогаясь въ указанномъ смыслѣ измѣненія статей успокоенія ¹¹³). Что касается Полоцка, жители котораго тоже не были не неповинны въ умерщвленіи Кунцевича, то этотъ городъ, по мнѣнію латино-уніатовъ, уже потому не долженъ былъ заключать въ стѣнахъ своихъ схизмы (православія), что былъ резиденціею означеннаго „блаженнаго мученика“, душу свою положившаго за дѣло уніи.

Вводимая посредствомъ угрозъ и насилій унія въ Полоцкѣ и Витебскѣ не могла быть принимаема искренно: ее принимали съ ненавистью къ ней въ душѣ, въ силу необходимости. Поэтому, когда съ воцареніемъ Владислава IV правовое положеніе западно-русской церкви существенно измѣнилось къ лучшему, достигнутое латино-уніатскою партіею выдѣленіе означенныхъ городовъ изъ общаго узаконенія о религіозной свободѣ, какъ бы закрѣпощеніе этихъ городовъ за унію, не могло не возбудить здѣсь крайняго неудовольствія и не вызвать движеній въ пользу православія. Притомъ, по отношенію къ Полоцку, точное исполненіе постановленія 1635 года о немѣннѣ

¹¹³) Витебская Старина, изд. А. Сапунова, т. I, докум. № № 118—120. Ibid. т. V, ч. I. № 93.

здѣсь православными ни одной церкви, оказывалось уже запоздавшимъ, такъ какъ еще въ 1633 году Владиславомъ IV, по просьбѣ земскаго брацлавскаго судьи Севастіана Мирскаго выдана была привилегія, которою дозволялось на пожертвованномъ имъ плацѣ, находившемся въ г. Полоцкѣ, „церковь и монастырь будovati, подѣ послушенствомъ владыки мстиславскаго, не въ униіи будущаго“¹¹⁴). Поэтому, можетъ быть опираясь на эту привилегію, С. Коссовъ, вскорѣ по вступленіи на мстиславскую кафедру, при объѣздѣ своей епархіи посѣтилъ и Полоцкъ: „прибыль сюда—по словамъ униатскаго архіепископа Антонія Селявы—съ шумомъ и воинскимъ оружіемъ, переосвящаль униатскихъ священниковъ и присоединилъ ихъ съ прихожавами съ схизмѣ (православію)“¹¹⁵). Кажется, въ это же время онъ посѣтилъ и Витебскъ, каковое посѣщеніе тоже сопровождалось присоединеніемъ „простаго люда“ къ православію¹¹⁶). Такія дѣйствія со стороны С. Коссова вызвали сильныя протесты со стороны полоцкаго униатскаго архіепископа и сочтены были правительствомъ за нарушеніе существующихъ узаконеній. 1-го мая 1636 года Владиславъ IV издалъ наказъ, воспрещавшій С. Коссову пріѣзды въ Полоцкъ и Витебскъ,¹¹⁷ а судебныя процессы, начатыя противъ него Антоніемъ Селявою и тянувшіеся цѣлыя годы, доставили много хлопотъ, огорченій и матеріальныхъ ущербовъ мстиславскому епископу¹¹⁸).

Другое болѣе громкое дѣло о нарушеніяхъ православными „статей успокоенія“ возникло въ перемышльской епархіи. Намъ извѣстно, что по означеннымъ статьямъ перемышльская епархія предоставлена была православнымъ, но съ оговоркою, что до смерти униатскаго епископа Аванасія Крупецкаго имѣнія этой епархіи должны оставаться за нимъ; до того же времени православному перемышльскому епископу, для его резиденціи, предназначены были три монастыря: св. Спаса, св. Онуфрія, и такъ называемый, Смольница. 14 марта 1635 года привилегія на перемышльскую епископію королемъ была дана земскому лудскому писарю Семену Гулевичу Воютинскому,

¹¹⁴) Ibid. т. V, ч. I. № 90.

¹¹⁵) Ibid. т. V, ч. I, стр. 150.

¹¹⁶) Ibid. т. V, ч. I. № 97.

¹¹⁷) Ibid.

¹¹⁸) Ibid. т. V, ч. I. № 99, стр. 149 и слѣд.

избранному на нее православными. Въ этой привилегіи кромѣ означенныхъ монастырей со всѣми „дббрами“, къ нимъ принадлежавшими, Гулевичу предоставлена была еще церковь Пречистенская (около Перемышля) ¹¹⁹⁾. Изъ означенныхъ монастырей лучшій— св. Спаса — находился дотолѣ въ фактическомъ владѣніи уніатскаго епископа А. Крупецкаго. Предвидя, что со стороны послѣдняго можетъ воспослѣдовать сопротивленіе при передачѣ помянутаго монастыря въ вѣдѣніе православныхъ, Гулевичъ, какъ человѣкъ рѣшительный и энергичный, не послѣдовалъ обычному порядку, посредствомъ котораго должна была бы совершиться означенная передача. Онъ повсюду разослалъ грамоты и письма къ православнымъ своимъ пасомымъ съ просьбою къ извѣстному времени прибыть въ Перемышль для отобранія отъ уніатовъ Спасскаго монастыря. Вслѣдствіе этого призыва изъ разныхъ мѣстъ перемышльской и даже львовской епархій стекло множество народа, часть котораго (очевидно, дворяне) была вооружена. И вотъ, 10 іюня 1636 года, эта многочисленная толпа (по свидѣтельству уніатскихъ источниковъ якобы численностію въ 20,000) двинулась къ монастырю св. Спаса, внезапно напала на него, разрушила ограду, завладѣла келіями, житницами и вообще всѣмъ монастырскимъ имуществомъ. Нѣкоторые слуги и друзья Крупецкаго заперлись въ башнѣ, окруженной каменною стѣною, гдѣ якобы мужественно и защищались около десяти дней. Что касается до самого Крупецкаго, то онъ въ это время оканчивалъ литургію (*divina celebrabat*). Церковныя двери (запертыя по его распоряженію) были разбиты сѣкирами, и Гулевичъ введенъ былъ въ храмъ. Крупецкій находился еще въ облаченіи. На него посыпались оскорбленія и удары, а одинъ изъ „схизматиковъ“, дворянинъ Маркевичъ, представилъ къ его груди два пистолета и произвелъ выстрѣлы, давшіе осѣчку. Когда же выстрѣлы имѣли быть повторенными, Гулевичъ прикрылъ Крупецкаго своею мантиею и среди общаго смятенія—крика и стона избиваемыхъ людей—отвелъ его въ ризницу, гдѣ онъ, не пивши и не ѣвши, и просидѣлъ до полночи, пока тайно не выведенъ былъ изъ своего заключенія Гулевичемъ. Въ это время нѣкоторые

¹¹⁹⁾ Прилож. № XX.—Почему Гулевичъ, избранный на перемышльскую епископію 26 марта 1633 г., получилъ королевскую привилегію спустя почти два года послѣ своего избранія, а былъ посвященъ только въ 1636,—объ этомъ рѣчь будетъ впереди.

изъ церковныхъ прислужниковъ были подвергаемы истязаніямъ, слуги заключаемы въ карцеры, вообще всюду производились страшныя насилія ¹²⁰). Несмотря на естественныя преувеличенія въ протестаціяхъ и разсказахъ уніатскихъ писателей объ этомъ событіи, въ существенныхъ чертахъ сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія должны быть признаны за достовѣрныя. За это говорятъ уже тѣ прискорбныя послѣдствія (о чемъ скажемъ ниже), которыми сопровождалось означенное дѣло для Гулевича и другихъ лицъ, принимавшихъ участіе въ указанномъ нападении.

Изъ приведенныхъ нами фактовъ (а численность подобныхъ фактовъ, хотя и не столь выпуклыхъ, можетъ быть увеличена) видно, что „статья успокоенія“ не достигли одной изъ главныхъ своихъ цѣлей: не внесли мира и спокойствія между православными и латино-уніатами. Слишкомъ обострены были отношенія между тѣми и другими, чтобы ихъ многолѣтнія пререканія рѣшены были правительственною властію, въ особенности при слабости этой власти. Къ тому же сама власть, подъ давленіемъ латино-уніатской партіи, обнаруживала въ это время колебанія, не безъ основанія заставлявшія православныхъ опасаться за прочность достигнутыхъ ими на предшествовавшихъ сеймахъ результатовъ. Такъ, напр., когда съ разныхъ сторонъ изъ латино-уніатскаго лагеря посыпались жалобы королю о несправедливомъ якобы распредѣленіи церквей между православными и уніатами, то король вынужденъ былъ послать воеводамъ, каштелянамъ, старостамъ и другимъ властямъ грамоты, въ которыхъ, выставляя на видъ несправедливость дѣйствій комиссаровъ (коммиссары, назначенные для Короны, насильственно отобрали нѣкоторыя церкви отъ уніатовъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ) приказывалъ всѣ означенныя церкви вновь возвратить уніатамъ ¹²¹). Въ то же время посланы были королемъ грамоты и самимъ комиссарамъ, въ коихъ король упрекалъ послѣднихъ въ неисполненіи его *намтрений*, прика-

¹²⁰) *Прилож.* № XXXI, стр. 124 и слѣд. Въ хроникѣ, находящейся въ библиотекѣ перемышльскаго уніатскаго собора, событіе это ошибочно приурочивается къ 21 іюня 1635 г. (См. „Исторію епископовъ трехъ соединенныхъ епархій, перемышльской, самб. и сапоцкой.“ *А. Добрянскаго*, пер. 2-й, стр. 33). Тѣмъ болѣе ошлябается Суша, относящій означенное событіе къ 1633 г. (см. *примѣч.* стр. 130).

¹²¹) *Прилож.* XXIX. Изъ распоряженій короля за рассматриваемое время, благоприятныхъ православнымъ, см. *Собраніе древнихъ грам. и актовъ минской губ.* № № 106 и 108.

ывалъ имъ вновь объѣхать города и нѣкоторыя церкви, отобранныя отъ уніатовъ, вновь возвратитъ имъ, предоставивъ православнымъ *naixudnia* (*podleysze cerkwie*) ¹²²⁾.

Разумѣется, отобрание отъ православныхъ уже отданнаго имъ, притомъ—смѣло можно утверждать—справедливо отданнаго, не могло не вызывать въ средѣ ихъ новыхъ волненій, новыхъ неудовольствій, а отсюда и открытыхъ сопротивленій. Словомъ, то „пламя“, которое внесено было въ зданіе Рѣчи Посполитой чрезъ введеніе здѣсь пресловутой религіозной уніи съ Римомъ,—„пламя“, столь быстро разрушавшее это зданіе,—не только не было потушено „статьями успокоенія“, но, по крайней мѣрѣ, по мѣстамъ еще болѣе было раздуваемо. Владиславъ IV не могъ этого не сознавать, а потому въ интересахъ государства рѣшился прибѣгнуть къ другой лелѣемой имъ мысли—примиренію православныхъ и уніатовъ *на почвъ религіозной*, путемъ взаимныхъ уступокъ съ той и другой стороны.

Мысль о примиреніи православныхъ съ уніатами на почвѣ религіозной—мысль не новая. Мы видѣли, ¹²³⁾ что рѣчи объ этомъ поднаты были еще на сеймѣ 1623 года. Около этого времени составленъ былъ и планъ подобнаго соглашенія. Онъ состоялъ въ томъ, чтобы православные и уніаты, собравшись на соборъ, общимъ совѣтомъ избрали себѣ патріарха. Подобнаго плана не чуждались ни уніаты, обманувшіеся въ пышныхъ обѣщаніяхъ католиковъ, ни православные, изнуренные продолжительною борьбою съ латино-уніатами и до крайности стѣсненные въ своихъ правахъ. Разсужденія объ этомъ дѣлѣ возобновлялись въ 1624, 1626—1629 годахъ; но они—какъ мы знаемъ—ни къ чему не привели, съ одной стороны, вслѣдствіе крайняго несочувствія подобному соглашенію большинства простого народа, а съ другой—вслѣдствіе разныхъ точекъ зрѣнія на дѣло религіознаго соглашенія представителей православной и латино-уніатской церквей.

¹²²⁾ *Прилож.* стр. 120.

¹²³⁾ См. настоящаго изслѣдованія т. I, главу III.

Владиславъ IV вѣрилъ въ возможность религіознаго соглашенія между православными и униатами путемъ взаимныхъ уступокъ, по крайней мѣрѣ, *въ продолженіи всего своего царствованія*, всемѣрно заботился объ этомъ (равно какъ впоследствии и о религіозномъ примиреніи католиковъ съ протестантами). Безъ сомнѣнія, еще на коронаціонномъ сеймѣ, когда религіозныя разногласія приняли опасный для спокойствія государства характеръ, король входилъ въ сношенія съ представителями православія и уніи, склоняя тѣхъ и другихъ къ примиренію *на почвъ религіозной*. Не подлежитъ также сомнѣнію и то, что о надеждахъ на подобное примиреніе не мало трактовалось и въ секретной инструкціи данной, отправляемому въ Римъ въ качествѣ посла, Георгію Оссолинскому. Не даромъ послѣдній въ своей краснорѣчивой рѣчи предъ папою заявлялъ о заботахъ Владислава IV привлечь въ овчарню „св. отца“ одичалыхъ львовъ скандинавскихъ (москвичей) и *отщепенцевъ отъ верховнаго пастыря* (православныхъ западно-руссковъ). На сеймѣ 1635 года заботы короля въ указанномъ направленіи, въ виду тѣхъ же религіозныхъ разногласій, должны были еще болѣе увеличиться. Принимая во вниманіе всю совокупность данныхъ по трактуемому предмету, можно предполагать, что Петръ Могила и другіе наиболѣе видные представители и защитники православія къ желанію короля *не отнеслись отрицательно*. Они могли заявить (какъ П. Могила заявлялъ и прежде), что св. восточная церковь ежедневно просить Господа, дабы онъ путями, Ему вѣдомыми, привелъ раздѣленные церкви къ тому единенію, которое существовало между ними прежде, въ теченіе тысячелѣтія. Но подавая такую надежду, ревнители православія, во главѣ съ представителемъ западно-русской церкви, не желали, главнымъ образомъ, *противорѣчить* королю, такъ много сдѣлавшему въ интересахъ православія, на самомъ же дѣлѣ, хорошо ознакомленные съ воздѣвленіями латино-уніатской партіи и съ воззрѣніями на этотъ предметъ, едва ли могли (за рѣдкими исключеніями) питать дѣйствительную надежду на умиротвореніе православной церкви посредствомъ предлагаемаго компромисса: ибо они хорошо знали, что римскій престолъ далекъ отъ мысли объ единеніи церквей, какъ о взаимообиченіи между ними въ мирѣ и любви съ сохраненіемъ за церковію православною всѣхъ, завѣщанныхъ древностію, особенностей *въ ученіи, управленіи* и обрядности; они знали, что римскій престолъ смотритъ на означенное единеніе, какъ на *подчиненіе* право-

славной церкви католической, какъ на *всецѣлое порабощеніе первой послѣднею*. Такимъ образомъ, надежды, подаваемыя королю представителями православной церкви на возможность примиренія ихъ съ уніатами *на почвъ религіозной*, были не болѣе какъ дипломатическіе приемы съ ихъ стороны передъ королемъ, въ помощи и содѣйствіи котораго они столь нуждались. Между тѣмъ Владиславъ IV своимъ совѣщаніямъ съ представителями православной церкви по данному вопросу придавалъ преувеличенное значеніе въ смыслѣ склонности послѣднихъ сдѣлать *существенныя уступки католицизму*, о чемъ, кажется, и извѣстилъ папу, осаждаемаго жалобами на короля за его покровительство „схизматикамъ“. По крайней мѣрѣ, Урбанъ VIII въ письмѣ своемъ, отъ 10 іюля 1636 г., на имя волынскаго воеводы осыпалъ его похвалами за то, что онъ „вмѣстѣ съ возлюбленными братьями—Петромъ Могилою, митрополитомъ русиновъ, и Аванасіемъ, епископомъ луцкимъ, заботится о приведеніи всѣхъ русскихъ къ единенію съ римскимъ престоломъ *на основаніи опредѣленій флорентійскаго собора (iuxta sacri concilii Florentini praescriptum*“¹²⁴). Въ это время слухи о склонности Петра Могила и луцкаго епископа Аванасія Пузины принять унію (даже о принятіи послѣднимъ оной) были, кажется, распространены значительно. Нѣкто Фрукъ въ письмѣ своемъ (отъ 18 іюня 1636 г.) къ уніатскому владимірскому епископу Іосифу Макосью Баковецкому извѣщаетъ послѣдняго, какъ о новости, что луцкій епископъ Пузина, обратившись съ просьбою къ князю Заславскому о прекращеніи начатыхъ противъ него—епископа—процессовъ за учиненные имъ „бунты“ въ Кременцѣ, а также о представленіи ему Дерманскаго монастыря, изъявилъ желаніе принять унію и *даже далъ присягу на оную*. „Говорятъ—пишетъ Фрукъ—и о Могилѣ, что онъ окончательно хочетъ перейти на сторону уніи. Объ этомъ была рѣчь въ Бродахъ у его милости пана Краковскаго. Его милость сказалъ: о Пузинѣ не сомнѣваюсь, но о Могилѣ *весьма; въ особенности сомнѣвается въ этомъ панъ подкоморій львовскій, который хорошо его (Могила) знаетъ*“¹²⁵).

Особенную заботливость о примиреніи православныхъ съ уніатами на почвѣ религіозной Владиславъ IV проявилъ въ 1636 году,

¹²⁴) Theiner. Vetera Monum. Pol. et Lithuaniae, t. III. № CCCLVII.

¹²⁵) Прилож. № XXX.

когда несостоятельность правительственныхъ распоряженій „объ успокоеніи людей греческой религіи“ обнаружилась всецѣло. Въ этомъ году, въ бытность свою въ Вильнѣ, онъ обратился къ православнымъ съ увѣщаніями войти въ соглашеніе съ уніатами и учинить „генеральную згodu“. Съ этою цѣлію послано было къ нимъ (по всей вѣроятности, къ виленскимъ братчикамъ) уполномоченное имъ — королемъ — лицо, которое обратилось къ собранію православныхъ съ слѣдующею рѣчью:

„Король его милость говоритъ вамъ чрезъ посредство меня: какъ ваши предки оказали сопротивленіе уніи и чрезъ то подали примѣръ другимъ городамъ, такъ (желательно), чтобы вы, ихъ потомки, были побужденіемъ для тѣхъ же городовъ до (взаимнаго) соглашенія.

„Увѣщаетъ васъ король его милость къ общему соглашенію по слѣдующимъ причинамъ:

1. Все дозволенное вамъ королемъ его мил. на прошлыхъ сеймахъ, потому позволено было, что ваши духовные руководители, въ случаѣ благопріятнаго рѣшенія въ вашу пользу, *объщали скорое соединеніе* (религіозное соглашеніе съ уніатами); теперь пришло время исполнить это обѣщаніе.

2. Усматриваетъ король его милость, что сѣкира лежитъ при корнѣ вѣроисповѣданія греческаго, такъ какъ число людей, принадлежащихъ къ нему, не прибываетъ, но умалается. А развѣ не умалается, когда многіе, какъ отъ уніатовъ, такъ и отъ неуніатовъ, переходятъ въ обрядъ латинскій,—не только свѣтскіе, но и монашествующіе,—вслѣдствіе чего возрастаютъ книги (судебныя дѣла), которыя всѣ вѣтви и листья столь прекраснаго вѣроисповѣданія засушиваютъ, отсѣкаютъ и отрываютъ? А развѣ не убавляется, когда съ обѣихъ сторонъ умножаются судебные процессы, которые, уменьшая имущество ваше, вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаютъ и ваше расположеніе къ своему вѣроисповѣданію? А развѣ не умалается, когда многія церкви обращаются въ костелы?—А это все происходитъ отъ того, что *надежда соединенія отсрочивается*.

3. Видитъ король его милость, что васъ и въ Коронѣ и въ Литвѣ декретами накрываютъ, маестности, основанныя вами и завѣщанныя, отнимаютъ, даже, увеличивая ваши несчастія (*aże krzyż podnosząc*), не всегда позволяютъ производить звоны въ колокола; всюду не только не имѣете вы свободнаго доступа къ вольностямъ, но пребываете въ униженіи; а такъ какъ набожные церемоніи и обычаи ваши сейчасъ

уже имѣютъ отмѣны, то, если сами о себѣ не будете стараться, и ваше вѣроисповѣданіе и полученныя вами права, однимъ словомъ, все погубите.

4. Поелику въ членахъ вѣры (между православною и уніатскою церквами) противорѣчія нѣтъ и поелику уніаты желаютъ соглашенія, то много повинны предъ Богомъ вы будете (т. е., если не послѣдуете убѣжденіямъ короля). При этомъ король его милость предостерегаетъ васъ, если станете медлить соглашеніемъ, какъ бы не случилось, что уніаты, истомившись ожиданіями, не пожелали съ своими церквами и бенефиціями перейти въ обрядъ римскій; а для осуществленія этого развѣ они не найдутъ себѣ помощниковъ? Предупреждая это, милостивый нашъ король, чрезъ меня, убѣждаетъ васъ, дабы позаботились о соглашеніи съ уніатами и начали это дѣло при бытности въ Вильнѣ его королевской милости. Вы (чрезъ исполненіе сказаннаго) пріохотите короля къ пожалованію сему городу бѣльшихъ вольностей, а равнымъ образомъ и вамъ самимъ, какъ заботящимся объ упомянутомъ соглашеніи, будутъ оказаны милости. Пріохотите (къ услугамъ вамъ) и насъ, такъ какъ мы въ своихъ помѣстьяхъ имѣемъ много церквей: мы о церквахъ вашихъ и духовныхъ бенефиціяхъ будемъ также заботиться и охранять ихъ, какъ заботимся и охраняемъ духовенство костела римскаго¹²⁵⁾.

Предполагая, что почва для религіознаго соглашенія православныхъ съ уніатами достаточно подготовлена, король въ началѣ сентября 1636 г. разослалъ къ представителямъ православной и уніатской церквей, а равно и къ нѣкоторымъ вліятельнымъ свѣтскимъ лицамъ грамоты съ призывомъ озаботиться о приведеніи означеннаго

¹²⁶⁾ *Прилож.* стр. 123—124. Помѣщенный здѣсь, по рукописи Виленскаго Свято-Духова монастыря, документъ напечатанъ и у Лукашевича въ его сочиненіи *Dzieje kościołow wyznania helweskiego w Litwie*. Бывшая въ пользованіи Лукашевича копія документа тоже не имѣетъ даты, тѣмъ не менѣе авторъ относитъ его къ послѣднимъ годамъ царствованія Владислава IV (1648 г.), не приводя для сего основаній. Наше мнѣніе о времени, къ которому должно быть приурочено появленіе документа (см. *прилож.* стр. 123), находитъ подтвержденіе и въ составленномъ около 1680 г. *Summarium*'ѣ, гдѣ авторъ, въ общихъ чертахъ изложивъ ходъ дѣла по вопросу о соединеніи православныхъ съ уніатами, тотъ фактъ, что „Korol jego Mość przez deputowanych traktował (о генеральномъ соединеніи),—относитъ къ 1636 году (Архивъ греко-уніат. митрон. при св. Синодѣ, связ. № 18-й.

дѣла въ исполненіе. Въ посланіяхъ къ митрополитамъ православному (П. Могилѣ) и униатскому (Вельямину Рутскому) король писалъ: „По милости Божіей, обезпечивши спокойствіе государства отъ внѣшнихъ враговъ, мы желали на предстоявшемъ общемъ шестинедѣльномъ сеймѣ все, что, вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ времени, производитъ волненіе и въ будущемъ можетъ затруднить сеймовыя совѣщанія, надлежаще уврачевать и ввести въ свои предѣлы. Рознь же между Русью, воссоединенною (съ Римомъ) и невозсоединенною, навлекая на Рѣчь Посполитую немало непристойнаго (*zaciągając inkonwienęcą*), много отнимаетъ времени на сеймахъ,—и хотя во время счастливой нашей елекціи уже опредѣлены средства для успокоенія (враждующихъ), однако на прошломъ сеймѣ мы дознали, сколько приведеніе этихъ средствъ въ исполненіе затруднило Рѣчь Посполитую и, навѣрное, и впредь не перестанетъ затруднять. Посему, разсылая по настоящему дѣлу наши листы къ старшему духовенству обѣихъ сторонъ и къ нѣкоторымъ свѣтскимъ лицамъ,—такъ какъ у васъ и братства въ дѣлахъ религіозныхъ имѣютъ немалую силу,—мы желаемъ, чтобы вы предъ наступленіемъ слѣдующаго сейма снеслись со всѣми ими и озаботились объ изысканіи такихъ способовъ, посредствомъ которыхъ между вами, обѣими сторонами, могло бы установиться единеніе и прочное согласіе. Ибо пока вы надежными средствами не придете къ соглашенію въ своихъ разногласіяхъ, одна сторона не перестанетъ беспокоить другую тяжбами, утѣснять и всячески затруднять. Знаемъ, что главнѣйшимъ вопросомъ между вами (православными и униатами) будетъ вопросъ о повинненіи, которое вы (православные) оказываете константинопольскому патріарху; но если разсудите, что дѣлалось въ той столицѣ и теперь дѣлается, легко придете къ мысли, что, не нарушая правъ патріаршества, вы можете, по примѣру Мосевы и другихъ государствъ, имѣть у себя дома то, зачѣмъ тянетесь на сторону. Совершите же дѣло, угодное Богу, полезное Рѣчи Посполитой, потребное русскому народу, особенно находящемуся въ униі, и незабвенное для насъ“¹²⁷⁾.

Къ этому времени выработанъ былъ и самый проэктъ религіознаго соглашенія православныхъ съ униатами. Въ сущности это былъ

¹²⁷⁾ Supplem. ad. Histor. Rus. Monum. № LXXII. Сн. прилож. стр. 122.

тотъ же самый проэктъ, который составленъ былъ въ 1629 году ко времени львовскаго съѣзда, назначеннаго Сигизмундомъ III для совѣщаній между православными и уніатами. Но теперь проэктъ былъ нѣсколько расширенъ, а главное снабженъ обширными примѣчаніями. Главнѣйшіе пункты проэкта, какъ и прежде, состояли въ томъ, что 1) русскіе греческаго обряда не вносятъ въ символъ вѣры прибавленія *и отъ Сына*, но въ свою очередь не должны порицать и латинянь, учащихъ, что *Духъ Святой исходитъ отъ Отца*. Вообще споры объ этомъ должны быть прекращены. 2) Русскіе греческаго обряда должны вѣрить въ существованіе третьяго мѣста, чистилища, хотя и не обязаны вѣрить, что очищеніе душъ въ немъ происходитъ *черезъ огонь*; 3) обязаны вѣрить, что души святыхъ находятся на небѣ. 4) Всѣ русскіе греческаго обряда, находящіеся подъ властію польскаго короля, состоятъ въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха, но только въ томъ случаѣ, если онъ *втруетъ согласно вышеизложенному*, если пребываетъ *тѣрнымъ христіаниномъ*, если будетъ единственнымъ патріархомъ той церкви, если, „будучи посвященъ, пришлетъ къ его величеству королю, митрополиту и ко всѣмъ русскимъ епископамъ свое вѣроисповѣданіе и объявитъ, что онъ *втруетъ согласно вышенаписанному*. Когда его вѣроисповѣданіе окажется и признается согласнымъ съ объявленнымъ, тогда всѣ подданные его величества, держащіеся греческаго обряда, обязаны непосредственно зависѣть отъ означеннаго патріарха“. 5) Обряды и обычаи Восточной церкви будутъ сохраняться въ цѣлости, безъ прибавленій и убавленій; разслѣдованіе судебныхъ дѣлъ будетъ принадлежать общему собору, рѣшенія котораго обязательны. 6) „Русскіе не должны порицать опрѣсноки латинянь, субботній постъ, причащеніе подъ однимъ видомъ; съ другой стороны, и римляне не должны хулить вислыхъ хлѣбовъ русскихъ, ихъ мясояденіе въ субботу и причащеніе подъ обоими видами. Такимъ образомъ, всякій держится своего обряда и хвалитъ другой, хотя ему и не слѣдуетъ. 7) Никто изъ латинянь не долженъ говорить, что восточные патріархи не имѣютъ той власти юрисдикціи, какую имѣли ихъ предшественники, *законные и православно (каволически) втровошіе*, потому что и теперешніе патріархи, если законно поставлены, все каволически принимаютъ и (согласно съ симъ) вѣруютъ. Никто изъ русскихъ не долженъ держать у себя и читать книгъ, написанныхъ или изданныхъ во время разногласія съ римскимъ престоломъ и направ-

ленныхъ противъ римскихъ первосвященниковъ. Всѣ русскіе греческаго обряда должны говорить, что *римскій престолъ есть первый* (между всѣми) и римскій первосвященникъ—*первопрестольникъ* или епископъ перваго сѣдалища, что ему не только принадлежитъ первое мѣсто и предсѣдательство на соборахъ, но онъ имѣетъ власть созывать самые соборы и одобрять ихъ опредѣленія. Это одному ему по праву приличествуетъ, ибо онъ есть *правитель въ церкви Христовой, преемникъ божественнаго Петра*. Къ нему братья должны присылать синодальныя грамоты (опредѣленія) и къ нему должно обращаться съ аппеляціею и за разрѣшеніемъ вопросовъ по важнѣйшимъ дѣламъ.“

Къ этому проекту присоединены подробныя разъясненія относительно четвертаго пункта онаго, о томъ, какъ слѣдуетъ понимать зависимость отъ константинопольскаго патріарха *непосредственную и посредственную*.

Непосредственная зависимость отъ патріарха, по этому разъясненію, должна состоять, главнымъ образомъ, въ томъ, что митрополитъ въ церквахъ возноситъ молитву за него. Затѣмъ, послѣ достигнутаго соглашенія, патріархъ на первый разъ (*prima vice*) даетъ „сакру“ митрополиту; но Русь должна позаботиться, чтобы ея послѣдующіе митрополиты освобождены были отъ поѣздокъ за означенною сакрою къ патріархамъ, по крайней мѣрѣ, до того времени, какое Богъ назначитъ для освобожденія Востока (отъ власти турокъ). Между митрополитомъ и патріархомъ должны быть только письменныя сношенія: они пересылаютъ другъ другу синодальныя посланія и свое исповѣданіе вѣры, согласное съ изложеннымъ выше... Митрополитъ пользуется въ Россіи правами *постояннаго экзарха* и, какъ таковой (*sic Exarcha natus*), можетъ рѣшать всѣ дѣла внутри государства (польскаго) самостоятельно.—

Въ чемъ должна состоять посредственная зависимость митрополита отъ патріарха?

Въ томъ, во-первыхъ,—отвѣчаютъ составители проекта,—что митрополитъ всегда поминаетъ (на богослуженіяхъ) *прежде первосвященника* (папу), потомъ патріарха; во-вторыхъ, въ томъ, что, давши согласіе (на предполагаемое религіозное соглашеніе), митрополитъ свое письменно изложенное исповѣданіе вѣры посылаетъ къ римскому первосвященнику, заявляя, что онъ такъ вѣруетъ и что такое же исповѣданіе пошлетъ къ константинопольскому патріарху; въ-третьихъ, въ

томъ, что послѣ состоявшагося соглашенія, митрополитъ будетъ ходатайствовать передъ верховнымъ первосвященникомъ, дабы онъ согласился войти въ сношенія съ патріархомъ по вопросу объ отмѣнѣ поѣздокъ за „сакрою“, вслѣдствіе сопряженныхъ съ ними опасностей; въ-четвертыхъ, въ томъ, что митрополитъ позаботится, дабы первосвященникъ утвердилъ рѣшеніе патріарха касательно означенныхъ поѣздокъ, по крайней мѣрѣ, до того времени, какое Богъ опредѣлилъ для свободы Востока. Кромѣ того, еслибы чего недоставало власти митрополита, какъ экзарха, онъ упрости первосвященника восполнить этотъ недостатокъ. Избранный въ митрополиты (*nominatus*) не прежде вступаетъ въ управленіе церковію, какъ произнесетъ исповѣданіе вѣры въ присутствіи епископовъ и нѣсколькихъ архимандритовъ, а также верховнаго легата (римскаго) или его представителя.

Почему невозможна поѣздка къ константинопольскому патріарху (за „сакрою“ и по другимъ дѣламъ)?

Въ подтвержденіе затруднительности и нежелательности такихъ поѣздокъ составители проекта представляютъ нѣсколько доводовъ.

Во-первыхъ, указывается на *опасность*, такъ какъ и посланный, и самъ патріархъ легко могутъ возбудить въ туркахъ подозрѣніе и тѣмъ подвергнуть свою жизнь опасности.

Во-вторыхъ, нельзя ожидать никакой пользы отъ подобныхъ поѣздокъ, ибо тамъ, гдѣ нѣтъ ни книгъ, ни ученія, ни школъ, не можетъ быть и справедливаго рѣшенія.

Въ-третьихъ, слепкомъ дорого бы обошлись и самыя поѣздки вслѣдствіе царящихъ на Востокѣ хищеній и всеобщей симоніи.

Въ-четвертыхъ, чрезъ поѣздки самый обрядъ потерпѣлъ бы униженіе, ибо тогда обнаружилось бы, что скитальцы греки управляютъ, а русскіе, несмотря на свое превосходство передъ ними, покоряются имъ.

Впрочемъ, такъ какъ сношеніями съ константинопольскимъ патріархомъ русскіе чрезвычайно дорожили, то составителями приведенныхъ объясненій къ проекту сдѣлано было замѣчаніе, что относительно этого пункта можно кое-что и уступить *противной сторонѣ* ¹²⁸).

Уступки католицизма, сдѣланныя въ приведенномъ проектѣ *противной сторонѣ*, т. е. православію, были ничтожны. Онѣ сводились

¹²⁸) См. *прилож.* къ I т. настоящаго изслѣд. стр. 380—384.

къ признанію за послѣднимъ *обрядности*, но отнюдь не обезпечивали за нимъ сохраненія въ неповрежденномъ видѣ вѣроученія. Главный отличительный догматъ католической церкви—главенство папы—выдвигался на первый планъ, причемъ православные обязывались не къ почетному только признанію первенства римскаго первосвященника, но къ признанію его божественнымъ намѣстникомъ св. Петра, видимою главою церкви, руководителемъ и вершителемъ всѣхъ дѣлъ церковныхъ. Словомъ, православнымъ предлагалась та же ненавистная имъ унія, противъ которой они такъ энергично боролись, хотя предлагалась какъ бы въ смягченномъ видѣ. Длинныя рѣчи о константинопольскомъ патріархѣ, о неудобствахъ сношенія съ нимъ, о симоніи, царившей на Востоцѣ и т. п., велись съ цѣлію подготовить православныхъ къ окончательному разрыву съ греческою церковію, ибо представители католицизма не могли не сознавать, что на ихъ проектъ константинопольскій патріархъ не можетъ дать согласія, и еслибы даже, посредствомъ матеріальныхъ жертвъ, такое согласіе и было достигнуто, то оно, возбудивъ общее негодованіе въ греческой церкви, послѣднею было бы тотчасъ же кассировано. Эти длинныя рѣчи были подготовительною почвою для склоненія православныхъ къ отдѣленію отъ греческой церкви чрезъ *образование особаго патріархата*, о чемъ прямо король и заявлялъ въ своихъ грамотахъ митрополитамъ православному и уніатскому.

Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что кандидатомъ на патріаршество намѣченъ былъ королемъ и даже латино-уніатскою партіею Петръ Могила. Намеки на это находимъ въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ, хотя нѣсколько и позднѣйшаго времени, но еще писанныхъ при жизни П. Могила и притомъ тогда именно, когда попытки къ соглашенію православныхъ съ уніатами не оставляемы были королемъ. Кассіанъ Саковичъ издавая въ 1642 г. свою *Перспективу*, въ предисловіи „до читателя религіи греко-русской“, между прочимъ, пишетъ: „Взялъ отецъ Могила церковь св. Софіи въ Кіевѣ, много столѣтій передъ тѣмъ опустошенную, а въ настоящее время такъ ее возстановилъ, что отъ всѣхъ получаетъ похвалу. Также возстановляетъ монастыри, основываетъ школы и много дѣлаетъ добраго въ интересахъ своего народа, такъ что *еслибы захотѣлъ распрощаться* (waledikować) *со схизмою и вступить въ унію съ св. костеломъ римскимъ, безъ сомнѣнія, не только митрополимъ, но и патріаршаго сана былъ бы досто-*

инъ“¹²⁹). Бывшій митрополитъ Исаія Копинскій—какъ мы уже знаемъ—по неprovѣреннымъ слухамъ заявлялъ, что „Петръ Могила вѣры христіанской отпаль и благословенъ отъ папы римскаго нынѣ (въ 1638 г.) въ великій постъ *въ патриархи*“. (Очевидно, что ложные слухи, распускаемые о П. Могилѣ И. Копинскимъ, въ основѣ своей имѣли предложенія короля, сдѣланныя нашему митрополиту о представленіи ему, подъ извѣстными условіями, патриаршества). Разумѣется, предлагая Петру Могилѣ патриаршій санъ, Владиславъ IV и латино-уніатская партія имѣли въ виду заручиться содѣйствіемъ его, какъ самаго выдающагося, и по своему положенію и по своему вліянію, основанному на крупныхъ заслугахъ предъ русскимъ народомъ, представителя православной церкви. Прежнее (въ бытность архимандритомъ) участіе П. Могилы въ дѣлѣ соглашенія православныхъ съ уніатами и отзывы о немъ, какъ человѣкѣ, примирительно относившемся къ разностямъ между церквами православною и католическою, давали латино-уніатской партіи надежду, что и въ данное время, въ особенности въ виду открывающейся перспективы получить патриаршій санъ, Могила склоненъ будетъ оказать существенныя услуги проекту религіознаго соглашенія. Но если Петръ Могила въ прежнее время, увлеченный заманчиво-миролюбивыми рѣчами сторонниковъ уніи и лицевою стороною плана о соглашеніи съ римскою церковію, и мечталъ о возможности взаимообщенія между церквами (православною и католическою), то въ настоящее время, когда для него очевидно сдѣлалась и оборотная сторона означеннаго плана, а намѣренія сторонниковъ папизма перестали быть тайною,—онъ не могъ не понять, что предлагаемые проекты о соглашеніи съ уніатами грозятъ неминуемою опасностію *чистотѣ православія*, ведутъ къ порабощенію православной церкви римскому престолу, а потому не только не приложилъ стараній къ осуществленію предполагавшагося соглашенія съ уніатами, но и принялъ мѣры къ огражденію православія отъ посягательствъ на оное. Такъ, исполняя приказаніе короля, онъ разослалъ грамоты съ призывомъ къ религіозному примиренію съ уніатами православнымъ братствамъ и, совѣтуя имъ обсудить это дѣло

¹²⁹) Ἐπαναρθωσις albo Perspectiwa,... изд. 1642 г., въ Краковѣ (предисловіе „do czytelnika Religiey Graekoruskiej“).

всесторонне, наказывалъ, чтобы на ближайшій сеймъ (на которомъ имѣли быть разсужденія по этому вопросу) избраны были депутатами лица, *наибольше извѣстныя своею ревностію къ православію*¹³⁰): ясный знакъ, какъ относился митрополитъ къ затѣѣ короля, хотя,—повторяемъ,—не желая возбудить неудовольствія съ его стороны, открыто, принципиально и не вооружался противъ нея.

Сеймъ 1637 года, на которомъ предположены были совѣщанія православныхъ съ уніатами по означенному вопросу, открылся своевременно, но, вслѣдствіе крупныхъ разногласій между депутатами, не окончился: былъ „сорванъ“. Если при началѣ его и были совѣщанія православныхъ съ уніатами о религіозномъ между собою соглашеніи и учрежденіи особаго западно-русскаго патріархата, то они не привели ни къ чему, и затѣя короля окончилась неудачно, хотя—какъ увидимъ—ни онъ, ни латино-уніатская партія отъ нея не отказались.

Между тѣмъ пререканія, обоюдныя оскорбленія и судебныя процессы среди православныхъ и уніатовъ не прекращались. Отъ этихъ неурядицъ страдали обѣ стороны, не менѣе страдало и само государство, правильное теченіе дѣлъ въ которомъ нерѣдко нарушалось безконечными религіозными распрями. Намъ нѣтъ надобности подробно излагать исторію борьбы съ латино-уніатами за разсматриваемое время. Для яснаго представленія объ этой борьбѣ достаточно указать на болѣе крупные факты, характеризующіе оную, и въ общихъ чертахъ изобразить картину религіозныхъ раздоровъ.

Самымъ печальнымъ для православныхъ событіемъ, случившимся вскорѣ послѣ несостоявшагося въ 1637 году сейма, былъ декретъ Петровскаго трибунала, осудившій на „инфамію“ перемышльскаго епископа Сильвестра Гулевича и многихъ другихъ православныхъ (болѣею частію дворянъ) за нападеніе и насильственное отнятіе отъ уніатовъ монастыря св. Спаса¹³¹) Инфамія была однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ наказаній въ Рѣчи Посполитой. Она подвергала подпадавшихъ ей лицъ лишенію всѣхъ гражданскихъ правъ и покровительства

¹³⁰) Лѣтопись Львов. Ставропигіальнаго братства, по древнимъ документамъ составленная Діонисіемъ Зубрицкимъ (оттискъ изъ Журн. М. Н. Просв.) стр. 83.

¹³¹) *Прилож.* № XXXI.

закона. Какъ человѣкъ лишенный „чести“, Гулевичъ чрезъ то самое утрачивалъ тѣ права, которыя предоставлены были ему, какъ „привилегированному“ (официально признанному правительствомъ) епископу; лишался и тѣхъ бенефицій, которыя приурочены были къ занимаемой имъ кафедрѣ. Въ виду этого, перемышльскій униатскій епископъ Аѳанасій Крупецкій сталъ хлопотать о возвращеніи ему Спасскаго монастыря и другихъ духовныхъ бенефицій, предоставленныхъ статьями успокоенія и королевскою на основаніи ихъ привилегіею православной перемышльской кафедрѣ, и эти притязанія Крупецкаго судебныя мѣста признали подлежащими удовлетворенію. Естественно, что Петровскій декретъ вызвалъ сильное неудовольствіе и волненіе въ средѣ православныхъ. Появились протесты противъ него и прилагались всевозможныя старанія къ его уничтоженію. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ православные были сильны, дворянство въ инструкціяхъ посламъ, отправляемымъ на сеймы (начиная съ приготовленій къ сейму 1638 г.), наказывало имъ „ходатайствовать предъ его королевскимъ величествомъ и усердно прилагать старанія предъ чинами Рѣчи Посполитой, чтобы Гулевичъ и другіа, вмѣстѣ съ нимъ невинно осужденныя на инфамію, лица были освобождены отъ нея, и ихъ честь (honoru) была восстановлена.“ Дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ принималъ и Петръ Могила, какъ представитель православной церкви, интересы которой существенно были затронуты инфаміею Гулевича. Послѣ передачи Крупецкому нѣкоторыхъ „духовныхъ бенефицій“, приуроченныхъ къ перемышльской православной епископіи, П. Могила послалъ своихъ уполномоченныхъ (духовныхъ лицъ—о.о. Антонія и Филоея) въ Перемышль, гдѣ по этому поводу вчиненъ былъ въ „городскомъ судѣ“ процессъ. Эти уполномоченныя отъ имени митрополита лица („my duchowni, bendac od jego Mości oycsa Metropolity posłani“) заявляли въ судѣ, что передача униатскому епископу бенефицій, приуроченныхъ статьями успокоенія къ православной перемышльской кафедрѣ, противорѣчитъ сеймовому постановленію, утвердившему эти статьи, и выданному на основаніи онаго королевскому „диплому“; что въ данномъ случаѣ дѣло касается не одного Гулевича, такъ какъ не ему одному принадлежитъ перемышльская епископія, но всего не находящагося въ униі русскаго народа, права и интересы котораго въ этомъ дѣлѣ подвергаются ущербу и поправію¹³²). Тѣмъ не менѣе,

¹³²⁾ *Прилож.* стр. 131—133.

несмотря на энергичныя хлопоты разныхъ слоевъ православнаго общества, прискорбное дѣло объ инфаміи Гулевича довольно долго, до сейма 1641 года, не получало благоприятнаго исхода, да и тогда окончено было—какъ увидимъ—не безъ жертвъ со стороны православныхъ.

Въ луцкой епископіи отношенія между владыками православнымъ (Пузиною) и уніатскимъ (Почаповскимъ) были тоже не мирныя. Послѣдній былъ недоволенъ тѣмъ, что Пузина при посредствѣ комиссаровъ отобралъ отъ уніатовъ въ Луцкѣ церкви Михайловскую, Рождественскую и Пятницкую и поступилъ въ этомъ случаѣ „мимо конституцію и привилей его королевской милости“, такъ какъ, по добровольному соглашенію самого Пузины и волынскихъ обывателей, „владѣцтво луцкое“ ему, Почаповскому, предоставлено было *пожизненно* ¹³³). Дѣло объ этомъ доходило до трибунала, гдѣ состоялось опредѣленіе возвратить церкви уніатскому епископу. Но когда судебныя власти хотѣли было привести въ исполненіе это опредѣленіе, то намѣстникъ Пузины и его слуги не „допустили“ ихъ до этого „именемъ его милости пана и пастыря своего“, причемъ слугою Типицкимъ, находившимся около Пятницкой церкви, произнесена была такая угроза: „скорѣе его милость отецъ Почаповскій головы своей лишится, нежели эту церковь въ посессію свою возьметъ“... Недоволенъ былъ Почаповскій и тѣмъ, что Пузина грунтъ церковный, на которомъ якобы еще отъ временъ Витовта „на святую унію“ церковь во имя Покрова была фѣндована, насильственно отнялъ и построилъ на немъ новую церковь. Совершая въ ней служеніе (11 октября 1637 г.), Пузина, — какъ значится въ протестаціи противъ него, занесенной отъ имени Почаповскаго, — говорилъ проповѣдь, въ которой „словами непристойными, славѣ доброй и гонорови его милости отца Почаповскаго, епископа Луцкаго и Острожскаго, шкодячими, лжилъ, сорамотилъ, за якогось геретика и одщепенца такъ самого его милость епископа, яко и все духовенство, въ уніи святой будущее, на здорье оного оповедаючи, поличилъ“ ¹³⁴).

Въ томъ же октябрѣ 1637 года Іеремія Почаповскій скончался. Послѣ его смерти „луцкая епископія, со всѣми, принадлежащими

¹³³) *Прилож.* № XXIV.

¹³⁴) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I, т. VI, № ССХСVI.

къ ней имѣніями“, должна была перейти въ вѣдѣніе православнаго луцкаго епископа. Поэтому Аѳанасій Пузина тотчасъ же по смерти Почаповскаго вступилъ въ фактическое владѣніе означенною епископіею. Но латино-уніатская партія нашла возможнымъ протестовать и противъ этого на томъ основаніи, что Пузина учинилъ сіе „безъ вѣдомости“ короля, какъ верховнаго подавцы всѣхъ дѣбръ и хлѣбовъ духовныхъ и, такимъ образомъ, якобы оказалъ неуваженіе верховной власти. И король, подъ давленіемъ латино-уніатской партіи, 28 октября 1637 г. издалъ универсалъ, въ которомъ приказывалъ Пузинѣ: каедрю, церкви, помѣстья, вообще все, что имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи Почаповскій, передать назначаемому имъ, королемъ, „администратору епископіи луцкой,“ каковымъ грамотою отъ 30 октября и былъ назначенъ владимірскій и брестскій уніатскій епископъ Іосифъ Макошій Баковецкій ¹³⁵). Такое постановленіе короля шло въ разрѣзъ съ его прежними грамотами, а потому Пузиною не было исполнено, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ было отмѣнено (во время сейма 1638 г.) и самимъ королемъ, хотя, очевидно, не безъ хлопотъ и издержекъ со стороны православныхъ ¹³⁶).

Въ могилевской епархіи продолжалась безконечная тяжба Сильвестра Коссова въ уніатскимъ архіепископомъ Селявою изъ-за вѣзда перваго въ Полоцкъ, обращеніе уніатовъ въ православіе, и т. п. ¹³⁷).

Въ Вильнѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ шли пререканія между уніатами и православными по поводу распредѣленія церковей и отказовъ первыхъ подчиняться рѣшеніямъ по данному вопросу королевскихъ комиссаровъ ¹³⁸)... Въ Холмщинѣ православные по прежнему

¹³⁵) Прилож. № XXXIII.

¹³⁶) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I, ч. VI. № СХХСІХ. Въ луцкихъ градскихъ книгахъ за декабрь 1637 г. находится обширное дѣло (*Кіев. Центр. Архивъ*, № кн. 1004, л. л. 1137—1148), изъ коего видно, что Аѳ. Пузина тотчасъ же послѣ смерти Почаповскаго, основываясь на упомянутой нами „ассекюраціи,“ выданной ему на коронаціонномъ сеймѣ 1633 г., ваялъ „луцкую епископію,“ т. е. вступилъ во владѣніе кафедральною и нѣкоторыми другими церквами, а также церковными имѣніями, бывшими дотолѣ въ вѣдѣніи уніатовъ. Если вѣрить протестаціи, занесенной противъ Пузины владимірскимъ уніатскимъ епископомъ Баковецкимъ, то означенное вступленіе на епископію было ничѣмъ инымъ, какъ наѣздомъ „черезъ людей арматныхъ“ числомъ до 400 „разныхъ націй и милиціи: езды и пехоты.“

¹³⁷) Витебская Старина, изд. Сапуновымъ, т. V, ч. I, стр. 149 и слѣд.

¹³⁸) Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ минской губ. № 108.

испытывали тяжелый гнетъ Меѳодія Терлецкаго, вслѣдствіе чего проникались все бѣльшимъ и бѣльшимъ озлобленіемъ противъ него, не всегда скрываемымъ подъ личиною вынужденной покорности 139).

Не прекращались (едва ли не подъ вліяніемъ католиковъ) и вспышки фапатизма противъ православія, проявлявшіяся въ нападеніяхъ на церковныя процессіи православныхъ и принимавшія иногда характеръ буйныхъ побоищъ разнузданной толпы. Такъ—по свидѣтельству современника—въ г. Острогѣ, на пасху 1637 года, во время церковной процессіи, совершаемой православными, на духовенство и прихожанъ („мѣщапъ“) сдѣлано было нападеніе, сопровождавшееся побоями, истязаніями и даже убійствами („zabіano“) 140). Подобному

¹³⁹⁾ Древніе акты холмскаго епархіи (въ холмскомъ церковно-арх. музеѣ), кн. № 1.

¹⁴⁰⁾ Indicium, to iest pokazanie cerkwie prawdziwey. (Полемическое сочиненіе, составленное въ 1638 г. инокомъ Винницкаго монастыря. Свѣдѣнія объ этомъ сочиненіи см. у Я. Головацкаго въ брошюрѣ: *Библиографическія находки во Львовѣ*. Въ полномъ видѣ напечатано нами въ *Архивъ Юго-Зап. Россіи*, имѣющемъ вскорѣ появиться въ свѣтъ; обстоятельная рѣчь о немъ будетъ въ III главѣ наст. изслѣдов.).—Указываемое здѣсь событіе, относимое *мвовскою летописью* къ 1636 г., достаточно извѣстно, хотя разсказывается съ разнообразными отгѣнками. Дѣло въ слѣдующемъ. Анна Алоиза, княжна Острожская, окончательно подпавшая подъ вліяніе іезуитовъ и сдѣлавшаяся въ рукахъ ихъ послушнымъ орудіемъ, приказала тѣло своего православнаго отца, князя Александра Острожскаго, похороненнаго въ православной Богоявленской церкви, тайно похитить изъ нея, чтобы „помыть оное (кости) и посвятить“, положить въ склепѣ костела. Это кощунственное похищеніе совершено было „на свята великодныи“ (на пасху), ночью съ воскресенья на понедѣльникъ. Такой поступокъ, естественно, произвелъ сильное волненіе въ средѣ православныхъ, разразившееся взрывомъ народнаго возмущенія противъ Анны Алоизы, къ тому же державшей себя вызывающимъ на оскорбленія образомъ: она приказала своему возницѣ и слугамъ ѣхать прямо на толпу, по пасхальнымъ хлѣбамъ. Негодующій народъ окружилъ поѣздъ княжны, забросалъ ее крашеными яйцами и едва не сбросилъ въ глубокой оврагъ. „Злость схизматиковъ—будемъ говорить устами о.о. іезуитовъ—была ужасна. Предводители бунта шли на сабли, шли въ огонь, готовы были погибнуть тѣломъ и душою, только бы добраться до своей госпожи и отомстить ей. Но тѣмъ временемъ (на помощь милиціи, защищавшей княжну) стали прибывать въ городъ изъ ближайшихъ мѣстностей власти съ свѣжими силами и усмирили бунтовщиковъ: однихъ изъ нихъ убивали на мѣстѣ, другихъ заковывали въ кандалы и заключали въ темницы; когда же не хватало оковъ и цѣпей, держали подъ стражею въ частныхъ домахъ.“ (*Życie ku podziwieniu chwalebne... Anny Alojzyi Chodkiewiczowej... od kollegium Societatis Jesu Jarosławskiego...* изд. 1698 г., въ Краковѣ. Цитируемое мѣсто на стр. 71. — Достаточно обстоятельныя свѣдѣнія объ *Аннѣ Алоизѣ, княжнѣ Острожской*, находятся въ статьѣ О. И. Левицкаго, подъ означеннымъ заглавіемъ, помѣщенной въ ноябр. книжкѣ *Кіевск. Старини* за 1883 г.

оскорбленію въ томъ же году подверглись даже православные *кїевляне* при совершеніи обычной церковной процессіи 1-го августа, притомъ въ присутствіи самого митрополита Петра Могилы. У несущихъ церковныя хоругви усѣкались руки (гесе usinapo); происходило побоище, стрѣлянье изъ ружей и т. п. Самъ митрополитъ съ духовенствомъ едва успѣлъ скрыться въ алтарь рыночной церкви (Успенія Пресвятой Богородицы, находившейся на рынкѣ), гдѣ, очевидно, совершалъ передъ тѣмъ богослуженіе ¹⁴¹).

На 10 марта 1638 года назначенъ былъ общій шестинедѣльный сеймъ въ Варшавѣ. Волынское дворянство на предварительномъ, частномъ сеймѣ въ Луцкѣ (такъ называемомъ, сеймикѣ предсеймовомъ) въ своей инструкціи посламъ, отправляемымъ на варшавскій сеймъ, на первомъ планѣ поставило охрану интересовъ православной вѣры. „Прежде всего,—говорилось здѣсь,—ихъ милости паны послы наши должны стараться о томъ, чтобы люди греческой религіи, не находящіеся въ униі, дѣйствительно успокоены были, и то, что постановлено было на елекціи, счастливой коронаціи и бывшемъ послѣ нея шестинедѣльномъ сеймѣ (1635 г.), согласно со статьями успокоенія и съ дипломомъ, одобреннымъ сеймомъ, было приведено въ исполненіе, и чтобы епископія луцкая и острожская со всѣмъ ей принадлежащимъ, по случаю смерти Почаповскаго, отдана была отцу Пузинѣ, владыкѣ православному (nieunitowi). И не должны паны послы приступать ни къ какимъ совѣщаніямъ и не позволять ни на одинъ артикуль (сеймовой конституціи) до тѣхъ поръ, пока не воспослѣдуетъ означенное успокоеніе. Манифестаціи послѣ сеймовъ, вопреки праву занесенныя, должны быть кассированы, а равнымъ образомъ и процессы относительно дѣлъ религіозныхъ, начатыя въ разныхъ городахъ, уничтожены; передача церквей (православнымъ) чрезъ посредство комиссій и самыя комиссіи имѣютъ быть (сеймомъ) одобрены; привилегіи, которыя выданы отъ его королевской милости, пана нашего милостиваго, и до настоящаго времени еще не запечатаны (т. е., къ которымъ не приложены канцлерами печати), должны быть скрѣплены печатами.“ Инструкцію посламъ вмѣнялось также въ обязанность ходатайствовать предъ королемъ и Рѣчью Посполи-

¹⁴¹) Indicium 1638 г.

тою о „снесеніи баниціи“ съ перемышльскаго епископа Сильвестра Гулевича и другихъ вмѣстѣ съ нимъ осужденныхъ лицъ за извѣстное намъ дѣло о нападеніи на Спасскій монастырь, такъ какъ это прискорбное дѣло произошло — по заявленію волынскаго дворянства — вслѣдствіе оказаннаго Крупецкимъ (уніатскимъ епископомъ) сопротивленія опредѣленію Рѣчи Посполитой (предоставившему означенный монастырь православнымъ), и произведенный надъ Гулевичемъ и другими дворянами судъ нельзя назвать справедливымъ ¹⁴²⁾.

Варшавскій сеймъ 1638 года открылся своевременно. Естественно, что бурная борьба изъ-за вопросовъ религіозныхъ происходила и на немъ. Случайное обстоятельство, не имѣвшее отношенія къ православнымъ, — именно, оскорбленіе студентами раковской соцінианской академіи святыни католической ¹⁴³⁾, — усложнило задачу православныхъ депутатовъ при защитѣ правъ своей церкви, такъ какъ озлобленіе „добрыхъ католиковъ“ противъ всего „не католическаго“ нашло новую пищу для трактацій о вредѣ, наносимомъ государству диссидентами (къ которымъ причислялись и схизматики, т. е. православные). Но въ числѣ православныхъ депутатовъ на сеймѣ опять находились извѣстные намъ ревнители православія — Адамъ Кисель, князь Четвертинскій и другіе, которые съ свойственною имъ энергіею, дѣловитостію и краснорѣчіемъ (особенно Кисель) отстаивали интересы православія. Ими заявлено было, что постановленія предшествовавшихъ сеймовъ относительно православной религіи не всецѣло приведены въ исполненіе, и нѣкоторыя церкви, предназначенныя православнымъ, имъ доселѣ еще не переданы; мало того, латино-уніатами занесены протестаціи противъ сеймовыхъ постановленій, и дѣла по вопросамъ религіознымъ направляются ими въ трибуналы, которые — вопреки сеймовымъ постановленіямъ — рѣшаютъ эти дѣла не въ пользу

¹⁴²⁾ Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. II, т. I. № XXI, стр. 233—234, 242.

¹⁴³⁾ Имѣемъ въ виду весьма громкое въ свое время дѣло (сильно раздутье латино-уніатами) о разбитіи студентами раковской академіи стоящаго за городомъ католическаго креста съ изображеніемъ распятія, — дѣло, возбуждившее бурю на сеймѣ 1638 г., вызвавшее назначеніе специальной комиссіи для обслѣдованія происшествія на мѣстѣ, едва не стоившее жизни владѣльцу Ракова „аріанину“ Якову Сѣненскому и закончившееся декретомъ (приведеннымъ въ исполненіе) о закрытіи на *вѣчныя* времена раковской академіи и окончательномъ уничтоженіи ея зданій (сравнены съ землею). — *Pamiętniki Radziwiłła*. I. 370, 371, 374. Срав. *прилож.* № XXXV, стр. 143 и слѣд.

православныхъ и даже воспрещаютъ свободу вѣроисповѣданія, вслѣдствіе чего дарованныя православной церкви права нарушаются, и православные незаконно подвергаются тяжкимъ испытаніямъ и преслѣдованіямъ. Выставляя на видъ все это, депутаты настаивали, чтобы начатые противъ православныхъ процессы были уничтожены, состоявшееся опредѣленіе о перемышльскомъ епископѣ С. Гулевичѣ и осужденныхъ вмѣстѣ съ нимъ на баницію дворянахъ было кассировано, а главное, чтобы на будущее время—и это должно быть узаконено—дѣла по вопросамъ религіознымъ, относительно коихъ состоялось сеймовое постановленіе, были (если возбудится какое-либо недоразумѣніе) обсуждаемы на сеймахъ, и трибуналы по этимъ дѣламъ, урегулированными „статьями успокоенія,“ никого не привлекали къ своему суду. Въ обстоятельной рѣчи по этому вопросу Адамъ Кисель—по заявленію автора сеймоваго дневника 1638 г.—„справедливыя и многочисленныя доказательства приводилъ, что *Pacta*, которыя устанавливаемъ всю Рѣчью Посполитою, не имѣютъ никакого значенія, коль скоро трибуналы ихъ ниспровергаютъ (psują).“ Требованія православныхъ встрѣтили сильное сопротивленіе со стороны латино-униатской партіи, особенно по вопросу о снесеніи баниціи съ осужденныхъ на нее трибуналомъ лицъ. Пререканія между обѣими сторонами доходили до грубостей. Такъ по поводу заявленія Киселя объ оскорбленіяхъ, испытываемыхъ православными отъ католическаго духовенства, подкоморій краковскій воскликнулъ: „и какого черта вы хотите? Насъ, католиковъ, всендзы терзаютъ и утруждаютъ (*szagrają u trudnią*), а вы желали бы избѣжать этого!“ Вообще дѣло принимало обычно острый при разсужденіяхъ о религіозныхъ вопросахъ характеръ. Зашла было рѣчь, чтобы, на основаніи прежнихъ примѣровъ, прибѣгнуть къ посредничеству короля и положиться на его рѣшеніе по данному вопросу. Но католики не позволяли и этого (не дозволялъ подкоморій перемышльскій—главный противникъ „снесенія инфаміи“ съ Гулевича) и настаивали, чтобы, въ виду краткости оставшагося для сеймовыхъ разсужденій времени, вопросы религіозные были оставлены и приступлено было къ совѣщаніямъ о *важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ*. Но православные заявили, что для нихъ ничего драгоцѣннѣйшаго религіи быть не можетъ, а потому они не приступятъ къ совѣщаніямъ о другихъ дѣлахъ, если она не будетъ окончательно, сообразно съ ихъ требованіями, „успокоена.“ „Мое дѣло (о религіи)

—говорилъ Кисель—затрудняетъ сеймъ и производитъ замѣшательство между вашими милостями (сеймовыми депутатами). Хорошо, я съ своими дѣлами отклоняюсь: разсуждайте о своихъ; но я заявляю и въ этомъ смыслѣ вношу протестацію, что все, что бы ни было вами постановлено, не будетъ имѣть значенія, если мой артикуль (объ успокоеніи греческой религіи) не будетъ утвержденъ сеймомъ.“ Словомъ, Кисель угрожалъ *сорвать сеймъ* ¹⁴⁴⁾.

Настойчивость православныхъ увѣнчалась значительнымъ успѣхомъ. Въ сеймовую конституцію 1638 г. кромѣ подтвержденія постановленій о греческой религіи, состоявшихся на сеймѣ 1635 г., внесено было добавленіе, чтобы „на будущее время декреты, которые имѣютъ силу закона, не были предметомъ судебныхъ обсужденій на трибуналахъ“ ¹⁴⁵⁾. Выхлопотана была въ это время православными грамота и Аванасію Пузинѣ, предоставлявшая ему (согласно со „статьями успокоенія“ и съ письменнымъ удостовѣреніемъ короля) „духовныя бенефиціи“ луцкой епископіи, издавна въ ней принадлежавшія и временно, до кончины уніатскаго луцкаго епископа Почаповскаго, находившіяся въ пользованіи послѣдняго ¹⁴⁶⁾. Но снести инфамію съ Гулевича и другихъ осужденныхъ вмѣстѣ съ нимъ лицъ православнымъ на этомъ сеймѣ не удалось.

Непосредственно послѣ сейма латино-уніатами занесены были въ варшавскія гродскія книги двѣ, дословно сходныя между собою протестаціи по поводу сеймоваго опредѣленія о греческой религіи: одна отъ имени представителей католической и уніатской церквей, другая —отъ имени нѣкоторыхъ, бывшихъ на сеймѣ пословъ. Въ протестаціяхъ говорилось, что какъ прежде во время самаго чтенія конституціи о греческой религіи, они, протестующіе, не соглашались на нее, дабы не отягощать своей совѣсти и руководствуясь *выясненнымъ по сему вопросу мнѣніемъ съдалища апостольскаго*, такъ и въ настоящее время не позволяютъ этой, противной ихъ совѣсти, конституціи, не принимаютъ оной и во всемъ ей противорѣчатъ ¹⁴⁷⁾.

¹⁴⁴⁾ Діаріушъ сейма 1638, помѣщ. въ извлеченіи въ *прилож.* № XXXV, стр. 143—149.

¹⁴⁵⁾ *Прилож.* стр. 157.

¹⁴⁶⁾ Архивъ Юго.Зап. Рос, ч. I, т. VI. № ССХСІХ.

¹⁴⁷⁾ *Прилож.* № XXXVI.

Подобные протесты, свидѣтельствуя о крайнемъ возбужденіи ультра-католической партіи и объ ея нежеланіи добровольно подчиняться сеймовымъ постановленіямъ, не предвѣщали ничега хорошаго; тѣмъ болѣе что самъ король, подъ давленіемъ означенной партіи, обвинявшей его „въ недостойномъ добраго католика сочувствіи къ схизматикамъ“ (о чемъ были донесенія и въ Римъ), все чаще и чаще сталъ обнаруживать тѣ прискорбныя колебанія, по отношенію къ православнымъ, послѣдствіемъ которыхъ появлялись съ его стороны распоряженія, находившіяся въ противорѣчій съ прежде выданными имъ привиллегіями. Мы знаемъ, что во время коронаціоннаго сейма Владиславъ IV, между прочимъ, выдалъ Люблинскому православному братству привиллегію, которою оно *на вѣчныя времена* освобождалось отъ юрисдикціи холмскаго уніатскаго владыки и отдавалось „въ дозоръ и послушаніе“ православному („въ уніи не будучему“) митрополиту кіевскому и его преемникамъ. Самъ Меодій Терлецкій (уніатскій холмскій епископъ) на первыхъ порахъ мало дорожилъ Люблиномъ, такъ какъ, по его словамъ, въ этомъ городѣ „схизма издавна свила гнѣздо“ и уніатовъ здѣсь *не было*. Но съ теченіемъ времени, ободренный успѣшною борьбою съ православными въ Холмѣ и другихъ городахъ, ускользя (благодаря поддержкѣ латино-уніатскихъ властей) отъ наказанія за свои противозаконныя дѣйствія при насильственномъ отобраніи отъ православныхъ церквей,—Терлецкій рѣшился положить свою руку и на Люблинское братство. Въ концѣ 1637 года онъ успѣлъ выхлопотать изъ королевской канцеляріи грамоту, гдѣ подъ предлогомъ, „чтобы божественная служба и всѣ религіозныя обряды совершались въ церкви Люблинскаго братства надлежащимъ образомъ, а не такъ безпорядочно, какъ они совершаются нынѣ часто смѣняющимися бродячими поцами, чуждающимися святой уніи“, —люблинская Спасо-Преображенская церковь „со всѣми ея доходами, пожитками, землями, слугами и людьми церковными, издавна ей принадлежащими“, отдавалась „превелебному епископу Меодію Терлецкому до его смерти, или же добровольнаго отреченія, въ полное его распоряженіе“¹⁴⁸). Терлецкій не замедлилъ воспользоваться

¹⁴⁸) Акты гродс. Любл. обл. кн. 68, стр. 20 (цитата по статьѣ г. *Логинова*; „Древнѣйшій православный храмъ въ Люблинѣ и существовавшее въ немъ братство,“—помѣщенной въ *Холмско-Варшавскомъ Вѣстн.* 1883 г. № 3, стр. 50.

королевскою грамотою и при помощи католиковъ насильственно отняли у Люблинскаго братства его церкви. Такъ какъ этому незаконному дѣлу приданъ былъ видъ до извѣстной степени легальный (Терлецкій опирался на королевскую грамоту), то естественно, что православные посмотрѣли на оное, какъ на „возмутительное поруганіе сеймовыхъ постановленій и торжественной присяги короля“. Люблинское братство успѣшило занести въ городскія лѣцкія книги данную ему Владиславомъ IV привиллегію и начало судебный противъ Терлецкаго процессъ¹⁴⁹). Въ виду печальныхъ послѣдствій, которыми угрожала „люблинская трагедія“ *правовому* положенію всей православной церкви (ибо открывалась латино-уніатамъ перспектива получать изъ королевской канцеляріи грамоты, ниспровергавшія прежнія королевскія привиллегіи), поступокъ Терлецкаго произвелъ необычайное движеніе во всемъ православномъ обществѣ¹⁵⁰). Вообще это дѣло—объ отнятій у Люблинскаго братства церкви—было въ разсматриваемое время дѣломъ весьма громкимъ и, по мнѣнію польскихъ писателей, должно быть поставлено въ ряду немаловажныхъ причинъ, подготовившихъ казачье возстаніе.

¹⁴⁹) Древніе акты Холмской епархіи (въ Холмскомъ церковно-арх. музеѣ) кн. I.

¹⁵⁰) Весьма энергичная, боевая рѣчь пана *Василія Лутинскаго* (депутата) по поводу отнятія у православныхъ люблинской церкви помѣщена у *Грондскаго* въ его сочиненіи: „Historia belli Cosacco-polonici, изд. въ 1789 году (см. стр. 13—14). Невѣрно г. Логгиновъ („Холмско-Варшав. Вѣстникъ“ 1883 г. № 2) и другіе, имъ указываемые, изслѣдователи относятъ означенную рѣчь ко времени царствованія Сигизмунда III. Заявленіе Грондскаго: „*regnavit autem* (во время произнесенія рѣчи) *Wladislawus IV,*“ вполнѣ согласуется съ самымъ содержаніемъ рѣчи („*modernum felicitum regnantem*“) и со всѣми другими историческими данными относительно люблинской церкви.—Въ сочиненіи уніата *Пахомія Войны Оранскаго*, епископа пинскаго и туровскаго, изд. въ 1645 году въ Вильнѣ подъ заглавіемъ: „*Zwierciadło albo zasłona... Perspektywie przez x. Kassiana Sakowicza, złożonego Archimandritę Dubienskiego, zebranej u napisaney,*“ et caet.—по поводу отнятія у православныхъ люблинской церкви читаемъ: „*Decreta ich M-ciow P. P. deputatow Lubielskich, pełne miłości y sprawedliwości świętey, za którą od Pana Boga wieczncy zapłaty czekają, a od ludzi nie tylko unitow, ale też Ritus Romani powinni mieć pochwałę y podziękowane,—te, mowę, Decreta, ktoremi iest cerkiew Lubelska unitom przysądzona, za nie poczyta* (Кассіанъ Саковичъ), *samych ich M. P. P. deputatow za oycę turbaciey y hałasow mianuję.*“—Очевидно, въ данномъ случаѣ Оранскій имѣетъ въ виду слѣдующее мѣсто въ *Perspectiwѣ* Саковича: „*Dla iedney cerkwi Lubelskiej seymy do rozerwania przychodzą, y cerkiew za to nie stoi, co turbacyi na seymikach y na seymach przynosi y przynosić będą, ieśli disunitow nie uspokoią*“ (предисловіе „do czytelnika religiey Graecoruskiej,“ стр. 13 и 14).

На 31 октября 1639 года назначенъ былъ общій сеймъ въ Варшавѣ. Въ виду не прекращавшихся пререканій между православными по поводу распредѣленія между ними церквей и происходившихъ вслѣдствіе этого враждебныхъ столкновеній, въ особенности въ виду „люблинской трагедіи“,—обѣ враждующія стороны подготавливались къ нему весьма дѣятельно. Волынское дворянство въ инструкціи посламъ, отправляемымъ на сеймъ, вмѣняло имъ въ обязанность ходатайствовать, чтобы постановленія предшествующихъ сеймовъ объ успокоеніи православной религіи всецѣло приведены были въ исполненіе; чтобы „церкви братскія, въ уніи не находящіяся, какъ въ Коронѣ, такъ и въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, были апробованы конституціею согласно съ пунктами, составленными во время избирательнаго сейма, и немедленно со всѣмъ, имъ принадлежащимъ, возвращены были православнымъ, особенно въ Люблинѣ, Красномъ Ставѣ, Сокалѣ, Бѣльзѣ и другихъ городахъ, откуда воспослѣдуютъ на сеймѣ жалобы;“ такъ какъ церкви въ означенныхъ городахъ въ недавнее время насильственно отняты были холмскимъ (уніатскимъ) епископомъ, то чтобы такія лица, нарушающія законъ и общее спокойствіе, подвергались самымъ тяжкимъ наказаніямъ, такъ какъ ихъ дѣйствія направлены къ ниспроверженію правъ, скрѣпленныхъ королевскою присягою, пунктовъ, постановленныхъ во время избирательнаго сейма, и привилегій, одобренныхъ сеймовою конституціею. Вслѣдствіе правонарушеній (говорится въ инструкціи), которыя учинилъ холмскій епископъ, основываясь—по его словамъ—на выпрошенной у короля привилегіи, онъ до крайности стѣснилъ православныхъ: отнявши церкви, заключаетъ въ тюрьмы поповъ и мучаетъ ихъ, вслѣдствіе чего, а также запечатыванія имъ церквей, взрослые умираютъ безъ исповѣди и напутствія Св. Тайнами, дѣти—безъ крещенія, и хоронятся на поляхъ безъ обычныхъ обрядовъ. Волынское дворянство требовало также, чтобы комиссіи, назначенныя для распредѣленія между православными и уніатами церквей, возобновили свою дѣятельность и довели порученное имъ дѣло до конца; протестаціи, занесенныя латино-уніатами противъ статей успокоенія, были уничтожены, а привилегіи, выданныя православнымъ, снабжены, требуемыми закономъ, печатями. Занесена была въ инструкцію также жалоба на уніатскаго владимірскаго епископа Баковецкаго, который въ виду предстоявшей передачи луцкой кафедральной церкви православному епископу Пузинѣ, за-

бралъ изъ нея находившіяся здѣсь сватыни: древо св. креста, частицу мощей св. Пантелеймона, а также старинные кресты, чаши и другія церковныя принадлежности, и доселѣ удерживаетъ ихъ у себя, несмотря на приказаніе короля о возвращеніи незаконно забраннаго. Не забытъ былъ волынскимъ дворянствомъ и перемышльскіей епископъ Сильвестръ Гулевичъ, о восстановленіи котораго въ гражданскихъ правахъ (а равно о восстановленіи „чести“ и другихъ, осужденныхъ вмѣстѣ съ нимъ, лицъ) оно вторично поручало посламъ ходатайствовать передъ королемъ и сеймомъ ¹⁵¹).

Воспослѣдовали на сеймъ просьбы отъ православныхъ и изъ другихъ западно-русскихъ городовъ по поводу обидъ и притѣсненій, испытываемыхъ ими со стороны латино-уніатовъ. Такъ, виленскіе братчики ходатайствовали о предоставленіи православнымъ жителямъ Вильны церквей, присужденныхъ имъ правительственною властію, но доселѣ находившихся „въ посессіи“ уніатовъ ¹⁵²); могилевскіей епископъ Сильвестръ Коссовъ—объ уничтоженіи судебныхъ приговоровъ, возникшихъ по поводу извѣстной его поѣздки въ г. Полоцкъ ¹⁵³); граждане Полоцка—объ отмѣнѣ, впервые состоявшагося при Сигизмундѣ III, постановленія, по которому въ магистратѣ имѣли право засѣдать только *католики* и *уніаты* ¹⁵⁴), и т. п.

Не бездѣйствовала въ это время и латино-уніатская партія. Не имѣя у себя подъ ногами юридической почвы и предвидя, что православные на сеймѣ будутъ при защитѣ своей церкви ссылаться на существующія узаконенія, на вошедшія въ силу законныя (сеймовыя) постановленія по дѣламъ религіознымъ,—латино-уніаты возлагали свои надежды на „добрыхъ католяковъ“, на фанатическое отношеніе послѣднихъ къ схизмѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на расшатанность правовыхъ устоевъ Рѣчи Посполитой. До нашего времени дошло любопытное наставленіе (*informatia*) уніатовъ депутатамъ своего лагеря, отправлявшимся на сеймъ 1639 года. Это наставленіе прекрасно иллюстрируетъ тѣ приемы, посредствомъ которыхъ латино-уніатская партія стремилась затормозить (и перѣдко дѣйствительно тормозила) приве-

¹⁵¹) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. II, т. I. № XXII; стр. 254—255.

¹⁵²) *Прилож.* стр. 167.

¹⁵³) Архивъ греко-ун. митр. св. № 36.

¹⁵⁴) Radziwiłł. Pamiętniki I. 433.

деніе въ исполненіе, основанныхъ на „статьяхъ успокоенія“, правительственныхъ распоряженій, и отстаивала допускаемая ею правонарушенія по отношенію къ православнымъ. Наставленіе состоитъ изъ слѣдующихъ трехъ пунктовъ:

1) „Его милость панъ Кисель—предвидя въ латинско-уніатъ—будетъ домогаться, чтобы дизунитамъ немедленно возвращена была люблинская церковь.“—На это требованіе депутаты должны отвѣчать на сеймѣ, что уніаты заняли означенную церковь *„не безъ опредѣленнаго права, поэтому пусть дизуниты посредствомъ права (т. е. судебнымъ порядкомъ) и заботятся объ ея возвращеніи“*. Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что люблинскіе послы, которымъ естественнѣе всего было бы вести рѣчь объ означенной церкви, требованія о возвращеніи ея дизунитамъ не предъявляютъ.

2) Панъ Кисель будетъ хлопотать, „чтобы нѣкоторыя виленскія церкви, находящіяся въ настоящее время во владѣніи уніатовъ, отданы были дизунитамъ“.—Противъ этого домогательства депутаты должны выставить слѣдующее: а) дизуниты въ Вильнѣ на одномъ погостѣ имѣютъ уже три церкви, изъ которыхъ еслибы и одна наполнялась народомъ, достаточно бы для нихъ было; б) по какому праву дизуниты могутъ отчуждать отъ уніатовъ церкви?—и если они претендуютъ на такое право, то пусть, согласно оному, и вчиняютъ процессы объ означенныхъ церквахъ; в) если дизуниты домогаются тѣхъ церквей, основываясь на статьяxъ успокоенія, составленныхъ на избирательномъ сеймѣ, то относительно этихъ устарѣвшихъ (*ulegowanych*) статей занесены многочисленныя протестаціи на сеймахъ, особенно же протестовало Великое Княжество Литовское, которое не требовало и не потребуетъ комиссаровъ (для распределенія церквей), потому что ему извѣстны ихъ дѣянія на Воляни,—дѣянія, сопровождавшіяся пролитіемъ крови и бунтами, чего слѣдуетъ остерегаться на будущее время; г) намѣреніе дизунитовъ состоитъ въ томъ, чтобы, отобравши отъ уніатовъ церкви, истребить св. унію, но дозволить этого не допускаетъ совѣсть католическая, въ виду извѣстныхъ мнѣній по сему предмету римскаго престола (ссылка на буллу *Caenae Domini*).

3) Панъ Кисель будетъ стараться, „чтобы постановлена была конституція, которою бы прежнія конституціи о греческой религіи были подтверждены.“—На это требованіе долженъ быть данъ такой отвѣтъ: противъ всѣхъ прежнихъ конституцій, подъ угрозой насилій поста-

новленныхъ, занесены протесты отъ всѣхъ чиновъ, *посему онъ не имѣютъ силы закона, а отсюда и дизуниты — никакого права.*

Наставленіе заканчивается покорною просьбою къ посламъ, чтобы они послѣ того, какъ на прошлыхъ сеймахъ *своими протестами обезсилили права дизунитовъ*, новою конституціею не укрѣпляли оныя ¹⁵⁵).

Мы выше замѣтили, что протестаціи противъ сеймовыхъ конституцій не могли имѣть юридическаго значенія, какъ направленные противъ постановленій, сдѣлавшихся общеобязательнымъ закономъ; но онѣ, при распатанности коренныхъ устоевъ правительственной власти, побуждали лицъ, не сочувствовавшихъ тѣмъ или инымъ узаконеніямъ, неуважительно относиться къ нимъ и тормозить приведеніе ихъ въ исполненіе. Указанное нами наставленіе — одно изъ краснорѣчивыхъ доказательствъ справедливости сказаннаго. „Статьи успокоенія“, въ виду занесенныхъ противъ нихъ протестовъ, уніаты считаютъ уже устарѣлыми и силы закона не имѣющими, хотя имъ, разумѣется, хорошо было извѣстно, что конституціи, коль скоро онѣ не отмѣнены общимъ сеймомъ, не перестаютъ имѣть значеніе для всѣхъ общеобязательное (какъ *lex publica*). Характеренъ и совѣтъ, даваемый уніатами православнымъ — возстановлять нарушенныя права своей церкви посредствомъ обычныхъ судебныхъ процессовъ, не перенося дѣла объ этомъ на сеймы. Совѣтъ этотъ показываетъ (что подтверждается и многими судебными процессами того времени), сколь трудно было рассчитывать православнымъ на законную защиту своихъ правъ по дѣламъ религіознымъ въ судебныхъ учрежденіяхъ. Зависѣло это не столько отъ царившаго здѣсь взяточничества (православные не скупы были на подарки), сколько отъ того, что судебныя мѣста наполнены были бѣльшею частію *католиками* и *уніатами*, и въ числѣ ихъ немало было лицъ, до фанатизма нерасположенныхъ къ православію и искренно думавшихъ, что они, потворствуя незаконнымъ притязаніямъ приверженцевъ папизма при ихъ распряхъ съ православными, оказы-

¹⁵⁵) *Прилож.* № XL. — Въ инструкцію посламъ, избраннымъ на бѣльскомъ сеймикѣ (1639 г.), занесена, между прочимъ, слѣдующая петиція: „Także za iego Mścią X. Kru-pieckim (униатскій перемышльскій епископъ) przyczynią się (послы), żeby w krzywdzeniu iego wielkim, ktore ponosi od xiędza Ulewicza (православнаго перемышльскаго епископа) był uspokoiony (Ручоп. библиот. Оссолинскихъ во Львовѣ, № 1196 л. 66).

вають услугу отечеству и уготовляют себѣ вѣнецъ на небѣ. Такія мысли, благовременнѣ и безвременнѣ, старалось внушить имъ латинско-уніатское духовенство. При погребеніи Яна Коленды († 1636), воеводича виленскаго, занимавшаго должность трибунальскаго земскаго писаря, — „старшій“ виленскаго уніатскаго монастыря Алексѣй Дубовичъ (лицо вліятельное въ уніатскомъ мірѣ) въ „погребовомъ казаніи“ осыпаетъ умершаго похвалами, между прочимъ, за то, что *онъ оказалъ незабвенныя услуги уніатамъ во время борьбы ихъ съ православными*. Прежде — говорилъ Дубовичъ — когда засѣдали въ виленскомъ судѣ противники вѣры (przeciwnicy wiągu) возможны были и суровые декреты даже противъ высокопоставленныхъ духовныхъ особъ. Теперь же — продолжалъ проповѣдникъ, обращаясь къ умершему — „любовь свою къ св. уніи ты доказалъ своимъ перомъ, ибо ты, великій писарь, не разъ писалъ декреты противъ гордой схизмы, какъ бы противъ второго Валтасара; и въ этотъ послѣдній годъ твоей жизни ты написалъ не одинъ декретъ противъ крокодиловаго плача, противъ адскаго крика, противъ хитрыхъ старцевъ, посягнувшихъ на честь невинной Сусанны“ (т. е. уніатской церкви ¹⁵⁶).

Сеймъ 1639 года отличался особенно бурнымъ характеромъ и, въ концѣ концовъ, былъ „сорванъ“. Обстоятельныхъ свѣдѣній о борьбѣ на этомъ сеймѣ между православными и уніатами мы не имѣемъ; но изъ отрывочныхъ сохранившихся свѣдѣній можно заключать, что пререканія между тѣми и другими были, по обычаю, упорныя, доходившія до обоюдныхъ оскорбленій. Радзивиллъ въ своемъ дневникѣ (давалъ окраску событіямъ, какъ подобало „доброму католику“) пишетъ, „что 17 ноября нѣкоторые послы, *подговоренные еретиками*, пришли къ королю съ просьбою, чтобы холмскій епископъ (Меѳодій Терлецкій) былъ осужденъ (był zganiony) за то, что *ревностно возсталъ противъ еретиковъ*“. Не подлежитъ сомнѣнію, что Радзивиллъ въ данномъ случаѣ говоритъ о жалобахъ на Терлецкаго за его незаконныя притѣсненія православныхъ и, въ особенности, за насильственное отнятіе у нихъ люблинской церкви, — что тогда составляло одну изъ главныхъ злобъ

¹⁵⁶) Pioro lekkie ciężki swiąt noszące, na pogrzebie I. M. P. Jana Kollendy, Woiewodicza Wileńskiego, Trybunalskiego, Ziemskiego Pisarza w Wilnie, w cerkwie S. Trojcyce oycow Bazylianow, w iedności ś. będących. roku 1636 dnia 18 miesiąca Dec. wystawione przez o. *Alexego Dubowicza*, starszego Mon. Wilenskiego. Wilno. 1637.

дня. По свидѣтельству Радзивилла при этомъ находился и самъ Терлецкій (вѣроятно призванный королемъ), который „wolnicjszym głosem“ отозвался на жалобы православныхъ¹⁵⁷). Каковы были эти „свободныя рѣчи“ холмскаго епископа, Радзивилломъ опущенныя, можно отчасти заключить изъ приведенныхъ въ дневникѣ заключительныхъ словъ Терлецкаго: „пусть—говорилъ онъ—обратятся (православные) въ католицизмъ, и тогда навѣрное *не будутъ оскорбляться моими словами*“. Очевидно, „апостоль уніа“ разразился обычными въ его устахъ „посносными словами“ по адресу православной церкви, мало стѣсняясь даже и присутствіемъ короля.

Но сочувствіе послѣдняго, повидимому, и на этотъ разъ было на сторонѣ православныхъ. Это видно изъ разсказа Радзивилла, съ прискорбіемъ имъ передаваемаго, „о справѣ полоцкой“. Дѣло состояло въ слѣдующемъ. Полоцкіе уніаты во время коронаціи Владислава IV выхлопотали подтвержденіе грамоты Сигизмунда III, которою присутствіе въ магистратѣ (т. е. избраніе на магистратскія должности) предоставлялось только *католикамъ и уніатамъ*. Православные обвиняли въ этомъ своего мѣстнаго посла на сеймъ (очевидно, паписта), который учинилъ „измѣну“ противъ данной ему инструкціи, и такъ какъ „означенный артикулъ“ помѣщенъ въ королевской грамотѣ вопреки *давнѣйшихъ* привилегій г. Полоцку, просили объ его уничтоженіи. Дѣло объ этомъ переніло на, такъ называемый, реляціонный судъ (бывшій во время сейма), гдѣ обыкновенно предсѣдательствовалъ самъ король. Присутствовалъ на судѣ въ качествѣ сенатора и Радзивиллъ. Послѣдній сильно стоялъ за уніатовъ, говоря, что „помянутая грамота славной и святой памяти Сигизмунда, отца настоящаго короля, можетъ быть признаваема *за декретъ*, а поэтому, велѣдствіе сыновней любви, король обязанъ не отмѣнять столь святого отеческаго декрета“. Но Радзивиллъ увидѣлъ „гнѣвливое королевское лицо“ и ничего не могъ достигнуть „у предубѣжденнаго короля, желавшаго кассировать тотъ декретъ, и едва упросилъ время на размышленіе до будущаго судебного засѣданія“.—До какой степени королю, окруженному сановниками вродѣ Радзивилла, трудно было стоять на высотѣ своего положенія и осуществлять мѣропріятія, направленные къ релягіозному

¹⁵⁷) Pamiętniki Radziwiłła. I. 421—422.

умиротворенію своихъ подданныхъ,—видно изъ дальнѣйшаго разсказа Радзивилла, который и приводимъ здѣсь въ полномъ видѣ. „Вечеромъ—пишетъ въ дневникѣ Радзивиллъ—я пошолъ къ королевѣ и обратился къ ней съ просьбою, чтобы она отклоняла король *отъ склонности и пріязни къ еретикамъ и схизматикамъ*, потому что онъ обнаруживаетъ явное пристрастіе къ нимъ, какъ въ дѣлѣ полоцкомъ, такъ и въ дѣлѣ о безпорядкахъ въ Вильнѣ. Иначе (если король не оставитъ своихъ намѣреній) должно опасаться, чтобы Всевышній Богъ, *ослѣдствіе пренебреженія Его славою, не предалъ королевскій домъ прератностямъ*. Послѣ этихъ словъ тяжело и жалостно вздохнула королева и сказала: не по людскому разсудку поступаетъ такъ король: я опасаюсь, *не ослѣпленъ ли онъ чарами отъ еретиковъ*; однако буду стараться при благопріятномъ случаѣ вселять въ него ббльшее расположеніе къ католикамъ“ ¹⁵⁸).

Есть въ дневникѣ Радзивилла извѣстіе и о томъ, что въ посольскомъ колѣ поднялись было голоса о лишеніи Киселя депутатскихъ, полномочій ¹⁵⁹). Такое заявленіе дѣлаемо было и на сеймѣ 1638 г. ¹⁶⁰). Въ обоихъ случаяхъ предлогомъ къ устраненію Киселя отъ участія въ сеймовыхъ совѣщаніяхъ выставлялись *юридическія* основанія. Но, вѣроятно же всего, коренная причина означенной попытки, исходящей изъ латино-уніатскаго лагеря, заключалась въ желаніи лишить православныхъ самаго виднаго и энергичнаго защитника ихъ интересовъ. Ясный намекъ на это дѣлаетъ самъ Радзивиллъ, когда называетъ Киселя (при разсказѣ объ означенномъ случаѣ) „нарушителемъ покоя и совѣщаній“ (*turbator rokoiu i obrad*), безъ сомнѣнія, имѣя въ виду рѣшительные его протесты не приступать ни къ какимъ совѣщаніямъ на сеймѣ прежде, чѣмъ удовлетворены будутъ требованія православныхъ. Означенныя попытки ультра-католической партіи „избавиться отъ нарушителя покоя“ успѣха не имѣли (въ противномъ случаѣ православные, разумѣется, немедленно „сорвали бы сеймъ“).

Дѣла православныхъ, по свидѣтельству бывшаго на сеймѣ мстиславскаго епископа С. Коссова, приняли было благопріятный оборотъ,

¹⁵⁸) Ibid. I. 433.

¹⁵⁹) Ibid. I. 425.

¹⁶⁰) *Прилож.* № XXXV, стр. 144—145.

и уже проэктирована была конституція, которою подтверждались статьи успокоенія и привилегіи, данныя православнымъ на основаніи конституціи 1635 г., кассировались процессы, начатыя по дѣламъ религіознымъ, а главное, „церкви, которыя были во владѣніи православныхъ и потомъ отъ нихъ отобранныя, вновь возвращались имъ“, и на будущее время дѣла о правонарушеніяхъ по дѣламъ религіознымъ (о чемъ сильно хлопотали православные) должны были непосредственно восходить на обсужденіе сейма ¹⁶¹). „Но врагъ душевный—писалъ Коссовъ къ Петру Могилѣ, очевидно, по какимъ-то обстоятельствамъ на этотъ разъ не бывшему на сеймѣ,—врагъ душевный, который привезъ вредить, если что наиполезнѣйшее дѣлается для святой церкви, постарался объ этомъ и теперь, когда уже на семь сеймѣ намѣчена была весьма благопріятная для насъ конституція“ ¹⁶²). Очевидно, въ данномъ случаѣ Коссовъ имѣетъ въ виду неблагополучный исходъ сейма, который—какъ мы сказали—былъ, при окончаніи его, *сорванъ*. Такимъ образомъ и означенная конституція оставалась мертвою буквою.

Слѣдующій общій сеймъ созванъ былъ въ самомъ скоромъ времени послѣ неудавшагося сейма 1639 года, въ виду *неотложной необходимости*, именно—„небезбеченства отъ поганъ“ (турокъ), уже опустошавшихъ южныя окраины государства. На этомъ сеймѣ былъ и Петръ Могила. Кромѣ общихъ нуждъ церкви, побуждавшихъ митрополита лично присутствовать почти на всѣхъ предшествовавшихъ сеймахъ, въ данное время были и особыя обстоятельства, требовавшія личнаго его присутствія на сеймѣ предстоявшемъ. Въ самомъ Кіевѣ,—городѣ наиболѣе огражденномъ отъ посягательствъ латино-уніатской партіи,—произошелъ крайне прискорбный для православныхъ случай. „Въ первый понедѣльникъ великаго поста,—читаемъ въ письмѣ Петра Могилы къ могилевскимъ братчикамъ,—когда студентъ Фодоръ Гоголевскій шелъ черезъ рынокъ, его схватили и повлекли въ замокъ. Когда спрашивали, почему такъ поступлено, намѣстникъ (кіевскаго воеводы) выставилъ своего слугу, сыщика, который вслѣдствіе незначительной ссоры съ кѣмъ-то въ корчмѣ, доказывалъ, будто бы про-

¹⁶¹) *Прилож.* стр. 175—176.

¹⁶²) *Прилож.* № XLII, стр. 170.

ходившіе ночью студенты сдѣлали нападеніе на домъ (корчму) и кого-то ранили. Намѣстникъ, не произведши никакого разслѣдованія, и даже несмотря на то, что не было нѣкого и раненаго (битаго), тотчасъ приказалъ обезглавить студента.“—Все это случилось въ отсутствіе митрополита изъ Кіева. Петръ Могила былъ чрезвычайно огорченъ и возмущенъ означеннымъ поступкомъ гражданской власти. Дѣло касалось любимаго его дѣтища—кіевской коллегіи, и самыя дѣйствія намѣстника, явно враждебныя по отношенію къ коллегіи, а главное противозаконныя (безъ разслѣдованія дѣла), вызывая естественныя опасенія, что подобныя случаи могутъ повторяться и на будущее время, могли произвести панику въ средѣ учащейся молодежи. Митрополитъ такъ и посмотрѣлъ на это дѣло. Въ упомянутомъ письмѣ онъ означенный поступокъ намѣстника объясняетъ кознями кіевского воеводы и вообще враговъ православія, которые, досадуя, что въ кіево-могилянской коллегіи обучается великая „громада“ молодежи, и предвидя, что, обучившись, она *ясно можетъ показать всему свѣту правду и могущественно будетъ оборонять православную церковь*, рѣшили взвести клевету на какого-либо студента означенной коллегіи, обвинивъ его въ криминальномъ преступленіи. Намѣстникъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ по приказанію воеводы; быстрою казнію Гоголевскаго—безъ суда и слѣдствія—имѣлось въ виду устраничь остальныхъ студентовъ, „чтобы они разбѣжались по другимъ училищамъ, въ которыхъ прежде обучались“¹⁶³). Также горячо принято было къ сердцу печальное извѣстіе о казни Гоголевскаго и другими лицами, близко стоявшими къ коллегіи. Сильвестръ Коссовъ, въ своемъ отвѣтѣ на письмо П. Могилы съ извѣстіемъ объ означенномъ событіи, горько оплакиваетъ „разбойничье дѣяніе“ кіевского воеводы,—и даетъ совѣтъ всѣми силами стараться, чтобы на будущее время противъ подобныхъ дерзкихъ поступковъ установлены были Рѣчью Посполитой соотвѣтствующія кары. „Я самъ—пишетъ Коссовъ—не полѣнился бы отправиться на сеймъ, если бы тому не препятствовали мое крайнее убожество и бремя лежащихъ на мнѣ долговъ, возложенное на меня лже-братіями“ (уніатами)¹⁶⁴).

¹⁶³) Собравіе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ минской губ. № 112, стр. 223 в слѣд.

¹⁶⁴) Прилож. № XLVI, стр. 180—181.

Не богатъ былъ деньгами въ это время и Петръ Могила. Отправляясь на сеймъ съ жалобою на кievскаго воеводу и его клеветовъ, а также съ ходатайствами по общецерковнымъ дѣламъ, „готовый для цѣлости церкви правдивой и здоровье свое кончити“,—отъ обращался къ могилевскому братству (вѣроятно, и къ другимъ) съ просьбою оказать ему денежное вспомошествованіе, потому что неоднократно поѣздки его на сеймы, необходимы въ интересахъ православія, совершенно истощили его денежные средства. „Продковъ моихъ господаровъ скарбци на то пошли; клейнотовъ, злота, сребра ничего ми отчистого не zostало“. Между тѣмъ безъ денегъ на сеймахъ трудно достигнуть успѣха: „таковыя речи безъ пвайцы (шило) золотое зшитися не могутъ“¹⁶⁵).

Сеймъ 1640 года созванъ былъ *исключительно* въ виду угрожавшей государству опасности отъ татаръ. Всякія разсужденія о другихъ предметахъ при сеймовыхъ совѣщаніяхъ не должны были имѣть мѣста. Но при той жгучести религиозныхъ вопросовъ, которая присуща была тому времени, и эти вопросы не разъ поднимаемы были на сеймѣ, съ обычною въ такихъ случаяхъ страстностію, и производили большія волненія ^{въ предѣлахъ сеймовыхъ генеральныхъ} на сеймѣ. Первый починъ къ волненіямъ изъ за религиозныхъ вопросовъ произвело лицо, отъ котораго, повидимому, всего менѣе слѣдовало бы ожидать этого—канцлеръ Оссолинскій. Когда, предѣ началомъ сеймовыхъ совѣщаній больной король на ложѣ впесенъ былъ въ палату сената, и начаты были рѣчи о жалованьѣ войскамъ и средствахъ для борьбы съ турками и татарами, —Оссолинскій обратился къ королю съ слѣдующею рѣчью: „О чемъ другомъ я могу напомнить тебѣ, наияснѣйшій король, какъ не о томъ, отъ чего должно начинать всѣ наши дѣла и совѣщанія: т. е., о славѣ Божіей и цѣлости святой церкви. А такъ какъ въ настоящее время обѣ онѣ безбожно нарушены, то необходимо пристойнымъ образомъ снять съ себя это прегрѣшеніе: въ противномъ случаѣ всѣ наши проэктъы и бесѣды, весь государственный строй, всѣ опредѣленія и распоряженія обратятся въ дымъ, а отчизна и мы сами въ пепелъ. Когда Ваше Королевское Величество намѣреваетесь поднять святой крестъ на непріятелей, когда хочешь церкви и наслѣдіе Божіе истор-

¹⁶⁵) Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ минской губ. № 112, стр. 226.

гнуть изъ рукъ зычниковъ,—нужно предварительно столь благочестивому государю въ своемъ государствѣ на то обратить вниманіе, чтобы самого Бога освободить отъ поношенія и поруганія. Тогда не только тотъ внѣшній непріятель, хотя и сильный, но и самъ адъ и весь міръ, хотя бы и на части разсыпался, не будутъ намъ страшны. Знаетъ Богъ, какъ малою горстью людей охранять свою славу. Кто желаетъ видѣть примѣры этого, пусть обратится къ Библии и бого-словамъ: мнѣ, человѣку свѣтскому, достаточно только напомнить о томъ, чего требуетъ обязанность христіанская и католическая по отношенію къ Богу и святой вѣрѣ, которую, когда Ваше Королевское Величество, согласно лежащему на тебѣ долгу, не допустишь до поправленія, Господь Богъ воздвигнетъ упавшее твое здоровье и силы на побѣды и триумфы“¹⁶⁶).

Поводомъ къ произсесенію такой рѣчи послужило слѣдующее обстоятельство. Въ Вильнѣ во время свадебнаго пира у одного протестантскаго пастора, перепившіеся кальвинисты стали стрѣлять изъ лука въ находившійся противъ пасторскаго дома католическій костель. Когда разнеслась объ этомъ вѣсть католическое простонародье кинулось на кальвинскую кирху и ограбило рядомъ стоявшій съ нею домъ. Начался процессъ. Кальвинисты съ запальчивостію обвиняли въ происшедшемъ возмущеніи католиковъ, а послѣдніе съ неменьшею страстностію возлагали всю вину на кальвинистовъ¹⁶⁷).

Подобныя происшествія въ Польшѣ, при тогдашнемъ разгарѣ религіозныхъ страстей, не были рѣдкостію, и нужно замѣтить, что починны въ такимъ „бунтамъ“ большею частію дѣлаемы были іезуитскими студентами, зачастую оскорблявшими святыни другихъ вѣроисповѣданій. Такимъ образомъ, происшествіе не выходило изъ ряда обычныхъ,—и во всякомъ случаѣ на сеймѣ, созванномъ исключительно для обороны государства отъ наступавшаго врага,—неестественно было министру короля заявлять, что опасность отъ означеннаго врага гораздо меньше, чѣмъ отъ нѣсколькихъ напившихся кальвинистовъ. Чтобы понять поступокъ Оссолинскаго, нужно имѣть въ виду, что въ разсматриваемое время значеніе его при дворѣ пошатнулось, съ се-

¹⁶⁶) *Kubał.* Jerzy Ossoliński. I. 220, (на основаніи рукоп. библиотеки Dzieduszyckich).

¹⁶⁷) *Pamiętniki Radziwiłła.* t. II, str. 2, 14, 21, 23.

наторами установились отношенія натяпутыя, попытки сблизиться съ „коломъ посольскимъ“ успѣхомъ не увѣнчались. Онъ началъ терять почву подъ ногами и, какъ человѣкъ крайне честолюбивый, желая возвратить утрачиваемое положеніе государственнаго дѣятеля, рѣшился примкнуть къ сильной поддержкою изъ Рима ультра-католической партіи. Интересамъ означенной партіи съ этого времени онъ и начинаетъ служить, осыпaeмый похвалами отъ „апостольскаго сѣдалища“.

Если Оссолинскій нашелъ небезвременнымъ въ личныхъ своихъ интересахъ выдвинуть на сеймѣ 1640 г. вопросы религіозные, тѣмъ съ большимъ основаніемъ могли сдѣлать это православные въ виду указанныхъ нами правонарушеній со стороны латино-уніатовъ. Главнымъ предметомъ горячихъ преній со стороны православныхъ служило нарушение „статей успокоенія“, выразившееся, между прочимъ, въ незаконномъ отнятій у нихъ люблинской церкви. А. Радзивилль, присутствовавшій и на этомъ сеймѣ, подъ 5-мъ числомъ мая пишетъ: „Религія греческая причиняла много безпокойствъ послаамъ; ибо владыка холмскій отнялъ церковь въ Люблинѣ у схизматиковъ, которые старались объ ея возвращеніи. Когда всѣ совѣтовали имъ домогаться этого обычнымъ судебнымъ порядкомъ, посолъ Кисель, схизматикъ, возсталъ противъ сего, утверждая, что чрезъ такой поступокъ *rapta conventa* нарушены, и права православныхъ должны быть восстановлены сеймомъ“. Подъ 13-мъ числомъ мая у того же Радзивилла читаемъ: „Трудное люблинское дѣло относительно отнятій у схизматиковъ церкви поручено было депутатамъ отъ сената и рыцарства. Тѣ донесли королю, что фундація означенной церкви была безъ обычнаго разрѣшенія властей, а потому не принадлежитъ ни схизматикамъ, ни уніатамъ,—такимъ образомъ, все это дѣло скорѣе было бы окончено, если бы, отказавши обѣимъ сторонамъ, присудить церковь католикамъ. Но въ это время одинъ изъ бискуповъ, *къ соблазну всѣхъ католиковъ, началъ говорить въ пользу схизматиковъ*, и дѣло на сеймѣ такъ и не окончилось“¹⁶⁸).

Безъ сомнѣнія, достигавшіе до Варшавы слухи о все болѣе и болѣе увеличивавшейся опасности отъ татаръ побудили православныхъ

¹⁶⁸) Ibid. II. 12—13.

депутатовъ, склоняемыхъ къ тому просьбами короля, отложить свои петиціи по жгучимъ религіознымъ вопросамъ до будущаго сейма и не препятствовать разсужденіямъ о неотложномъ дѣлѣ—„охранѣ государства.“ Дѣйствительно, сеймовая конституція 1640 года посвящена *исключительно* подробному изложенію мѣропріятій, относящихся къ означенной охранѣ ¹⁶⁹⁾.

Во время сейма 1640 года православными, по ихъ просьбамъ, получено было только нѣсколько частныхъ грамотъ, выдача которыхъ зависѣла отъ короля. Такъ, напр., Петромъ Могилою исходатайствована была въ это время (подтвердительная) грамота Владислава IV, жалующая кіево-братскому монастырю двѣ церкви въ Кіевѣ—Трехъ-Святителей и Воздвиженія Честнаго Креста со всѣми принадлежащими къ нимъ угодьями ¹⁷⁰⁾. Надо полагать, въ это же время испрошенъ былъ имъ „листъ“ и къ кіевскому воеводѣ съ наказомъ не чинить такихъ безправій, какія обнаружены были въ дѣлѣ студента Гоголевскаго. По крайней мѣрѣ, съ этого времени до самой кончины Петра Могилы свѣдѣній о какихъ-либо особенныхъ притѣсненіяхъ со стороны гражданской власти по отношенію къ кіевской коллегіи, и вообще относительно православныхъ кіевлянъ, мы не встрѣчаемъ.

Но въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ во главѣ латино-уніатской партіи стояли лица, привыкшія игнорировать распоряженія короля, клонившіяся къ умиротворенію „людей, разрозненныхъ въ вѣрѣ,“—православные продолжали терпѣть опрессіи. Въ особенности, какъ и въ предшествующее время, имъ приходилось много испытывать притѣсненій въ городахъ, входившихъ въ составъ холмской (уніатской) епархіи. Здѣсь отношенія между православными и уніатами были крайне обострены, и чаша долготерпѣнія первыхъ, гонимыхъ Терлецкимъ, перѣдко переполнялась, слѣдствіемъ чего были открытыя возмущенія православныхъ противъ означеннаго „апостола уніи“ и его клеветовъ. Считая попытки православныхъ отобрать отъ уніатовъ отчужденныя отъ нихъ королевскими комиссіями церкви *бунтами* и придавая этимъ попыткамъ характеръ *противо-государственныхъ и уголовныхъ преступленій*, Терлецкій вчинилъ цѣлый рядъ исковъ про-

¹⁶⁹⁾ См. сеймовую конституцію означеннаго года.

¹⁷⁰⁾ Памятники, изд. Кіевскою Ком. т. II, ч. I, стр. 144.

тивъ ревнителей православія и, находя себѣ поддержку въ судебныхъ учрежденіяхъ, наполненныхъ папистами, почти всегда выигрывалъ дѣло. Православные подвергались штрафамъ, тюремнымъ заключеніямъ, а иногда даже (когда обвинялись въ оскорбленіи лативо-уніатской святицы) изрекаемы были противъ нихъ и смертные приговоры. Мы уже сказали выше, что *казовыя послѣдствія* этой борьбы Терлецкаго съ православными были для него благопріятны: во избѣжаніе наказаній обвиняемые призывали надъ собою власть холмскаго уніатскаго епископа, и его словесное стадо численно значительно увеличивалось. Но стадо это, загнанное въ овчарню „новаго Зоровавеля“ бичами и скорпіонами, не было стадомъ послушнымъ: оно ненавидѣло унію и при случаяхъ накипѣвшая въ сердцахъ злоба противъ „гонителя благочестія“ (православія), ярко выступала наружу. Намъ нѣтъ надобности подробно излагать борьбу православныхъ съ этимъ епископомъ-фанатикомъ. Но для характеристики этой борьбы и, въ особенности, отношеній православныхъ къ Терлецкому, считаемъ нелишнимъ привести нѣсколько фактовъ, случившихся около разсматриваемаго нами времени. „Простонародье (plebs) г. Тышковецъ—читаемъ въ протестаціи Терлецкаго—учинили заговоръ и произвели возмущеніе съ цѣлію возстановленія здѣсь схизмы: напали на церковь, выгнали изъ нея поповъ, въ св. уніи находившихся, заграбили всю церковную утварь и, разнесши ее по домамъ, понадѣлали изъ нея домашнихъ вещей“¹⁷¹). Словесное стадо Терлецкаго въ г. Парчевѣ позывалось къ суду за то, что отказалось приносить новопоставленнымъ отъ него уніатскимъ попамъ добровольныя приношенія, не приглашало ихъ для требовисправленій, оскорбляло словами и дѣйствіями, растаскало и присвоило себѣ церковныя вещи¹⁷²). Въ Сокалѣ запечатанныя Терлецкимъ церкви были распечатаны и церковная утварь изъ нихъ „схизматиками“ унесена и скрыта; а „сакраментъ“, освященный уніатскимъ священникомъ, будто бы выброшенъ былъ in aedibus ablectis¹⁷³). Въ

¹⁷¹) Древніе акты холм. епархіи (въ холмскомъ церковно-арх. музеѣ) т. I. Выдержки изъ докум. см. въ статьѣ о. Стефана Семенивича (*Холмско-Варшавскій епарх. Вѣстникъ*, 1881 г. № 24, стр. 398).

¹⁷²) Ibid.

¹⁷³) *Прилож.* № L. Древніе акты холмской епархіи (въ Холм. церковно-арх. музеѣ), т. I.

особенности весьма интересны, помѣщаемыя нами въ *приложеніяхъ*, судебныя показанія семнадцати свидѣтелей о сопротивленіи, оказанномъ жителями г. Бѣльза Меѳодію Терлецкому при попыткѣ его подчинить ихъ своей власти. Приведемъ первое изъ этихъ свидѣтельскихъ показаній въ полномъ видѣ.

„Во-первыхъ, славетный Петръ Грушевскій, гражданинъ и бывшій бургомистръ бѣльзскій, по приведеніи къ присягѣ, показалъ слѣдующее: „Мнѣ хорошо извѣстно, что когда въ прошлую пятницу вечеромъ пріѣхалъ въ здѣшній городъ (Бѣльзъ) превелебный отецъ владыка холмскій и бѣльзскій, въ тотъ же день пріѣхалъ сюда же, не знаю откуда, Симеонъ Казаникъ и далъ знать попомъ церковей Никольской, Пятницкой и Свято-Духовской, что холмскій владыка прибудетъ въ пятницу, а также (извѣстилъ объ этомъ) и прихожанъ означенныхъ церквей, которые тотчасъ же, — подущаемые къ тому Дацкомъ Панчукомъ, Сенькою Туржиномъ, а также Пархицкимъ, прихожанами Свято-Духовской церкви,—собравшись ночью съ пятницы на субботу, позакладывали бревнами двери двухъ церковей—Свято-Духовской и Пятницкой—и ходили изъ дома въ домъ, упрашивая, чтобы каждый прихожанинъ съ броней и оружіемъ, кто какое имѣетъ, выходили къ тѣмъ церквамъ на стражу; тогда и меня самого Сихничекъ съ войтовской улицы просилъ, обратившись съ слѣдующими словами: *Ратуй* (защити) *насъ отъ того поганина, уніата*. Потомъ утромъ въ воскресенье, когда отецъ владыка послалъ своихъ отцевъ (священниковъ) къ церкви, имѣя въ виду совершить въ ней богослуженіе, прихожане означенныхъ трехъ церковей подняли тревогу и во множествѣ собрались около каждой церкви, мужчины и женщины, съ палками, кочергами, кольями, которыхъ наготовили немало. Когда приблизились сюда упомянутые отцы, прихожане означенныхъ церковей бросились на нихъ (отцевъ), толкая и ругая: *дай Богъ, чтобы несчастье напало на того уніата злодѣя, не достоинъ онъ отпирать наши церкви и не допустимъ его до этого, хотя бы насъ казнили, поотрубавши головы, потому что онъ намъ не пастырь*. Слышалъ я также набать при Пятницкой церкви, произведенный съ цѣлю, чтобы другіе сбѣгались къ ней“ 174).

Показанія остальныхъ свидѣтелей въ существенныхъ чертахъ сходны между собою и отличаются одно отъ другаго только нѣкоторыми незначительными подробностями. Несмотря на то, что большинство этихъ показаній дано было *католиками*, въ ихъ справедливости сомнѣваться нельзя. Въ глазахъ православныхъ Терлецкій дѣйствительно былъ *злodeмъ, поганиномъ, псомъ, собакою*,—и, доведенные его поступками до крайняго раздраженія, они, не обинуясь, во всеуслышаніе, и надѣляли его подобными эпитетами.

На 20 августа 1641 г. назначенъ былъ общій шестинедѣльный сеймъ въ Варшавѣ. Среди православныхъ и униатовъ началось обычное движеніе и шли подготовленія къ обоюдной борьбѣ. Волынское дворянство въ своей инструкціи посламъ, отправляемымъ на сеймъ, поручая первѣе всего стараться о томъ, чтобы „пункты успокоенія“ всецѣло приведены были въ исполненіе (о чемъ неоднократно говорилось въ предшествовавшихъ инструкціяхъ), особенно настаивало, чтобы исправленъ былъ вредъ, нанесенный православной церкви чрезъ няфамію перемышльскаго епископа Гулевича. „Послѣ прошлаго сейма—говорили они въ своей инструкціи—возникло новое дѣло: церковныя бенефиціи (*dobry*), назначенныя дипломомъ для резиденціи перемышльскаго владыки, неунита, *вслѣдствіе нѣкотораго несчастія, по волю судьбы*, черезъ его милость пана подскарбего короннаго *отняты* отъ отца Гулевича, теперешняго перемышльскаго владыки, неунита; посему паны послы усердно должны настаивать, чтобы означенная епископія, *какъ уже вакующая, въ началъ сейма отдана была неуниту*“. Просило волынское дворянство также о томъ, чтобы церкви въ Люблинѣ, въ Красномъ Ставѣ, въ Бѣльзѣ и Сокалѣ, силою (*per vim*) отнятыя отъ неунитовъ, возвращены были имъ. Находится въ инструкціи просьба и о *киевскихъ школахъ*, фундованныхъ митрополитомъ (Петромъ Могилою), чтобы права ихъ были подтверждены ¹⁷⁵).

На сеймъ 1641 г. прибыли многіе изъ духовныхъ православныхъ лицъ: кромѣ митрополита Петра Могилы, мы видимъ здѣсь мстиславскаго епископа С. Коссова, луцкаго—Пузину, перемышльскаго (не пользовавшагося гражданскими правами) Гулевича и значительное количество настоятелей разныхъ монастырей. О ходѣ сеймовыхъ преній

¹⁷⁵) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. II, т. I. XXIII, стр. 270, 276.

по вопросу объ „успокоеніи православныхъ“ мы свѣдѣній не имѣемъ. Но, разумѣется, не подлежитъ сомнѣнію, что они, какъ и на предшествовавшихъ сеймахъ, были бурныя,—даже можно предполагать наиболѣе бурныя, такъ какъ здѣсь подняты были самыя жгучіе религіозныя вопросы: 1) *перенесеніе разбирательства о правонарушеніяхъ относительно статей успокоенія на сеймы*, 2) *дѣло объ отнятіи люблинской православной церкви уніатскимъ епископомъ Терлецкимъ* и, въ особенности, 3) *возстановленіе правъ православной перемышльской епископіи*. О результатахъ этихъ преній свидѣлствуютъ слѣдующія два постановленія, занесенныя въ сеймовую конституцію 1641 года.

1) *О религіи греческой*: „свободное исповѣданіе греческой религіи для лицъ, не находящихся въ уніи, обезпечено пактами счастливой нашей коронаціи. Также тѣми же пактами, комиссіями и привилегіями распределены между уніатами и неуніатами епископства, братства и церкви. Но такъ какъ установленное между ними спокойствіе нарушено начавшимися процессами, а свобода исповѣданія нарушена отнятіемъ церковей,—то постановляемъ: всѣ процессы по религіознымъ дѣламъ (исключая возникшихъ вслѣдствіе учиненныхъ насилій) между духовными и свѣтскими лицами всякаго званія и состоянія, въ Коронѣ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, начатыя тою или другою стороною, въ какой бы судебной инстанціи эти процессы не находились, а также декреты, баниціи, севестры, суспенсы, приостанавливаемъ до другого шестипедѣльнаго сейма, на которомъ обо всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, намъ доложенныхъ, учинимъ разбирательство. А чтобы на будущее время такія дѣла болѣе не затрудняли Рѣчи Посполитой, опредѣляемъ: по всѣмъ уголовнымъ процессамъ между свѣтскими и духовными лицами разбирательство будетъ происходить по специальному реѣстру уголовныхъ дѣлъ или на сеймѣ, если будутъ позваны дизуниты (православные) въ Коронѣ, или въ великомъ колѣ, если они будутъ позваны въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. А если будутъ позваны уніаты, разбирательство всегда (какъ позванныхъ въ Коронѣ, такъ и въ Литвѣ) будетъ производиться на назначенномъ сеймѣ. По дѣламъ же церковнымъ—объ отнятіи церковей и церковныхъ имуществъ,—какъ таковымъ, гдѣ рѣчь идетъ объ оцѣнкѣ значенія привилегій, разбирательство имѣетъ быть на нашихъ реляціонныхъ судахъ; но предварительное разслѣдованіе—въ мѣстномъ городѣ

или земствѣ, которые, сдѣлавъ означенное разслѣдованіе и не поставляя по нему никакого рѣшенія, дѣло со всѣми добытыми судомъ данными должны отсылать въ нашъ реляційный судъ, для чего опредѣляется срокъ шестинедѣльный. А мы по такимъ дѣламъ немедленно, согласно конституціи 1635 г., постановимъ приговоръ и свое рѣшеніе, для окончательнаго приведенія его въ исполненіе, будемъ отсылать въ надлежащее судебное мѣсто“.

2) *Возстановленіе правъ благороднаго Силвестра Гулевича.* „Вслѣдствіе просьбы земскихъ пословъ и съ согласія всѣхъ чиновъ, авторитетомъ настоящаго сейма уничтожаемъ декретъ инфаміи съ благороднаго Силвестра Гулевича, владыки перемышльскаго, неунита, и съ его сообщниковъ, и возстановляемъ его въ прежнемъ достоинствѣ,—подъ такимъ однако условіемъ, чтобы епископство перемышльское съ монастыремъ св. Спаса и принадлежащими къ нему имѣніями на вѣчныя времена оставалось за уніатами. Монастырь же св. Спаса съ селеніемъ Нечуткою, монастырь Лавра съ селеніемъ Лавровымъ, также монастырь Смольница имѣютъ навсегда de facto находится во владѣніи неунитовъ, относительно чего имъ предоставляется свободная „реляція“. А по смерти теперешняго владыки унита имъ имѣть быть еще придано селеніе Сегмо. Въ остальномъ изложенное въ пактахъ, составленныхъ на счастливой нашей елекціи, остается ненарушимымъ. Но по смерти Гулевича, теперешняго владыки неунита, для тѣхъ монастырей *имѣетъ быть назначаемъ архимандритъ*, а владыкою будетъ оставаться унитъ“ ¹⁷⁶).

Первое сеймовое постановленіе, касающееся успокоенія греческой религіи *вообще*, должно быть признано благопріятнымъ для православныхъ, такъ какъ стремилось уврачевать самыя больныя мѣста въ судебной практикѣ того времени, отъ которыхъ наиболѣе всѣхъ страдали православные. Судебные процессы по дѣламъ религіознымъ и, въ частности, объ отнятіи церквей, начинаемые въ судахъ „городскихъ и земскихъ“, гдѣ въ большинствѣ случаевъ засѣдали латино-уніаты, зачастую принимали неблагопріятное для православныхъ направленіе или (въ ущербъ интересамъ православія) намѣренно затягивались, главнымъ

¹⁷⁶) Prawa, Konstytucye y Przyw. Krol. Polskiego, изд. 1735 г. въ Варшавѣ, т. IV, стр. 6—7.

образомъ, вслѣдствіе предвзятыхъ ультра-католическихъ воззрѣній на „схизму“ большинства судей, безъ сомнѣнія, нерѣдко диктовавшихъ свои приговоры подъ вліяніемъ своихъ „духовныхъ отцевъ“. Поэтому устраненіе означенныхъ судовъ отъ составленія приговоровъ по упомянутымъ дѣламъ и отсылка послѣднихъ для рѣшеній по нимъ въ реляційный королевскій судъ, гдѣ предсѣдательствовалъ самъ король, притомъ чуждый фанатизма, было весьма желательно для православныхъ, и состоявшееся сеймовое постановленіе по сему предмету они вправѣ были считать немаловажнымъ успѣхомъ достигнутымъ ими при борьбѣ съ латино-уніатами на почвѣ юридической.

Что касается другого, приведеннаго нами, постановленія сейма, состоявшагося по настоянію православныхъ, именно — „возстановленія“ перемышльскаго епископа С. Гулевича въ его прежнемъ достоинствѣ, — то въ данномъ случаѣ успѣхъ ихъ былъ относительный: онъ приобрѣтенъ былъ *тяжелыми уступками*. Православные согласились на измѣненіе „статей успокоенія“ относительно перемышльской епархіи, — притомъ измѣненіе весьма существенное. Во-первыхъ, они на вѣчныя времена уступали уніатамъ монастырь св. Спаса, а во-вторыхъ, *и это главное*, утрачивали перемышльскую епископію, которая оставалась за ними только временно, до смерти Сильвестра Гулевича. Эта уступка вызывала укору со стороны особенно ревностныхъ борцовъ за православную вѣру. Разумѣется, та постановка вопроса о перемышльской епископіи, которая сдѣлана была волынскими православными дворянами въ инструкціи ихъ посламъ на сеймъ 1641 года, была, въ интересахъ православной церкви, самая лучшая. Въ инструкціи проводилась (и проводилась, надо полагать, по внушенію П. Могилы)¹⁷⁷) такая мысль: „всѣ наши просьбы о снесеніи инфаміи съ Гулевича остаются тщетными, и онъ признается лишеннымъ гражданскихъ правъ. Пусть будетъ такъ. Но въ такомъ случаѣ перемышльская епископія должна считаться вакантною. Мы, основываясь на *статьяхъ успокоенія*, требуемъ назначенія на нее другого епископа, который имѣеть быть избранъ православными“. Такая постановка дѣла *съ юридической стороны вполне законная* и не могшая встрѣтить при своемъ осуществленіи серьезныхъ препятствій, по всей вѣроятности, и была глав-

¹⁷⁷) См. прилож. стр. 131.

ною причиною того, что латино-уніатская партія не препятствовала снесенію инѣаміи съ Гулевича: она желала только извлечь (и извлекла) изъ этого дѣла наибольшія для себя выгоды. Что касается православныхъ, то они вынуждены были согласиться на означенныя уступки не только въ виду заслугъ для церкви Гулевича и его фамиліи, но и потому, что съ дѣломъ перемышльскаго епископа тѣсно связаны были интересы многочисленныхъ (во всякомъ случаѣ не менѣе 130—140) дворянъ, тоже осужденныхъ на инѣамію. Возстановленіе въ прежнемъ достоинствѣ Гулевича неразрывно связано было съ возстановленіемъ въ ономъ и его—какъ сказано въ конституціи—сообщниковъ. При томъ православные могли ласкать себя надеждою, что въ будущемъ дѣло о перемышльской епископіи можетъ быть поправлено, о чемъ, дѣйствительно, впоследствии и старались.

Въ высшей степени замѣчательно, что сеймовая конституція о греческой религіи на первыхъ порахъ не вызвала письменныхъ протестовъ со стороны латино-уніатовъ и только спустя около пяти мѣсяцевъ по обнародованіи ея означенные протесты заносятся въ подлежащія судебныя учрежденія отъ имени представителей католической и уніатской церкви. Такихъ протестовъ извѣстно три: 1) папскаго нунція Филонарда, 2) гнѣзненскаго архіепископа съ четырьмя бискупами и двумя свѣтскими сановниками (Станиславомъ Радзивилломъ и Казиміромъ Сапѣгою) и 3) уніатскаго митрополита Антонія Селявы. Не подлежитъ сомнѣнію, что послѣднія двѣ протестаціи занесены были по настоянію нунція. Это ясно видно изъ протестаціи Селявы, который заявляетъ, что онъ опоздалъ съ своею манифестаціею потому-де, что трудно было ему, *бывшему на сеймѣ*, достать копию съ конституціи, которая едва заполучена имъ теперь, вслѣдствіе чего онъ съ опозданіемъ заноситъ свой протестъ противъ состоявшихся на сеймѣ 1641 г. постановленій относительно греческой религіи, *повинуясь въ данномъ случаѣ заявленію и приказаніямъ св. съдалмица апостольскаго* (declaracioni et mandatis s. saedis Apostolicae). Что касается молчанія папскаго нунція при обнародованіи сеймовой конституціи 1641 года, то оно можетъ быть объясняемо выжидательною политикою со стороны Рима въ виду неоднократно дѣлаемыхъ Владиславомъ IV обѣщаній привлечь православныхъ къ подножію папскаго престола путемъ мирнымъ (о чемъ скажемъ ниже). Невыполненіе королемъ этихъ обѣщаній и предъявленіе къ нему въ данное время

со стороны палы требованій, которія Владиславомъ IV ни въ какомъ случаѣ не могли быть удовлетворены, какъ идущія въ разрѣзъ съ его политикою по дѣламъ религіознымъ (папа требовалъ уничтоженія привилегій, выданныхъ православнымъ), и побудили нунція, руководившагося съ данномъ случаѣ инструкціями изъ Рима, занести упомянутый протестъ 26 февраля 1642 года ¹⁷⁸).

Въ теченіе остальныхъ пяти лѣтъ жизни митрополита П. Могилы (1642—1646 г.г.) общіе сеймы въ Польской Коронѣ назначаемы были и собирались четыре раза: въ 1642, 1643, 1645, и 1646 годахъ. Въ сохранившихся инструкціяхъ посламъ на нѣкоторые изъ этихъ сеймовъ мы опять слышимъ горькія жалобы со стороны православныхъ на притѣсненія, испытываемыя ими отъ латино-уніатовъ, и настойчивыя просьбы о восстановленіи правъ православной церкви соотвѣтственно съ сеймовыми конституціями „объ успокоеніи греческой религіи“ и выданными на основаніи ихъ привилегіями. Въ инструкціяхъ волинскаго дворянства посламъ, отправляемымъ на сеймы 1645 и 1646 г.г., православные заявляютъ, что греческая религія—древняя, распространенная, упривилегированная, апробованная пактами конвентами и королевскою присягою—такое претерпѣваетъ насиліе въ христіанскомъ католическомъ государствѣ и свободной, независимой Рѣчи Посполитой, какого не испытываютъ даже христіане-греки, находящіеся въ рабствѣ у безбожниковъ („погань“). Отняты церкви, монастыри и каеодры; возбраняется свободное отправленіе богослуженія; убогіе христіане умираютъ безъ напутствія св. Тайнами и не могутъ открыто совершать богослуженіе; въ Люблинѣ вслѣдствіе отнятія у православныхъ церкви, а также въ Сокалѣ, Бѣльзѣ и другихъ городахъ они должны хоронить своихъ покойниковъ тайно въ своихъ погребяхъ и домахъ“ ¹⁷⁹).—Дѣйствительно, хотя конституціею 1641 года свобода вѣроисповѣданія вновь обезпечена была православнымъ, тѣмъ не менѣе ихъ положеніе, по крайней мѣрѣ, въ нѣ-

¹⁷⁸) *Theiner. Vetera Monum. Poloniae et Lithuaniae. t. III. № CCCLXIX, pag. 420—422.*

¹⁷⁹) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. II, т. I. №№ XXV—XXVI.—Подобныя же инструкціи на сеймъ 1645 г. посламъ воеводства кіевскаго (Христофору Тышкевичу, воеводичу брестскому, Юрію Вороничу, скарбнику кіевскому, и Андрею Соколовскому) паходятся въ библ. Кіев. Дух. Академіи, въ связкѣ докум., поступившихъ отъ студента Вишневскаго.

которыхъ мѣстахъ, именно въ районѣ холмской униатской епархіи, было крайне стѣснительное. Меодій Терлецкій, посредствомъ указанныхъ нами насильственныхъ дѣйствій и угрозъ загнавши въ свою „овчарню“ многихъ православныхъ, крѣпко держалъ ихъ въ ней, ибо переходъ въ унию подлежащихъ штрафамъ и смертной казни православныхъ мѣщанъ разныхъ городовъ, но за покорность признать власть холмскаго униатскаго епископа *прощенныхъ*, обставленъ былъ имъ, въ случаѣ несоблюденія условій (т. е. возвращенія въ православіе), такими тяжелыми юридическими обязательствами (конфискація имущества, приведеніе въ исполненіе задержанныхъ приговоровъ по декретамъ), что вырваться изъ означенной овчарни было дѣломъ весьма рискованнымъ. Поэтому „убогимъ христіанамъ“ по неволѣ приходилось, тая въ душѣ ненависть къ униі, наружно слѣдовать ей и скрытно, съ большими предосторожностями (у Терлецкаго были шпионы), исполнять религіозныя обязанности по обряду церкви православной. Сеймовое постановленіе объ отсылкѣ на рѣшеніе королевскаго суда процессовъ по дѣламъ церковнымъ хотя должно было значительно сдерживать (и сдерживало) порывы латино-униатовъ къ захвату церквей и „духовныхъ бенефицій“, принадлежавшихъ православнымъ, но по отношенію къ церквямъ и бенефиціямъ, уже передъ тѣмъ захваченнымъ у православныхъ,—значительныхъ, благопріятныхъ для послѣднихъ, результатовъ не имѣло, благодаря настойчивости и упорству наиболѣе рьяныхъ представителей латино-униатской церкви, поддерживаемыхъ въ данномъ случаѣ нѣкоторыми вліятельными лицами изъ ультра-католической партіи, находившимися у кормила правленія. Такъ, напр., люблинская церковь,—не смотря на благопріятное для православныхъ рѣшеніе короля и его неоднократные и рѣшительные приказы люблинскому старостѣ отобрать ее отъ униатовъ и передать въ вѣдѣніе православнаго луцкаго епископа А. Пузины, —¹⁸⁰⁾ по прежнему пребывала подъ властію Терлецкаго, а многочисленные протесты православныхъ и ихъ громовыя рѣчи по этому поводу на сеймахъ и въ судахъ оставались гласомъ воиющихъ въ пустынь. Изъ инструкціи дворянъ посланъ на сеймъ 1645 года мы видимъ, что нѣкоторыя церковныя бенефиціи, приуроченныя къ перемышльской православной

¹⁸⁰⁾ Прилож. №№ LV—LVI, стр. 205—206.

епископіи, еще и въ то время не были переданы С. Гулевичу, хотя— какъ мы видѣли— онъ уже давно былъ возстановленъ въ своихъ правахъ. Не были приведены въ исполненіе и нѣкоторыя другія правительственныя распоряженія о передачѣ православнымъ церквей въ Холмщинѣ 181).

Разумѣется, все это не могло способствовать успокоенію „разрозненныхъ въ вѣрѣ людей“ и въ свою очередь вызывало со стороны православныхъ поступки, при правильномъ теченіи государственныхъ дѣлъ, невозможныя. Такъ, напр., не видя никакихъ результатовъ по своимъ жалобамъ о возвращеніи отнятыхъ униатами церквей, сокальскіе мѣщане— „дизуниты“ (православные),— а также „собранные изъ разныхъ селъ хлопы“, 13 генваря 1646 года сдѣлали нападеніе на униатскую церковь въ Сокаль, причемъ униатскихъ „духовныхъ“ избili и изувѣчили, „сакраментъ“ (св. дары) растоптали ногами, кощунствовали надъ находившимся въ то время въ церкви тѣломъ умершаго „духовнаго“ лица (сорвали съ него одежды), и т. д. 182).

¹⁸¹⁾ Древніе акты холмск. епархіи (въ Холм. п.-арх. музеѣ), кн. I.

¹⁸²⁾ Краткое изложеніе этого событія см. въ I ч. IV т. Архива Юго-Зап. Россіи, № CCCXXI,— подробное— въ актовой книгѣ, хранящей въ Киевскомъ Центральномъ Архивѣ подъ 2165, на л.л. 253—258. Приводимъ нѣкоторые отрывки изъ послѣдняго документа. Во время совершения униатскими священниками богослуженія въ Никольской (въ Сокаль) церкви, толпа православныхъ „ex instinctu diabolico... z wielkim tumultem... wołaiąc głośno: *beycie, dobywajcie się do tych poganiów... iedni, okna powybiawszy, do cerkwi wcierali się, drudzy, drzewami wielkimi rozpuciwszy się, wszystkimi siłami drzwi wytłukli, y inne drzwi drudzy obuchami, szekirami zamki, kłodki, zawiasy, skoble, odsiekali*“. Когда церковныя двери были выбиты, униатское духовенство, одѣвшись предварительно въ ризы, стало передъ ними съ сакраментомъ; но бунтующіе „rzucili się na duchownych... najswiętszy sacrament z ręk obuchem wytronieli, na ziemi nogami podeptali, ryzy podrali... oycsa Andrea Czernikiewicza, oycsa Iana Czernikiewicza, oycsa Lazarza Potorzycznego, oycsa Stephana Woysławskiego, kleryka Potorzycznego, który się byli zamknili w cerkwi, pobili, poranili, po ziemi powalonych, nogami y kolanami pobitych, w koncze iednym oblegli, aby nie szli bronic drugich cerkwi. W tey cerkwi obraz *bendący na scienie błogosławionego Iozephata poszarpałi, porombali y niewiedziec gdzie rzucili, wołaiąc, że to nie iest Iozephata, ale duszofat*... Тѣло о. Черникевича, пресвитера тамошняго, поставленное въ церковь для предстоящаго погребенія,— „wieko szekirami porombawszy, odbiwszy, urugaiąc y nasmiewaiąc z niego, tanquam detractores cadaveris, urugaiąc y nasmiewaiąc z niego, za brode szarpali, mowiąc: *prawda, żeście w ręce nasze dostał; ryzy, stułe y manipularze, w ktore, iako kaplan, ubrany był, z niego zdarli; trumnę, obbitą czarnym płotnem, obdarli, same wyrzucic chcieli psom na pożarcie, iakosię ieśliby go nie wzięli*“... и т. д. и т. д.

О взаимномъ раздраженіи между православными и латино-уніатами можно также заключать изъ той массы вчиненныхъ тою и другою стороною процессовъ (по поводу личныхъ оскорбленій, насилій и т. п., иногда даже убійствъ), которыми переполнены судебныя книги того времени. Намъ нѣтъ надобности останавливаться на этихъ процессахъ, такъ какъ ознакомленіе съ ними не много прибавитъ *характерныхъ* чертъ для той картины о взаимныхъ отношеніяхъ между враждующими сторонами, которая—думаемъ—съ достаточною яркостью красокъ нарисована нами выше. Но эта картина не была бы вполне закончена, если бы мы не коснулись еще дѣятельности одного изъ борцевъ за православную вѣру, стоящаго какъ бы особнякомъ въ ряду другихъ борцевъ за оную и, въ большинствѣ случаевъ, значительно отличавшагося отъ послѣднихъ по приемамъ и характеру своихъ дѣйствій. Мы говоримъ о *брестскомъ игуменѣ Аѳанасіи Филипповичѣ*.

Благодаря изданному Археографическою комиссіею діаріушу Филипповича ¹⁸³) личность этого борца за православіе достаточно извѣстна въ нашей исторической литературѣ ¹⁸⁴). Мы коснемся его жизни и дѣятельности настолько, насколько это требуется задачею настоящаго очерка.

Аѳанасій Филипповичъ, сынъ православныхъ родителей, по всей вѣроятности, принадлежавшихъ къ бѣдному шляхетству, получилъ образованіе въ церковно-русскихъ школахъ, послѣ чего („по наукахъ церковно-русскихъ“), слѣдуя общему между мелкою шляхтою того времени обычаю, проходилъ службу при разныхъ панскихъ дворахъ и, наконецъ, при дворѣ великаго канцлера литовскаго Льва Сапѣги. Здѣсь онъ пробылъ семь лѣтъ, состоя „инспекторомъ“ Яна Фавстина Лубы, которому—какъ извѣстно—поляками съ дѣтскихъ лѣтъ внушена была увѣренность, что онъ московскій царевичъ (сынъ Марины Мнишекъ). Убѣдившись въ „грѣховности міра сего“, Филипповичъ отошелъ отъ Сапѣги и въ 1627 году принялъ монашество въ Виленскомъ Свято-Духовомъ монастырѣ, откуда посланъ былъ „на послушаніе“

¹⁸³) Рус. Историческая Библіотека, изд. Археогр. Комиссіею, т. IV, столбцы 49—156.

¹⁸⁴) На основаніи Діаріуша объ А. Филипповичѣ писали: *Н. И. Костомаровъ* (Историч. Моногр. т. XIV, стр. 1—42), *О. И. Левицкій* (Универс. Извѣстія 1878 г. № 5) и *Арсеній Маркевичъ* (Холмско-Варшав. Вѣст. за 1879 г. № № 22, 24 и 1880 г.).

въ монастыри, сначала Кутейнскій подь Оршею, а потомъ Межигорскій около Кіева, въ коихъ „*презъ часъ немалый учился воли Бозской и законнаго житія*“.—Вызванный изъ временнаго своего пребыванія въ Межигорской обители на послушаніе въ Виленскій монастырь, Аѳанасій, при прощаніи своемъ съ межигорскимъ игуменомъ Комментаріемъ, получилъ отъ послѣдняго слѣдующее наставленіе: „брате Аѳанасій! Сохрани по меньшей мѣрѣ три правила, необходимыя для инока: первое—быть въ послушаніи у старшихъ; второе—строго хранить уставы церковныя; третье—остерегаться бесѣдъ женскихъ. Если все это, при помощи Божіей, сохранишь, то спасешься и потребенъ будешь на службу церкви Христовой“. На пути въ Вильну Аѳанасій встрѣтилъ какого-то весьма больного человѣка, поднялъ его и немалое время несъ на себѣ. Этотъ человѣкъ послѣ продолжительной бесѣды съ Аѳанасіемъ о чудесныхъ дѣлахъ и тайнахъ Божіихъ, далъ ему, выражаясь словами діаріуша, „имя наилучшее, Іисусъ Христосъ, на сердце и указалъ, якъ тое заховати (сохранить)“. Съ этого времени для Аѳанасія открылся міръ таинственныхъ видѣній и чудесъ, которыми изобилуетъ вся его послѣдующая жизнь. Такъ, получивши въ Вильнѣ посвященіе въ санъ іеромонаха и назначенный послѣ того намѣстникомъ въ Дубойскій монастырь, онъ здѣсь въ теченіе трехъ лѣтъ „бѣдствовалъ“ отъ нападеній со стороны враговъ видимыхъ и *невидимыхъ*. Къ числу видимыхъ враговъ принадлежалъ канцлеръ литовскій князь Станиславъ Радзивиллъ, который въ 1636 году отобралъ Дубойскій монастырь для поселившихся въ Пинскѣ іезуитовъ. Въ это время—говоритъ Филипповичъ—(т. е. при „отобраніи“ монастыря) „барзо страшніи видоки на неби и на земли (не презъ сонъ, але въ день и на явѣ, толко якъ въ захвиценю якомъ будучи) видилемъ: на небѣ хмуры барзо гнѣвливые зъ войсками ушикованными (выстроеными къ битвѣ), на каране готовыми, и на земли—седмъ огнювъ пекелныхъ, на седмъ грѣховъ смертельныхъ зготованвыхъ; зъ тыхъ огнювъ, въ пятомъ жаристомъ гнѣвѣ, трохъ особъ выразне видилемъ: нунціуша легата, въ коронѣ папезской, Жигмонта кроля и Сапегу гетмана, за преслядоване церкви Восточной барзо смутно седячихъ. Которое видѣне, гдымъ другимъ указовалъ, видите не могли. Толко одинъ святоблिवый мужъ Иларіонъ Денисовичъ, игуменъ купятицкій и пинскій, тые sprawy Бозскіе видѣлъ и дивовался“.—Послѣ отобранія отъ православныхъ Дубойской обители, Аѳанасій перешель въ Купятицкій монастырь, гдѣ первымъ

его дѣломъ было составленіе „жалоснаго листа“ по поводу притѣсненій, испытываемыхъ православными отъ латино-уніатовъ,—каковой листъ, послѣ подписи его многими почтенными („годными“) лицами, онъ „полецилъ (поручилъ) Пречистой Богородицѣ Купятицкой“. Въ это время (въ томъ же 1636 г.) въ Купятицкій монастырь присланы были листы Петра Могилы съ просьбою о сборѣ подаваній въ пинскомъ повѣтѣ на возобновленіе митрополитанской кафедры—Кіево-Софійскаго собора. Приказаніе митрополита было исполнено и въ маѣ слѣдующаго (1637—го) года собранныя, по его порученію, деньги были ему чрезъ о. Макарія Токаревскаго доставлены. Узнавши отъ послѣдняго, что въ Купятичахъ церковь весьма уже стара, П. Могила сказалъ: „хорошо бы собранныя вами деньги употребить на возобновленіе Купятицкой церкви; но такъ какъ онѣ привезены уже въ Кіевъ, и надобность въ нихъ у меня большая, то пусть здѣсь и остаются; но я дамъ вамъ универсальный листъ: старайтесь посредствомъ ялмужны (милостыни) святой реставрировать свою церковь.“—Послушаніе собирать „святую ялмужну на збудоване Купятицкой церкви“ возложено было игуменомъ на Аѳанасія Филипповича, состоявшаго уже въ то время намѣстникомъ Купятицкаго монастыря. Во время пламенной молитвы, вызванной предстоявшимъ ему труднымъ подвигомъ, Аѳанасій услышалъ голосъ самой Владычицы Небесной: „царь московскій построить мнѣ церковь; иди до него,“—и, отправляясь въ дорогу, сообщилъ о слышанномъ своему игумену. Тотъ связалъ Аѳанасію: „брате милый, гдѣ тебѣ Всемогущій Богъ и Пречистая Богородица укажутъ путь, туда и иди; а я здѣсь съ братією буду молиться о твоёмъ благополучномъ возвращеніи. А о чемъ ты говоришь, не знаю, что изъ этого выйдетъ, потому что и королевской грамоты (на проѣздъ въ Москву) ты не имѣешь“. Простившись съ братією и уже находясь въ притворѣ церковномъ, Аѳанасій еще разъ, смотря черезъ окно на чудотворный образъ Божіей Матери, обратился къ ней съ мольбою, воскликнувъ: „о Пречистая Богородице, будь со мною!“ Тогда изъ церкви отъ означеннаго образа послышался явственный голосъ: „иду и я съ тобою!“ Вслѣдъ затѣмъ онъ увидѣлъ стоящимъ на лѣвомъ крылосѣ (скончавшагося послѣ благочестивой жизни въ молодыхъ лѣтахъ) діакона Неемію, который изрекъ: „иду при своей Госпожѣ!“—Сборъ пожертвованій въ Бѣлоруссіи шелъ весьма туго и не безъ огорченій для Аѳанасія. Въ Слуцкѣ архимандритъ

Шицкѣ, намѣстникѣ митрополита, весьма разгнѣвался на купятицкаго игумена за то, что тотъ не извѣстилъ его, архимандрита, о посылкѣ за сборомъ подавній Аѳанасія, и отобралъ отъ послѣдняго даные ему „листы,“ и только спустя не малое время, „престрашенный презъ сонъ выдѣньемъ якимсь,“ возвратилъ ихъ, сказавъ Аѳанасію и его спутнику: „дѣлаю это для Пречистой Богородицы, а не для вашего игумена; видите съ Богомъ, куда хотите.“ Въ Кутеинскомъ монастырѣ подъ Оршею Аѳанасій былъ принятъ ласковѣ: тамошній игумень Іоиль Труцевичъ сочувственно отнесся къ миссіи купятицкаго намѣстника и, хотя не далъ ему просимаго „свѣдоцтва до Москвы,“ снабдилъ однако рекомендательными письмами къ протопопамъ и православнымъ братствамъ. Съ этими письмами Аѳанасій былъ въ Копысѣ, Шкловѣ, Могилевѣ, Головчинѣ; но повсюду не получилъ „ялужны:“ „выбирано ее пилю (старательно) епископови своему Сильвестрови Коссови на справу съ Селявою, владыкою полоцкимъ униатомъ.“ Вторично прибывши въ Кутеинскій монастырь, Аѳанасій сообщилъ игумену о своей неудачѣ и хотѣлъ было возвращаться въ свою обитель со скудною милостынею; но намѣстникъ кутеинскій посовѣтовалъ ему попытаться проникнуть въ Московское государство чрезъ пограничный городъ Трубчевскъ. Игумень Іоиль Труцевичъ благословилъ Аѳанасія и далъ ему рекомендательное письмо къ князю Петру Трубецкому. Но Трубецкой принялъ Аѳанасія крайне неласково и, подъ угрозою „великаго наказанія,“ приказывалъ ему возвратиться назадъ, какъ не имѣющему надлежащаго документа (паспорта). Аѳанасій вернулся было назадъ, но дорогою ему опять было видѣніе; когда онъ молитвенно взывалъ: „о Боже мой и Пречистая Богородица, смилуйтесь надо мною; не знаю, что дѣлается,“—былъ слышанъ имъ голосъ, произносившій такія слова: „зачѣмъ ты требуешь людской помощи? Иди въ Москву—и я съ тобою!“ Ободренный этимъ голосомъ и другими чудесными видѣніями, Аѳанасій вновь отправился къ границѣ, благополучно перебрался черезъ нее и, встрѣчая по пути ласковые приемы со стороны народа, приписывавшаго необычайный переходъ Филипповича черезъ границу помощи Пресвятой Богородицы, беспрепятственно достигъ, наконецъ, главной цѣли своей поѣздки—Москвы. Здѣсь лично представленный государю Михаилу Ѳеодоровичу, онъ вручилъ ему *записку* о положеніи православной церкви, угнетаемой латино-униатами, съ просьбою „народъ православный отъ несноснаго

преслѣдованія защитить,“ *исторію* Купятицкой Божіей Матери съ ея живописнымъ изображеніемъ для хоругвей военныхъ „въ помножене православной вѣры“ и *описаніе* своего чудеснаго путешествія въ Московское государство. Мирно стпущенный изъ Москвы, безъ сомнѣнія, съ обычною милостынею, Аѳанасій 16 іюля 1638 года возвратился въ своей Купятицкій монастырь.—Спустя нѣкоторое время (въ 1640 году) иноки Брестскаго Симеоновскаго монастыря обратились къ купятицкому игумену съ просьбою прислать къ нимъ въ настоятели либо Макарія Токаревскаго, либо Аѳанасія Филипповича. Но купятицкій игумень, по совѣщаніи съ братією, нашель болѣе удобнымъ отправить въ Брестъ священника Климента Несвѣцкаго, „а насъ ободрохъ—пишетъ Филипповичъ—охоронялъ на тотъ часъ, якъ бы *въ Купятицахъ* *потребныхъ.*“ Однако „посланный братією Брестскаго монастыря“ не пожелалъ принять о. Климентія. Тогда купятицкій игумень съ братією рѣшили кинуть жребій между о. о. Макаріемъ Токаревскимъ и Аѳанасіемъ Филипповичемъ, кому изъ нихъ ѣхать въ Брестъ. По волѣ Божіей—говоритъ Филипповичъ—жребій палъ на меня.“—

Съ этого времени и начинается та борьба Аѳанасія съ латиноуніатами, которая, поставляя его на ряду съ выдающимися ревнителями православія того времени, однако рѣзко выдѣляетъ его изъ числа большинства ихъ по своей горячности и страстности, не сдерживаемыхъ обычными житейскими соображеніями.—Первымъ дѣломъ Аѳанасія Филипповича по прибытіи въ Брестъ („гдѣ фундаментъ уніи проклятой стался“) было собрать документы, обезпечивавшіе права и имущество Брестскаго монастыря, и занести ихъ въ гродскія книги. Сдѣлавъ это, онъ „по волѣ Божіей смѣлѣе сталъ дѣйствовать.“ Въ церкви и другихъ мѣстахъ онъ открыто началъ заявлять, что „унія зъ старымъ Римомъ не ведлугъ порядку церкви Восточной принятая, *вѣчно проклята,*“—и мысли объ этомъ *подкрѣплялъ* *многими доказательствами.* Подобныя нападки на унію производили „тревогу“ между уніатами въ Брестѣ и во всемъ брестскомъ повѣтѣ. Между тѣмъ приближалось время, на которое назначенъ былъ сеймъ (1641 г.). На него отправился и новый брестскій игумень съ цѣлію исплопотать у короля новую привиллегію своему монастырю. Просимую привиллегію король далъ, но для приданія ей законной силы надобно было, чтобы канцлеръ или подканцлеръ приложили къ ней печати.

Но ни тотъ, ни другой сдѣлать этого не хотѣли, несмотря на то, что Филипповичъ предлагалъ имъ „за печать“ тридцать талеровъ. „Будьте уніатами—говорили они Аѳанасію,—тогда мы и даромъ запечатаемъ; знайте, что намъ отъ святаго отца, папы римскаго, подъ клятвою запрещено, чтобы греческая вѣра въ нашемъ краѣ множилась.“ Находившійся въ то время въ покояхъ канцлера князь Клецкій, прочитавъ данную королю привиллегію, попросилъ было канцлера исполнить желаніе брестскаго игумена—приложить печать,—но тотъ наотрѣзъ отказался отъ этого. Тогда Филипповичъ обратился за совѣтомъ и помощію къ своимъ „старшимъ,“ т. е., епископамъ, архимандритамъ и вообще вліятельнымъ духовнымъ лицамъ, пріѣхавшимъ на сеймъ. Но и здѣсь успѣха не имѣлъ: всякъ думаетъ—говорить Филипповичъ—только о своихъ личныхъ интересахъ („свою привату угоняетъ“): „господинъ отецъ Коссовъ двухъ тысячей золотыхъ въ каждый рокъ на владыцтво могилевское доходитъ; отецъ Гулевичъ баницію зъ себе зноситъ, владыцтво Премыское пустивши въ вѣчность (якъ въ конституціи написано) *на унью*; отецъ Жолудъ цегельню (кирпичный заводъ) толко въ Вилню правомъ сталюеть (укрѣпляетъ); отецъ Шацякъ привилія, оденъ собѣ на архимандрію Овруцкую, а другой Филатею на игуменство Золотоверхаго Михаила набываетъ. Единъ господинъ Варлаамъ Дидковскій святобливе въ справахъ церкви Печерской зъ расудкомъ духовнымъ працювалъ. Иншіе отцове всѣ и законники въ своихъ приватахъ пріѣхали, и мовятъ зъ собою: *я маю, маю зъ потребу у себе церквей; якъ собѣ хочеть, нехай домавляеть; я не дбаю* (я имѣю много хлопотъ по нуждамъ своихъ церквей; пускай каждый хлопочеть, какъ знаетъ: это не моя забота)... Рисуя печальное положеніе многихъ православныхъ, пріѣхавшихъ съ разными просьбами на сеймъ, Аѳанасій Филипповичъ говоритъ, что православная церковь терпитъ въ христіанскомъ государствѣ „большую неволю,“ чѣмъ въ Турціи: „нельзя имѣть вольности уже и за гроши!“ Бѣдные оршане за то, что построили въ братствѣ своемъ новую церковь, давали подканцлеру двѣсти червоныхъ золотыхъ за приложеніе печати, а сокаляне дали сто червоныхъ золотыхъ, да еще пятьдесятъ коровъ пригнали въ фольваркъ въ одной особѣ—и это только за одно ходатайство („за причину“) съ ея стороны. И другіе много тратились, хотя и безуспѣшно.

Передъ отъѣздомъ изъ Варшавы Аѳанасію Филипповичу опять было видѣніе. Разстроенный мрачными мыслями о печальномъ положеніи православной церкви и объ упадкѣ ревности въ средѣ ея представителей, онъ горько плакалъ, и когда въ своей квартирѣ сталъ читать акаѳистъ Пресвятой Богородицѣ, то при словахъ: *отъ встѣхъ насъ бѣдъ свободы*,—услышалъ весьма явственный голосъ отъ ея образа: „о Аѳанасій! подавай прошеніе на сеймъ черезъ образъ мой, на крестѣ изображенный, и грози королю и Рѣчи Посполитой праведнымъ гнѣвомъ и страшнымъ судомъ Божиимъ, который постигнетъ ихъ, если не опомнятся и не уничтожатъ проклятой уніи.“

Вслѣдствіе такого приказанія Богородицы, Аѳанасій Филипповичъ ѣхалъ на слѣдующій шестинедѣльный сеймъ (1643 г.)—по его словамъ—„какъ игрокъ, имѣющій въ рукахъ хорошую карту, и какъ Илія, ревнующій о вѣрѣ.“ Онъ взялъ съ собою образъ Купятицкой Божіей Матери „въ семи штукахъ (экземплярахъ) на плотнѣ малеваныхъ,“ съ исторіею московскою (описаніемъ своего путешествія въ Москву) и „надписаніемъ,“ заключающимъ въ себѣ предостереженія о гнѣвѣ и страшномъ судѣ Божіемъ (за преслѣдованіе православія и неискорененіе уніи). Глубоко убѣжденный въ правотѣ своего дѣла и съ непоколебимою вѣрою въ помощь свыше, Аѳанасій Филипповичъ, вмѣсто прошенія („суплики“) отъ имени восточной церкви, вошелъ въ „сенаторскую избу,“ а своего діакона отправилъ въ посольскую, съ привезенными имъ иконами Купятицкой Божіей Матери и, раздавши ихъ „нѣкоторымъ знатымъ особамъ,“ обратился къ королю съ слѣдующею рѣчью: „Наияснѣйшій король, панъ мой милостивый! Испытываемъ невыносимую несправедливость. Не хотятъ намъ, людямъ православнымъ, въ благочестивыхъ нашихъ церковныхъ дѣлахъ, прикладывать къ привилегіямъ печатей; не хотятъ насъ охранять согласно съ правами, стверженными присягой Вашей Королевской милости. Уже пятьдесятъ лѣтъ подъ вами, христіанскими панами, правдивая вѣра и церковь восточная претерпѣваютъ великія преслѣдованія *въ угоду проклятой уніи*,—и все это дѣлается при содѣйствіи и помощи ненавистныхъ каплановъ римскихъ, а въ особенности іезуитовъ наимудрѣйшихъ. Эти-то іезуиты, посредствомъ красныхъ словъ, суетныхъ наукъ и заманчивыхъ титуловъ, овладѣвши сердцами молодыхъ людей, устроая въ школахъ комедіи, имѣя въ костелахъ каѳедры, издавая книжки перепорченныя и измышленныя сатанинскими

кознями, безбожно соблазняютъ простыхъ людей, своихъ потаковниковъ, а правовѣрныхъ христіанъ, сами будучи неправовѣрными, предають позору и преслѣдуютъ.“ Аѳанасій Филипповичъ просилъ короля, чтобы вѣра правдивая греческая совершенно успокоена была, „а унія проклятая вынищена и внивечъ обернена (совершенно истреблена)“. „Если—говорилъ онъ—унію проклятую искорените, а Восточную истинную церковь успокоите, то будете проводить счастливыя лѣта; если же вѣру правдивую греческую не умиротворите и проклятой уніи не уничтожите, то воистину испытаете на себѣ гнѣвъ Божій... Образъ Пречистой Богородицы да служитъ вамъ трубою и знакомъ, предупреждающимъ страшный судъ Божій, когда благословенные унаслѣдуютъ царство небесное, а проклятые ввержены будутъ въ пекло (адъ) на вѣчныя муки. О знаю, найдется противящійся такому предостереженію и болѣе невѣрный, чѣмъ съ окаменѣлымъ сердцемъ Фараонъ; но надѣюсь, что обряцется и вѣрный Богу, Создателю своему, Авраамъ, который всему сему увѣруетъ.“

До крайности рѣзкія рѣчи Филипповича, безъ сомнѣнія, должны были поразить короля и сенаторовъ: его сочли челоуѣкомъ не въ своемъ умѣ, тѣмъ не менѣе тогда не арестовали и даже обнадежили, посовѣтовавъ, чтобы онъ по своему дѣлу обратился къ маршалку пану Опалинскому. Къ послѣднему о. Аѳанасій дѣйствительно на слѣдующій день и явился. Тотъ направилъ его къ познанскому бискупу Андрею Шолдрскому, челоуѣку—по словамъ Филипповича—весьма разсудительному, *о которомъ митрополитъ Петръ Могила отзывался какъ о добромъ своемъ пріятелѣ* („добрый то мой пріятель“¹⁸⁵). Шолдрскій, пріѣхавъ вечеромъ изъ сената, сообщилъ брестскому игумену радостную вѣсть: „король приказалъ запечатать привилегію, о которой вы хлопчете; приходите завтра къ ксендзу подканцлеру, а теперь идите на квартиру.“

Но къ подканцлеру Аѳанасій Филипповичъ не былъ допущенъ, — и не былъ допущенъ „отъ своихъ отцевъ старшихъ“, которые его вмѣстѣ съ діакономъ Леонтіемъ посадили подъ стражу („въ вязаню держали“), обвиняя въ томъ, что онъ, безъ ихъ совѣта и благослове-

¹⁸⁵) А. Шолдрскій около двухъ лѣтъ пробылъ въ Кіевѣ, получивъ кіевское бискупство въ 1633 году во время коронаціоннаго сейма (см. письмо старосты Рискаго въ *Scriptores rerum Polonicarum*, изд. Краковъ, т. VIII, стр. 282).

нія, явился на сеймъ съ прошеніемъ отъ имени всей православной церкви. „Я—пишетъ Аванасій—остался поруганнымъ, оплеваннымъ и обвиненнымъ, и все это за то, что не доложилъ имъ (старшимъ) о своей суплибѣ. Какъ будто слѣдовало идти съ докладомъ о такихъ таемницахъ Бозскихъ! О горе! до чего довело ихъ знакомство съ латинскою мудростію! Уже нисколько не заботятся о вѣрѣ и не слушаютъ воли Божіей, но, надѣясь на себя и на свой разумъ, свою волю творять и своихъ же угнетаютъ“.

Разумѣется, нареканія Филипповича на духовныхъ „старшихъ“ были несправедливы. Очевидно, дѣло происходило такъ. Брестскій игумень хотя и признанъ человѣкомъ, находившимся не въ своемъ умѣ, и отпущенъ изъ сената, тѣмъ не менѣе рѣчь его должна была вызвать рѣзкія укоризны со стороны католиковъ и униатовъ, *желавшихъ сдѣлать за нее ответственными всѣхъ православныхъ, въ особенности представителей православной церкви*. Послѣдніе, естественно, слагали съ себя всякую вину въ этомъ дѣлѣ и, ставъ на точку зрѣнія самихъ католиковъ о Филипповичѣ, какъ человѣкѣ не въ своемъ умѣ, заключили его, вмѣстѣ съ его діакономъ, подъ стражу, гдѣ и предполагали держать ихъ до окончанія сейма, опасаясь какихъ-либо оригинальныхъ выходовъ со стороны брестскаго игумена. Но заключеніе, въ которомъ находился А. Филипповичъ, надо полагать, не было особенно строгимъ. Ему удалось ускользнуть изъ него и дальнѣйшимъ образомъ своихъ дѣйствій привести „духовныхъ старшихъ“ еще въ большее смущеніе. Подражая Христа ради юродивымъ, Филипповичъ выбѣжалъ на улицу совершенно нагимъ, имѣя на себѣ только клобукъ и парамантъ, вывалился въ первомъ попавшемся болотѣ (въ то время были на улицахъ грязь и лужи) и, колотя себя палкою, побѣждалъ по варшавскимъ улицамъ, громогласно восклицая: „бѣда проклятымъ и невѣрнымъ! бѣда проклятымъ и невѣрнымъ! *vae maledictis et infidelibus*“! Аванасій намѣревался было „въ костелы побѣгати и волати тыежь слова“, но былъ догнанъ владычною челядью, которая его задержала и препроводила обратно въ заключеніе. Разумѣется, нареканія на православныхъ со стороны латино-униатовъ еще болѣе увеличились, и духовныя власти вынуждены были поступить съ брестскимъ игуменомъ очень строго: его лишили игуменства и пресвитерства и, по окончаніи сейма, отправили въ Кіевъ на судъ самого митрополита (въ то время на сеймѣ не находившагося), такъ

какъ Филипповичъ осужденіе свое въ Варшавѣ признавалъ несправедливымъ. Въ Кіевѣ къ брестскому игумену отнеслись гораздо снисходительнѣе. Митрополитанская консисторія оправдала его, прежнее варшавское опредѣленіе было уничтожено, Петръ Могила возстановилъ Аѳанасія въ священноиноческомъ званіи и весьма часто позволялъ совершать богослуженіе въ лаврскихъ храмахъ, а когда брестское православное братство обратилось къ митрополиту съ просьбою вновь прислать къ нимъ на игуменство о. Аѳанасія, П. Могила исполнилъ и эту просьбу, хотя въ данной по этому поводу грамотѣ братству, поставлялъ на видъ, что Аѳанасій своими поступками *„всей церкви Россійской нанесъ былъ великаго жаму и трудности;“* поэтому онъ — митрополитъ — надѣется, что *„по исправленіи“* въ Кіевѣ брестскій игумень *„осторожнѣй будетъ себѣ поступовати въ справахъ церковныхъ, а злнца (особенно же) предъ кролемъ его милостью, паномъ нашимъ милостивымъ, и всѣмъ пресвѣтломъ его сенатомъ“.*

По возвращеніи въ Брестскій монастырь Аѳанасію Филипповичу съ братією приходилось много претерпѣвать „отъ своевольныхъ іезуитскихъ студентовъ“ и уніатскихъ поповъ“. Были неоднократныя „битя, мордованя, уруганя“; а кобринскій уніатскій архимандритъ Овочинскій напалъ на „законниковъ“, посланныхъ въ Брестъ къ Аѳанасію изъ Купятицкаго монастыря, и изъ нихъ одному—священнику—„урѣзалъ бороду“, а другого—діакона—„обнажилъ“, и затѣмъ обоихъ выгналъ, забравши себѣ двухъ коней. Эти притѣсненія, а также дошедшее до Филипповича извѣстіе, что „привилей“ Брестскому монастырю уже запечатанъ,—побудили его отправиться (въ 1644 г.) въ Краковъ и Варшаву. Въ Краковѣ онъ обратился къ новгородскому воеводѣ, пану Сапѣгѣ, на грунтѣ котораго жила брестская братія, съ просьбою ходатайствовать предъ королемъ о „напоминальномъ листѣ“ къ притѣснителямъ означенной братіи. „На каждомъ мѣстѣ—говорилъ Филипповичъ—во дворахъ и судахъ ругаются надъ нами и гугаютъ: „гугу, Русинъ, люпусъ (lupus), реліа, господи-помилуй, схизматыкъ, турко-гречинъ, отщепенець, Налевайко“. Но Сапѣга отнесся къ жалобамъ Филипповича совершенно равнодушно. „Попъ съ попомъ побился—говорилъ онъ,—а мнѣ какое до этого дѣло? Будьте уніатами—и будете жить покойно. А если не хотите, ищите справедливости черезъ своихъ старшихъ“. — Въ Краковѣ Филипповичъ видѣлся съ

московскимъ посломъ, отправившись къ нему, по всей вѣроятности, за милостынею для обители. Посоль спрашивалъ его о Фавстинѣ Дмитріевичѣ. „Я—говоритъ Аѳанасій,—якъ невѣдомый жадной хитрости и не маючи полицена ни отъ кого въ таемницахъ о немъ, далемъ картку его, до мене зъ господа писаную, зъ подписомъ руки въ тые слова: *Янъ Фавстинъ Дмитровичъ*“.

Изъ Кракова Филипповичъ поѣхалъ въ Варшаву съ цѣлію выкупить запечатанный привилей. Но юристъ Зычевскій, который хлопоталъ по этому дѣлу, просилъ съ брестскаго игумена большую сумму—6000 злотыхъ, говоря, что онъ достигъ успѣха, благодаря содѣйствию іезуитовъ, и все это стоило большихъ денегъ. Аѳанасій, кромѣ данныхъ ранѣе въ задатокъ 10 червонныхъ злотыхъ, предлагалъ еще 20 червонныхъ; но Зычевскій не соглашался. Такъ привилей Филипповичу и не былъ выданъ. Тѣмъ не менѣе, видѣвши привилей запечатаннымъ, онъ въ знакъ побѣды заказалъ въ Бернадинскомъ вляпторѣ изобразить красками образъ Купятицкой Божіей Матери *со скипетромъ*. Въ это время Филипповичу вновь было видѣніе. Когда онъ молился предъ новымъ образомъ, услышалъ исходящій отъ него голосъ: „о Аѳанасій, супликуй еще черезъ Купятицкій мой образъ на ближайшемъ сеймѣ передъ королемъ и Рѣчью Посполитою объ окончательномъ искорененіи проклятой уніи. Хорошо будетъ, если послушаются и искоренятъ ее: поживутъ еше въ даруемыхъ имъ лѣтахъ щастливе, *ибо и планеты указуютъ Меркуріуша для Венери ласкавостъ въ тыхъ лѣтахъ*“. Разумѣется, въ данномъ случаѣ Аѳанасій, раздѣлявшій со многими людьми своего времени астрологическія суевѣрія (всегда отвергаемая православною церковію) свои собственные мысли приписалъ чудесному голосу, исходящему отъ образа.—Этимъ видѣніемъ Филипповичъ былъ „престрашенъ“ и пять дней не принималъ пищи и питія, размышляя, что ему дѣлать? „Бѣда мнѣ—пишетъ онъ—говоритъ такія рѣчи въ столь высокомъ мѣстѣ, но бѣда и не говорить о дѣлахъ Божіихъ“! Наконецъ, Филипповичъ рѣшилъ, что онъ долженъ говорить и началъ готовить сочиненіе объ уніи, съ цѣлію поднести его, съ образомъ Купятицкой Божіей Матери и своею „московскою исторіею“, королю въ костелѣ, во время проповѣди, а также намѣревался широко распространить свое сочиненіе между разными чинами коронными и Великаго Княжества Литовскаго, чужеземными купцами и вообще по разнымъ мѣстамъ. Но

тутъ произошло неожиданное для брестскаго игумена злключеніе. Его упомянутое посѣщеніе московскаго посла и разговоръ о Лубѣ, въ связи съ переданною послу запискою мнимаго царевича, не прошли безслѣдно: „взято мя—пишетъ Филипповичъ—до вязеня одъ короля пана (якъ бы о Дмитровича, царевича московскаго), до Варшавы, и былемъ въ оковахъ презъ рокъ и болше“¹⁸⁶).

Находясь въ оковахъ, Филипповичъ не переставалъ писать королю прошенія объ успокоеніи православія и окончательномъ искорененіи уніи. Побужденіемъ къ этому служила непоколебимая увѣренность Аванасія въ своемъ призваніи свыше на дѣло Божіе, возложенное на него, какъ „на быдлятко Валаама“. Въ этихъ прошеніяхъ яркими чертами изображается бѣдственное положеніе православныхъ и выставляется на видъ необходимость уничтоженія уніи, *корень всѣхъ несчастій для Ръчи Посполитой* и, въ будущемъ, *ея пошибель*. „Какъ Каинъ Авеля и Измаиль Исаака, такъ проклятый унитъ забивалъ и преслѣдовалъ своего роднаго брата,—что при помощи похлѣбцевъ, противниковъ правды святой, а временемъ по попущенію Божію, дѣлаетъ и теперъ“... „Въ многихъ розныхъ мѣйсахъ въ панствѣ томъ христіанскомъ непотребные колотнѣ (раздоры) для тои проклятои уніи ажъ по сесь часъ дѣялися. На остатокъ, и съ козаками внутреняя война непотребная, для тои унеи проклятои, была. Для тоей, милость немаль въ всѣхъ выскла; для тоей, похлебства, лакомства, зазрости, зрады, нецноты, а найбарзвѣй пыха ся проклятая замножила; для тоей, и порядокъ духовный и свѣтскій южь-южь погинулъ, о которомъ сами ужъ волають: *не рядомъ стоимо*. Отожь теперъ порядокъ, ведлугъ воли Бозской, стаеть, теперъ часъ наступилъ роздѣленья благословенныхъ одъ проклятыхъ, теперъ гнѣвъ справедливый Бозскій и судъ его страшный на лѣвицу пришоль. Кто маеть уха до слуханя, нехай слухаетъ, што то голосить, ведлугъ часу, мѣстца и потребности!“—Одно

¹⁸⁶) Н. И. Костомаровъ пишетъ: „Не знаемъ, гдѣ и когда именно это случилось: взять ли былъ Аванасій въ Брестъ и увезенъ въ Варшаву или самъ, сообразно своему намѣренію, уѣхалъ въ Варшаву ратовать за интересы православія и по пріѣздѣ туда былъ арестованъ.“ (Моногр. XIV. 31). А. Филипповичъ арестованъ былъ въ *Брестъ въ ноябрь 1644 г.* Свѣдѣніе объ этомъ встрѣчаемъ въ дневникѣ Радзивилла, гдѣ подъ 29 ноября находится слѣдующая замѣтка: „*Temi dniami onego popa, który przed carem Moskiewskim Lubę udał za cara ze krwi Moskiewskiey, Osinski, ekonom Brzeski, złapał, i do Warszawy przysłał, gdzie był zatrzymany aż do sejmu.*“ (*Pamiętniki*. II. 153).

изъ прошеній Филипповича дошло до рукъ короля: оно, оправленное въ зеленый атласъ, незамѣтно положено было въ его карету. Король, прїѣхавъ въ замокъ, приказалъ вслухъ читать его пану Пацу. Другое прошеніе, тоже оправленное въ атласъ и тоже предназначенное для передачи королю во время его переѣздовъ, имъ не было принято. „*Не нужно, не нужно больше ничего*—сказалъ онъ;—*я уже приказалъ его (т. е. Филипповича) выпустить*“. Дѣйствительно, въ началѣ ноября 1645 г. Аѳанасій былъ освобожденъ изъ заключенія и съ двумя драгунами препровожденъ въ Кіевъ къ митрополиту Петру Могилю, причемъ послѣднему сообщено было желаніе короля, чтобы онъ Филипповича *послалъ въ такое мѣсто, идъ бы онъ не могъ производить шума*. Могила нашелъ болѣе удобнымъ держать Филипповича при себѣ, гдѣ онъ и пребывалъ до самой кончины митрополита. Прибывшій на погребеніе П. Могилы лудцкій епископъ Аѳанасій Пузина, при отъѣздѣ изъ Кіева, взялъ съ собою Филипповича, какъ духовное лицо, принадлежавшее его епархіи, и по желанію брестскаго братства вновь отправилъ его въ качествѣ игумена въ Брестскій монастырь, гдѣ во время казацкаго возстанія онъ схваченъ былъ поляками и за свою ревность къ православію 5 сентября 1648 г. воспріялъ мученическую кончину ¹⁸⁷⁾.

Выступая на общей картинѣ, изображающей борьбу православныхъ съ латино-уніатами за права своей церкви, какъ человѣкъ съ своеобразными пріемами, обусловливаемыми индивидуальными особенностями міросозерцанія и характера, Аѳанасій Филипповичъ,—какъ мы сказали—дополняетъ эту картину новыми красками,—и нельзя не отмѣтить, что не смотря на своеобразіе означенныхъ пріемовъ, доставлявшихъ немало хлопотъ другимъ ревнителямъ православія, общій взглядъ Филипповича на послѣдствія уніи для Польши былъ глубоко вѣренъ и нѣкоторыя его рѣчи на эту тему дышатъ пророческимъ вдохновеніемъ.

¹⁸⁷⁾ Что А. Филипповичъ канонизованный святой,—см. Е. Е. Голубинскаго „Исторію канонизаціи святыхъ въ Русской церкви.“ Сергіевъ Посадъ, 1894 г. стр. 241. Что мученическая кончина Филипповича воспослѣдовала въ указанное нами время,—см. *Рус. Историч. Библия*, издав. Археогр. комисс., т. IV, столб. 151—153.

Во время этой непрестанной борьбы православныхъ съ латиноуніатами, наносившей тяжелыя раны и организму Рѣчи Посполитой, король—какъ мы замѣтили—не переставалъ обольщать себя мыслию о возможности примиренія враждующихъ сторонъ на почвѣ религиозной. Не подлежитъ сомнѣнію, что рѣчи объ этомъ велись королемъ съ представителями обѣихъ сторонъ при всякомъ удобномъ случаѣ, въ особенности же во время сеймовъ, собиравшихъ въ одно мѣсто вліятельныхъ лицъ разныхъ политическихъ и религиозныхъ партій со всѣхъ мѣстъ государства. Надо полагать, что православные по мотивамъ, указаннымъ нами выше, не относились къ проекту короля (какъ и прежде) отрицательно, хотя и предвидѣли всю несбыточность этой затѣи. Владиславъ IV о результатахъ своихъ сношеній съ православными и уніатами по данному вопросу сообщалъ въ Римъ. Разумѣется, онъ обязывался къ тому самою сущностію своего проекта, требовавшаго согласія на него и санкціи со стороны римскаго престола, но была, кажется, и другая причина, почему король *спѣшилъ* извѣщать папу о своихъ стараніяхъ по означенному дѣлу. Мы знаемъ, что положеніе короля, въ виду обостренныхъ отношеній между православными и латиноуніатами, было крайне затруднительное. Съ одной стороны, связанный торжественнымъ обѣщаніемъ быть охранителемъ религиозной свободы и притомъ убѣжденный, что того требуютъ интересы государственные, а съ другой—постоянно получая внушенія изъ Рима оказывать давленіе на „схизматиковъ“ и выслушивая отъ рьяныхъ папистовъ упреки въ индифферентномъ отношеніи къ католицизму, въ неизвинительныхъ для католическаго государя поблажкахъ иновѣрцамъ,—Владиславъ IV постоянно долженъ былъ лавировать между Сциллою и Харибдою. Въ виду такихъ обстоятельствъ, онъ—какъ мы говорили—усиленно сталъ заботиться о *религиозномъ* примиреніи враждующихъ сторонъ, видя въ этомъ единственный исходъ положить конецъ безконечнымъ пререканіямъ и раздорамъ между православными и уніатами,—*причемъ самыя свои старанія объ этомъ могъ считать какъ бы промоотводомъ для себя отъ тѣхъ нареканій въ благосклонности къ православнымъ, которыя въ изобиліи сыпались на него со стороны ультра-католической партіи.* Эти старанія давали ему возможность говорить: „уступки, дѣлаемыя схизмѣ, вызваны необходимостью, но онѣ—явленіе временное и притомъ благоразумное. Имѣйте терпѣніе. Возможно, и я объ этомъ забочусь,

что вскорѣ воспослѣдуетъ объединеніе всей Руси подѣ властію римскаго престола“.

Можно предполагать поэтому, что въ своихъ донесеніяхъ въ Римъ по вопросу о предполагаемомъ религіозномъ примиреніи между православными и уніатами Владиславъ IV, до извѣстной степени, преувеличивалъ свои надежды на благополучный исходъ задуманнаго имъ дѣла, хотя, не подлежитъ сомнѣнію, и самъ онъ въ данномъ случаѣ находился въ заблужденіи. — Но въ Римѣ въ это время довѣріе къ королю было уже значительно поколеблено. И если прежде, при началѣ царствованія Владислава IV, его прозектъ о привлеченіи къ подножію папскаго престола отщепенцевъ отъ него былъ принятъ восторженно,—то теперь къ нему начали относиться здѣсь съ бѣльшею осторожностію, такъ какъ у папской куріи явилось небезосновательное опасеніе, что главною причиною стараній короля по означенному дѣлу являются интересы не столько религіозные, сколько государственные. Вслѣдствіе этого римскій престоль, не переставая осыпать Владислава IV похвалами за его заботы „о привлеченіи схизматиковъ въ лоно католической церкви“ (что искони было его завѣтною мечтою), зорко началъ слѣдить, чтобы эти заботы не выходили изъ предѣловъ, намѣчаемыхъ въ Римѣ. Папская курія весьма подозрительно отнеслась къ учрежденію патріаршества въ западно-русскихъ областяхъ (на что прежде, при Сигизмундѣ III, давалось соизволеніе) и находила неумѣстнымъ, чтобы дѣло о религіозномъ соглашеніи между православными и уніатами обсуждалось на соборѣ, составленномъ изъ представителей той и другой сторонъ, очевидно, опасаясь, что на этомъ соборѣ возможно будетъ такое соглашеніе, которое не только не привлечетъ „въ овчарню св. отца схизматиковъ“, но даже исхититъ изъ нея и прежде загнанныхъ туда (стеченіемъ обстоятельствъ) православныхъ. Римская курія заявляла, что условія уніи съ римскою церковію выработаны уже на Флорентійскомъ соборѣ и потому всякіе разговоры объ этомъ излишни. Вообще какихъ либо разсужденій относительно догматовъ допускать нельзя; возможны только переговоры о желаніяхъ представителей „дизуніи“ (православія) относительно тѣхъ или иныхъ второстепенныхъ пунктовъ: прерогативъ церкви, обрядовыхъ особенностей, матеріальнаго обезпеченія духовенства и т. п.; но обо всемъ этомъ означенные представители могутъ составить письменное заявленіе, которое папскою конгрегаціею

и будетъ разсмотрѣно. Словомъ, римскій престоль желалъ безусловнаго подчиненія православныхъ своей власти: желалъ повторенія Брестской уніи. Неудивительно поэтому, что затѣя короля кончилась ничѣмъ.

Сохранившіяся до нашего времени данныя представляютъ ходъ дѣла по означенному вопросу въ слѣдующемъ видѣ.

На сеймѣ 1638 года переговоры короля съ собравшимися сюда представителями православія и уніи относительно религіознаго между ними примиренія были, надо полагать, очень дѣятельные. Православные и на этотъ разъ не отнеслись отрицательно къ предложенію короля. Они изъявили согласіе на созваніе общаго, для нихъ и уніатовъ, собора и не чуждались мысли объ учрежденіи въ западно-русскихъ областяхъ самостоятельнаго патріархата. Владиславъ IV поспѣшилъ сообщить объ этомъ папѣ, заявляя, что онъ на бывшемъ сеймѣ (1638 г.) „такъ хорошо подготовилъ мысли дизунитовъ къ соединенію съ апостольскою столицею, что надѣется на благопріятныя послѣдствія, *еслибы созванъ былъ соборъ изъ уніатовъ, на которомъ бы дизуниты были просвѣщены и опредѣлены условія ихъ перехода въ унію*“. На этотъ соборъ „для своего просвѣщенія“ имѣютъ быть приглашены „выдающіеся (przedniejszy) дизуниты, какъ духовные, такъ и свѣтскіе“¹⁸⁸). Собственно, король просилъ папу о разрѣшеніи созвать общій для православныхъ и уніатовъ соборъ: онъ только излагаетъ эту просьбу въ деликатныхъ для уха „св. отца“ выраженіяхъ. Такъ письмо короля и повѣщо было въ Римѣ. Результатомъ его была инструкція, данная папскому нунцію въ Польшѣ Филонарду, съ строгимъ наказомъ *всечюло слѣдовать ей, ни на шагъ не отступая*. „Поелику—говорится въ этой инструкціи—общая унія всѣхъ русскихъ зависитъ отъ двухъ главныхъ пунктовъ, изъ коихъ одинъ касается наклоненія ихъ къ принятію догматовъ согласно исповѣданію вѣры, принятому на Флорентійскомъ соборѣ, а другой—установленія условій, на которыхъ они пожелаютъ соединиться съ апостольскою столицею,—то Ваша Превелебность ни подъ тѣмъ, ни подъ другимъ предлогомъ не должны позволять на созваніе собора, на которомъ бы дизуниты имѣли засѣдать вмѣстѣ съ уніатами“. Далѣе указываются причины, почему подобный соборъ не возможенъ. „Во-первыхъ, это ясно воспрещается

¹⁸⁸) Relacye nunciuszów. II. 273.

правомъ каноническимъ, какъ видно изъ канона *подъ* титуломъ *сигнатурисъ*: здѣсь папа Геласій, на основаніи опредѣленія Халкидонскаго собора, осуждаетъ собранія католиковъ со схизматиками и еретиками,—и св. церковь всегда слѣдовала этому наставленію, о чемъ свидѣлствуетъ церковная исторія. *Во-вторыхъ*,—что касается догматовъ, то они не могутъ быть предметомъ разсужденій на народныхъ собраніяхъ. *Въ-третьихъ*, разности между церквами греческою и латинскою опредѣлены уже на упомянутомъ Флорентійскомъ соборѣ, и болѣе не слѣдуетъ о нихъ разсуждать, а быть готовыми къ защитѣ сей правды и жизнью за нее жертвовать“. Далѣе въ инструкціи говорится, что еслибы выдающіеся дизуниты—духовные и свѣтскіе—имѣли быть приглашены на соборъ униатовъ, какъ пишетъ король, исключительно *съ цѣлю просвѣщенія ихъ въ догматахъ вѣры и для опредѣленія условій перехода въ унию*,—то и на это нунцій не долженъ соглашаться, не долженъ соглашаться даже въ томъ случаѣ, еслибы дизуниты предварительно произнесли исповѣданіе вѣры въ формѣ, предназначенной для грековъ, приступающихъ къ униі.—„Но еслибы—читаемъ въ инструкціи—дизуниты, не учинивъ исповѣданія вѣры и отложивъ свое просвѣщеніе (въ догматахъ) ко времени послѣ собора, въ данное время пожелали разсуждать объ условіяхъ перехода въ унию,—на это Ваша Велебность можетъ позволить, *подъ* такимъ условіемъ, чтобы для разсужденій объ этомъ избраны были лица того и другаго обряда, которымъ нашими (т. е. назначенными отъ римской церкви депутатами) должны быть дѣлаемы объясненія относительно всѣхъ ихъ желаній, и на всѣ ихъ вопросы даваемы отвѣты благоразумно, внятно, вразумительно, причемъ отъ споровъ, которые могутъ скорѣе возбуждать, нежели успокаивать умы, должно уклоняться. Что касается до условій, то можно имъ предложить тѣ, которыя были уже приняты (южно-русскими іерархами) при Климентѣ VIII и относительно которыхъ униатами доселѣ не высказано никакой укоризны. Если къ означеннымъ условіямъ пожелали бы присоединить и нѣкоторыя другія,—пусть изложатъ ихъ письменно и вручатъ Вашей Велебности, дабы они могли быть разсмотрѣны здѣсь (въ Римѣ), и если окажутся благоприличными, будутъ подтверждены апостольскою столицею. А такъ какъ при опредѣленіи условій возникнетъ затрудненіе относительно теперешнихъ дизунитскихъ епископовъ, ибо въ одной и той же церкви (нужно бы сказать: епархіи) не можетъ быть двухъ (само-

стоятельныхъ) епископовъ,—то относительно этого можно посоветовать поступить такъ, какъ поступлено было съ Мелетіемъ Смотрицкимъ, который, предъ принятіемъ уніи будучи епископомъ полоцкимъ и не могши вступить на полоцкую кафедру, занятую тогда уніатскимъ архиепископомъ, получилъ титулъ іерополитанскаго *in partibus infidelium*, удерживая бенефиціи (добга), которыми пользовался, когда былъ еще дизунитомъ,—или можно будетъ образовать нѣсколько новыхъ епархій въ обширнѣйшихъ епископіяхъ, подходящихъ подъ условія каноническаго права относительно раздробленія ихъ 189).

Безъ сомнѣнія, тогда же отъ имени папы посланъ былъ и отвѣтъ королю на его просьбу, согласный въ существенныхъ чертахъ съ упомянутою инструкціею нунція. Владиславъ IV не могъ остаться доволенъ такимъ отвѣтомъ, какъ чрезвычайно усложнявшимъ (можно сказать: дѣлавшимъ безнадежнымъ) осуществленіе задуманнаго имъ дѣла о религіозномъ примиреніи между враждующими сторонами. Король не могъ не сознавать, что унія въ томъ видѣ, въ какомъ она доселѣ существовала съ западно-русскихъ областяхъ *ненавистна* православнымъ и потому получить на нее согласіе отъ послѣднихъ—дѣло невозможное. Вслѣдствіе этого онъ обратился къ папѣ съ новымъ письмомъ (и, вѣроятно же всего, не однимъ), повторяя прежнюю просьбу о дозволении созвать общій соборъ изъ уніатовъ и православныхъ для разсужденій о религіозномъ соглашеніи между ними. Но изъ Рима отъ имени папы послѣдовалъ лаконическій отвѣтъ (25 авг. 1640 г.), гдѣ „св. отецъ“, восхваляя заботливость короля о привлеченіи „русскихъ“ къ уніи, настоятельно требуетъ, чтобы король въ этомъ „первостепенной важности дѣлѣ“ *вспиряло* слѣдовалъ указаніямъ нунція и давалъ „его словамъ полную вѣру“ 190).—Такое положеніе дѣлъ было неблагоприятно для замысловъ короля относительно религіознаго соглашенія между православными и уніатами, тѣмъ не менѣе заботы его объ этомъ не прекращались. Не подлежитъ сомнѣнію, что рѣчами по данному вопросу перекидывались иногда между собою и самые представители церкви православной и уніатской. До нашего времени дошли два письма мстиславскаго епископа Сильвестра Коссова къ полоцкому уніатскому

¹⁸⁹⁾ Relacye nuncioszów. II. 272—275.

¹⁹⁰⁾ Theiner. Vetera Monum. Poloniae et Lithuaniae. t. III. № CCCLXVII.

архієпископу Антонію Селявѣ, находившемуся съ нимъ (какъ мы говорили) въ постоянной тяжбѣ. Содержаніе перваго письма (отъ 18 апрѣля 1639 года) слѣдующее: „Преосвященнѣйшій и пречестнѣйшій владыко! Скорблю о нашихъ распряхъ, но выразить ничего не смѣю. *Ибо многое могу сказать, но не писать. И такъ, Ваше Преосвященство, вѣрите мнѣ въ томъ, что я искренно желаю дѣйствовать къ преспянію общаго блага.* Свидѣтели мнѣ Богъ и Пречистая Матерь Его! Нѣтъ мѣста болѣе удобнаго и далекаго отъ нашего (?) неосновательнаго подозрѣнія, какъ у кого-либо изъ витебскихъ благородныхъ особъ, напр., у земскаго писаря Гурко. Время же для этого назначу послѣ“. Внизу письма помѣщена слѣдующая приписка: „*Октавіану* (очевидно, подателю письма) *я поручилъ передать многое лично*“¹⁹¹).

Приведенное письмо отличается неопредѣленностію выраженій и большими недомолвками, изъ которыхъ, пожалуй, можно бы дѣлать неблагоприятныя для его автора заключенія, какъ о лицѣ, склонномъ къ уніи съ Римомъ, на желаемыхъ послѣднимъ условіяхъ. Но другое письмо Коссова къ тому же Селявѣ, писанное спустя пять недѣль послѣ перваго (24 мая 1639 г.), въ достаточной степени выясняетъ намъ, *на какую унію* съ римскою церковію или съ самими уніатами согласенъ былъ мстиславскій епископъ и при какомъ непремѣнномъ условіи. „Безъ воли константинопольскаго патріарха—писалъ Коссовъ—я не могу приступить къ уніи, а самую унію понимаю, какъ возвращеніе къ состоянію церкви во времена святителей: Григорія, Василія, Аѳанасія. „*Tali ô Deus—читаемъ въ означенномъ письмѣ—unioni per vos et nos providi, ut Gregoriana, Basiliana, Athanasiana e cineribus suscitata appareant saccula.*“ Подъ актомъ такой уніи Коссовъ готовъ подписаться съ величайшею готовностію (*ardentissimo corde*¹⁹²).

Во время сейма 1641 года вопросъ о религіозномъ примиреніи между православными и уніатами, разумѣется, по инициативѣ короля, снова былъ поднятъ. Глухое упоминаніе объ этомъ находится въ дневникѣ Радзивилла. Здѣсь, подъ 18 сентября, читаемъ: „*были разсужденія сенаторовъ у краковскаго бискупа относительно примиренія уніатовъ со схизматиками*“¹⁹³). Возможное дѣло, что здѣсь опять

¹⁹¹) Витебская Старина, изд. Сапунова, т. V, ч. I. № 96, стр. 147—148.

¹⁹²) Архивъ греко-уніат. митроп. при св. Синодѣ,—связка № 38.

¹⁹³) Pamiętniki Radziwiłła. II. 43.

были рѣчи о созваніи общаго собора изъ представителей той и другой враждующихъ сторонъ; возможно, что на такой соборъ дано было согласіе и православными. По крайней мѣрѣ, какъ мы въ своемъ мѣстѣ подчеркнули, обычные протестаціи со стороны ультра-католической партіи противъ благопріятной для православныхъ конституціи не были *своевременно* занесены, очевидно, въ виду ожидаемыхъ послѣдствій отъ состоявшагося на сеймѣ уговора.

Но Римъ упорно стоялъ на своемъ рѣшеніи по данному вопросу, высказанномъ въ инструкціи папскому нунцію въ Польшѣ Филонарду, и приказалъ послѣднему занести протестацію противъ состоявшейся на сеймѣ конституціи относительно греческой религіи, что—какъ мы видѣли—имъ и было исполнено. Словомъ, папа требовалъ отъ короля или повсемѣстнаго введенія въ западно-русскихъ областяхъ уніи на основаніи постановленій Флорентійскаго собора, или же, въ случаѣ несогласія на такую унію со стороны православныхъ, *отобранія отъ нихъ выданныхъ привиллегій*, т. е. уничтоженія извѣстныхъ „статей успокоенія“, не разъ уже подтвержденныхъ сеймами. Но даже многіе изъ ревностныхъ католиковъ не могли одобрить послѣдняго, такъ какъ для всѣхъ очевидно было, что уничтоженіе статей успокоенія неизбежно привело бы Рѣчь Посполитую къ междоусобной войнѣ. Поэтому на этотъ разъ папскому нунцію удалось склонить къ означенному протесту самое незначительное количество сановныхъ лицъ.

Недовольство Владислава IV римскимъ престоломъ, возбужденное отношеніями послѣдняго къ его проекту о религіозномъ примиреніи между православными и уніатами, вскорѣ нашло для себя новую пищу и въ другихъ, несогласныхъ съ видами короля, а иногда и прямо оскорбительныхъ для него поступкахъ со стороны папы. До крайности обострены были у Владислава IV отношенія и съ ближайшимъ представителемъ апостольской столицы—нунціемъ Филонардомъ. А когда сдѣлалось извѣстнымъ перехваченное письмо послѣдняго въ Римъ, гдѣ король подвергался разнымъ нареканіямъ, и, между прочимъ, *за пріязнь къ еретикамъ и схизматикамъ*,—Владиславъ IV энергично потребовалъ немедленнаго отзыва Филонарда изъ Польши¹⁹⁴). Папа нунція отозвалъ, но новаго не прислалъ. Отношенія между

¹⁹⁴) Ibid. II. 92, 93, 110.

римскимъ престоломъ и польскимъ дворомъ приняли характеръ чрезвычайно натянутый ¹⁹⁵⁾).

Потерявъ надежду на благопріятный исходъ своихъ просьбъ въ Римѣ относительно разрѣшенія папы на созваніе собора для указанной вами цѣли и порвавъ дружественныя сношенія съ апостольскою столицею,—Владиславъ IV не только не отказался отъ своихъ замысловъ „уврачевать раны Рѣчи Посполитой“ путемъ религіознаго соглашения между враждующими сторонами, но и значительно расширилъ ихъ: онъ уже мечтаетъ и заботится не только о религіозномъ примиреніи православныхъ съ уніатами, но о таковомъ же примиреніи между католиками и диссидентами (протестантами разныхъ фракцій), намѣреваясь достигнуть этого и въ послѣднемъ случаѣ тоже чрезъ созваніе общаго собора.

Разумѣется, о такихъ замыслахъ короля скоро узнали въ Римѣ, и здѣсь они произвели тревогу. Что касается до давняго и уже не разъ обсуждавшагося вопроса о религіозномъ соглашеніи между православными и уніатами, то папа, не имѣя въ данное время нунція въ Польшѣ, послѣшилъ разослать многочисленныя письма къ выдающимся духовнымъ лицамъ, католикамъ и уніатамъ, съ предостереженіями, чтобы они, всячески заботясь о распространеніи уніи, имѣли при этомъ въ виду исключительно интересы католической церкви и чистоту ея ученія, такъ какъ внѣ этой церкви нѣтъ и не можетъ быть спасенія ¹⁹⁶⁾. Одновременно съ этими письмами послано было письмо и къ королю. „Намъ извѣстно—писалъ папа Владиславу IV,—что рускіе уніаты не нуждаются въ ходатайствѣ за нихъ предъ тобою, потому что ты, по внушенію своего примѣрнаго благочестія, всегда окружаешь ихъ своимъ милостивымъ покровительствомъ и употребляешь всѣ средства, зависящія отъ твоей королевской власти, *чтобы сдѣлать русскую унію всеобщою*. Однако, по своей первосвященнической заботливости объ уніатахъ, мы настойчиво требуемъ, дабы ты неослабно оберегалъ дѣло ихъ, которое есть и дѣло Божіе, и обнаруживалъ непрестанную ревность о славѣ Божіей и общемъ спасеніи“ ¹⁹⁷⁾.

¹⁹⁵⁾ Ibid. II. 127.

¹⁹⁶⁾ Theiner. Vetera Monum. Poloniae et Lithuaniae, t. III. № CCCLXXIII, примѣч. къ документу № CCCLXXV.

¹⁹⁷⁾ Theiner. Vetera Monum. Polon. et Lithuaniae, t. III, № CCCLXXX.

Въ это же время папою посланы были письма и къ вліятельнѣйшимъ лицамъ изъ среды православныхъ. Такихъ писемъ извѣстно два: къ черниговскому воеводѣ Адаму Киселю и кievскому митрополиту Петру Могилѣ.

Въ письмѣ къ Киселю папа, указавъ на то, что „виѣ судна св. Петра, которое направляется къ вратамъ вѣчнаго блаженства, не можетъ быть спасенія,“ — обращается къ черниговскому воеводѣ, какъ человѣку извѣстному по своему общественному положенію, уму и образованію, съ приглашеніемъ къ соединенію съ римскою церковію, чѣмъ онъ приумножитъ снисканную имъ славу. „О если бы—воскликаетъ папа—возсіялъ счастливый и радостный день, когда, при ликованіи ангеловъ, мы могли бы благословить тебя (славный мужъ), какъ призваннаго въ усыновленіе сыновъ Божіихъ“!... и т. д. 198).

Письмо къ Петру Могилѣ приводимъ въ полномъ видѣ.

„Почтенный братъ! спасеніе и свѣтъ Божественной благодати (да пребудутъ съ тобою)! Хотя мы знаемъ, что различіе въ вѣрѣ отдѣляетъ насъ отъ твоего собратства (Fraternitatem) не менѣе разстоянія, однако апостольская заботливость обращаетъ къ тебѣ взоры, желая привлечь тебя во святилище католической вѣры, гдѣ Господь избралъ себѣ обитель, и призвать на безопаснѣйшій путь, при шествіи по которому первосвященническіе ключи отверзаютъ вѣрующимъ народамъ врата вѣчнаго царствія. Выслушай, почтенный братъ, спасительные совѣты, которые тебѣ предлагаются не столько городомъ, который есть отечество народовъ и учительница истины, сколько самимъ небомъ. Позаботься о собственномъ спасеніи и о спасеніи другихъ, которые шествуютъ по твоимъ стопамъ и легко воспослѣдуютъ по дорогѣ, которую ты указалъ бы имъ своимъ примѣромъ. О семъ первостепенной важности дѣлѣ тебѣ пришлетъ подробное письмо священная конгрегація кардиналовъ, которая содѣйствуетъ распространенію католической вѣры; если же что потребуетъ болѣе опредѣленнаго разъясненія и обширнѣйшаго разсмотрѣнія, ты можешь прислать къ намъ двухъ искуснѣйшихъ монаховъ, которыхъ мы примемъ дружественно и благосклонно. Они, безъ сомнѣнія, распознаютъ, сколь чисто, вѣрно себѣ и богато всевозможными добродѣтелями уче-

¹⁹⁸⁾ Ibid. t. III № CCCLXXIV.

ніе, которое исповѣдуетъ достопочтенная каеэдра св. Петра. Тогда, мы надѣмся, они, просвѣщенные спасительными познаніями, возвратятся къ вамъ, проповѣдуя свидѣтельства Господни, при помощи которыхъ души твоихъ людей, *будучи исхищены изъ пастей адскихъ волковъ, приведутся въ правдивую овчарню Христову*. Мы уповаемъ, что Всевышній, коему въ своихъ усерднѣйшихъ молитвахъ мы всегда поручаемъ весь русскій народъ, по первосвященническимъ прошеніямъ даруетъ желаемый успѣхъ. Ибо если Онъ всемогущъ собрать разсѣянныхъ повсюду Израильтянъ, то можетъ, при наитіи Святаго Духа, произрастить въ твоёмъ сердцѣ плоды вѣчнаго спасенія, напоенные драгоцѣнною кровію, истекшею изъ ранъ Господа. Мы желаемъ душѣ нашей такого именно утѣшенія и молимъ Отца свѣтовъ ниспослать тебѣ, братъ, лучи его благодати“¹⁹⁹).

Спустя нѣсколько дней послано было П. Могилѣ общанное въ письмѣ папы посланіе отъ конгрегаціи кардиналовъ. Кардиналы писали, что холмскій уніатскій епископъ Меѳодій (Терлецкій) донесъ конгрегаціи о распространеніи вѣры, о высокихъ добродѣтеляхъ, ученіи и ревности его, Могилы, и черниговскаго каштеляна Адама Киселя. Это донесеніе подало высокопоставленнымъ отцамъ немалую надежду увидѣть всю Россію возсоединенною со св. сѣдалищемъ апостольскимъ, подобно тому, какъ около двухъ столѣтій тому назадъ подобное соединеніе состоялось при всероссійскомъ митрополитѣ, впоследствии кардиналѣ, Исидорѣ на вселенскомъ Флорентійскомъ соборѣ. Ибо когда подобное дѣло ведется съ людьми благоразумнѣйшими и къ доброму имѣющими склонность, то ихъ не трудно привести къ познанію истины. Для ознакомленія съ трагуемымъ предметомъ конгрегація посылаетъ въ переводѣ на латинскій языкъ сочиненіе Геннадія, нѣкогда патріарха константинопольскаго, въ защиту опредѣленій Флорентійскаго собора, противъ коихъ возсталъ Маркъ Ефесскій, побужденный къ тому завистію вслѣдствіе неполученія имъ кардинальскаго достоинства, которымъ почтены были Исидоръ и Виссаріонъ. Послѣ безпристрастнаго ознакомленія съ означенною книгою, еслибы въ чемъ либо оставалось сомнѣніе, его можно будетъ разрѣшить чрезъ присылку въ Римъ двухъ ученѣйшихъ монаховъ, которые

¹⁹⁹) Ibid. t. III, pag. 425.

здѣсь будутъ весьма любезно приняты и благосклонно выслушаны. О выполненіи этого предложенія кардиналы усиленно просятъ Моги-лу. При обсужденіи вопроса о соединеніи съ апостольскимъ сѣдалищемъ, по мнѣнію конгрегаціи, пужно имѣть въ виду и поразмыслить о слѣдующихъ трехъ фактахъ: во-первыхъ, что изъ апостольскихъ столицъ одна только римская церковь имѣетъ непрерывное преемство-ваніе первосвященниковъ и содержитъ православную вѣру и ученіе, унаслѣдованная ею отъ первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла; ибо на прочихъ столицахъ, въ особенности главнѣйшихъ, каковы Константинопольская, Александрійская, Антиохійская и Иерусалимская часто возсѣдали еретики, которые повредили чистоту апостольскаго ученія, и въ настоящее время когда число патріарховъ умножилось съ названіями (большею частію) примѣнительно къ восточнымъ на-родностямъ (армяне, несторіане, яковиты, копты, мелхиты), они унаслѣдовали разнообразныя заблужденія своихъ предшественни-ковъ. Во-вторыхъ, римская церковь имѣетъ отъ Господа, въ лицѣ Петра, обѣщаніе, что не скудѣетъ его вѣра, каковое обѣщаніе чрезъ всѣ вѣка и до настоящаго времени, чрезъ упомянутое непрерывное преемство римскихъ первосвященниковъ, исполняется. Въ-третьихъ, что всѣ упомянутыя апостольскіе престолы, которые отторглись отъ римскаго, стенаютъ подъ игомъ рабства невѣрныхъ; римское же сѣ-далище, благодаря особенному присутствію въ ней Духа Святаго, про-цвѣтаетъ и пользуется полною свободою. Относительно этого нахо-дится опредѣленное мнѣніе пророковъ въ книгахъ Судей и Царствъ, изъ коихъ поучаемся, что народъ Божій всякій разъ, какъ только склонялся къ идолопоклонству, т. е. удалялся отъ истиннаго Богопо-читанія, всегда пребывалъ подъ тяжелымъ ярмомъ рабства Филистим-лянъ или Халдеевъ. — Письмо заканчивается просьбою обсудить и взвѣ-сить все сказанное и внимательно ознакомиться съ посылаемыми со-чиненіями (кромѣ сочиненія Геннадія посланы были опредѣленія Фло-рентійскаго собора), что, при помощи Божіей, можетъ привести къ общей уніи русской церкви съ римскою и покроетъ немалою славою ревнующихъ объ этомъ. Какъ на ближайшія послѣдствія отъ озна-ченной уніи (кромѣ надежды на вѣчное спасеніе) конгрегаціею вы-ставляется освобожденіе русской церкви *отъ ша константинополь-скихъ патріарховъ*, которые не учатъ народъ, а только обременяютъ его поборами, сами поставляются незаконно, противоканонически, и

другихъ посвящаютъ подобнымъ образомъ вслѣдствіе всюду царящей здѣсь симоніи 200).

Безъ сомнѣнія, означенныя посланія поняты и оцѣнены были Петромъ Могилою надлежащимъ образомъ, и если у него (допустимъ это) еще и доселѣ по временамъ появлялась мысль о возможности *взаимообщенія* между церквями православною и католическою, съ сохраненіемъ за первою завѣщанныхъ древностію особенностей въ ученіи, управленіи и обрядности, то теперь мысль эта,—надежда на возвращеніе къ церковному единенію первыхъ вѣковъ христіанства,—должна была быть совершенно оставлена. Римскій престолъ ясно и опредѣленно высказалъ свой, дышащій фанатизмомъ, взглядъ на православіе, какъ религію *ведущую къ душевной погибели* и, не обинуясь, заявилъ, что на унію онъ смотритъ какъ на средство *исхитить изъ пасти адскихъ волковъ души схизматиковъ*. Понятное дѣло, поставленный папскою курією на такую почву вопросъ объ уніи не могъ имѣть никакого успѣха, и письма папы и его конгрегаціи оставлены были Могилою безъ отвѣта.

Повидимому, болѣе благопріятное теченіе приняло задуманное въ данное время королемъ дѣло *о религіозномъ соглашеніи католиковъ съ диссидентами*, достигнуть чего—какъ мы замѣтили—Владиславъ IV намѣревался тоже посредствомъ собора, составленнаго изъ представителей той и другой стороны. Правда, и на этотъ соборъ папа не давалъ своего согласія; но король, опираясь на поддержку со стороны польскихъ бискуповъ, рѣшился въ данномъ случаѣ обойтись безъ соизволенія „апостольской столицы,“ и съѣздъ (соборъ) для разсужденій о религіозныхъ разногласіяхъ между католиками и диссидентами былъ назначенъ на 10 сентября 1644 года въ Торунѣ. Къ этому времени католическіе богословы дѣйствительно прибыли въ означенный городъ, но по просьбѣ диссидентовъ, желавшихъ подготовиться къ преніямъ съ католиками и просившихъ короля лично присутствовать, въ качествѣ верховнаго судьи, при означенныхъ преніяхъ,—съѣздъ былъ отсроченъ до сентября слѣдующаго (1645-го) г., когда дѣйствительно и состоялся.—

200) *Прилож. № LXIX.*

Намъ нѣтъ надобности останавливаться на Торунскомъ colloquium'ѣ католиковъ съ диссидентами, не приведемъ ни къ какому соглашенію сторонъ и только воочію обнаружившемъ несбыточность оптимистическихъ надеждъ короля по вопросу о примиреніи между разномыслящими въ вѣрѣ; но мы считаемъ не лишнимъ ознакомиться въ существенныхъ чертахъ съ рѣчью Владислава IV, обращенною къ диссидентскимъ депутатамъ, просившимъ его объ отсрочкѣ сѣзда, такъ какъ рѣчь эта характеризуетъ воззрѣнія короля на религіозныя разногласія между его подданными и уясняетъ побужденія, которыми онъ руководился, прилагая усиленныя старанія къ смягченію указанныхъ разногласій.

Въ упомянутой рѣчи король объясняетъ созваніе сѣзда въ Торунѣ желаніемъ положить конецъ тѣмъ огорченіямъ изъ-за религіозной вражды между католиками и диссидентами, которыя испытываютъ не только диссиденты, но и самъ онъ, король. Его душевное спокойствіе нарушено; онъ со стороны бискуповъ постоянно осаждается настойчивыми просьбами по вопросамъ религіознымъ, которыя трудно разрѣшимы. Въ подтвержденіе сказаннаго король указываетъ на виленскую „справу“, во время которой „какія безпокойства и непріятности приходилось ему испытывать, могли бы рассказывать, если бы были живы, князь Христофоръ Радзивиллъ, бѣльскій воевода Рафаиль Лещинскій и панъ Рей; знаетъ объ этомъ и князь Янушъ Радзивиллъ (подкоморій литовскій)“. Владиславъ IV клятвенно завѣряетъ диссидентскихъ депутатовъ, что его намѣренія по отношенію къ иновѣрцамъ самыя доброжелательныя: онъ всегда держитъ въ памяти присягу, данную при вступленіи на престолъ, какъ католикамъ, такъ и диссидентамъ, и потому если бы онъ усматривалъ для послѣднихъ хотя малѣйшій вредъ и опасность отъ предполагаемаго сѣзда, то не склонялъ бы ихъ къ тому. Притомъ свобода дѣйствій для пріѣхавшихъ вполне обезпечена: каждый можетъ, когда ему угодно, уѣхать изъ Торуня, сохраняя права и неприкосновенность своей религіи, „ибо мы—говорилъ король—желаемъ *не преобразовывать васъ въ религіозномъ отношеніи, но примирить* (nie reformować, ale conciliare)“. Главная цѣль сѣзда—это разъясненіе недоразумѣній. Слишкомъ много говорится несправедливаго католиками о диссидентахъ, и наоборотъ. Если же всѣ эти недоразумѣнія будутъ на сѣздѣ выставлены на видъ, тогда обѣ стороны удобнѣе могутъ усмотрѣть, что существен-

ныхъ религіозныхъ разногласій между ними нѣтъ, или мало. Но еслибы съѣздъ и не имѣлъ никакого успѣха въ смыслѣ религіознаго объединенія между разномыслящими, хорошимъ результатомъ былъ бы и тотъ, еслибы стороны перестали съ отвагою и дерзостию осуждать другъ друга, и католики не говорили бы болѣе: „ты панъ Рей, ты панъ Бжостовскій пойдете до некла!“²⁰¹).

Подготовленія къ торунскому съѣзду не могли не вызвать нѣкотораго волненія и въ средѣ православныхъ. Вслѣдствіе постоянныхъ враждебныхъ столкновеній съ униатами, мысль о соглашеніи съ послѣдними была для нѣкоторыхъ православныхъ столь ненавистною, что они (очевидно, подъ вліяніемъ толковъ о торунскомъ съѣздѣ) готовы были вступить въ переговоры о религіозномъ соглашеніи, минуя униатовъ, непосредственно съ католиками. По крайней мѣрѣ, подобную мысль высказалъ на луцкомъ провинціальномъ сеймѣ князь Михайлъ Чарторижскій. Въ инструкцію, составленную на означенномъ сеймѣ для пословъ, отправляемыхъ на общій варшавскій сеймъ 1645 г., князь настоялъ включить (непосредственно послѣ пункта, гдѣ трактовалось объ успокоеніи греческой религіи) слѣдующую прибавку: „А когда все это совершенно и дѣйствительно успокоено будетъ, мы съ цѣлію, чтобы на будущее время нѣсколько духовныхъ, принявшихъ унию, не верховодничали надъ всѣмъ русскимъ народомъ и своими дѣйствіями не нарушали миръ и спокойствіе въ Рѣчи Посполитой,— мы сами добровольно желаемъ имѣть съ ихъ милостями панами католиками братскій colloquium для разсужденій о желаемомъ примиреніи, но не съ тѣми, которые, означенную унию самовольно, въ числѣ нѣсколькихъ только особъ принявши, внесли въ Рѣчь Посполитую раздоры и вражду. Къ этому присовокупляемъ такое заявленіе, что если означенное соглашеніе при посредствѣ нашемъ и нашего духовенства состоится, то тѣ ихъ милости, которые отъ насъ отдѣлились, должны или возвратиться къ намъ или же обязанности будутъ уступить всѣ (завиаемые ими) бенефиціи, церкви, монастыри и каѳедры. Когда все это послами будетъ заявлено и въ исполненіи сеймомъ обезпечено, тогда могутъ они согласиться въ опредѣленное время на означенный

²⁰¹) Dzieje narodu Polskiego za panowania Władysława IV. Kwiatkowskiego, изд. 1823. стр. 422—424, (по рукописи, принадлежавшей автору).

colloquium, а мѣсто для сего указать въ Луцкѣ²⁰²⁾. Разумѣется, это мнѣніе о благовременности colloquium'a православныхъ съ католиками есть личное мнѣніе князя Чарторижскаго (почему оно къ инструкціи приложено было „на особенной картѣ“, за подписью его одного), но оно могло раздѣляться и нѣкоторыми другими лицами, и во всякомъ случаѣ характерно въ смыслѣ иллюстраціи отношеній, установившихся между православными и уніатами, и уясненія взглядовъ первыхъ на послѣднихъ.

Во время приготовленій къ торунскому съѣзду скончался папа Урбанъ VIII, и 15 сентября 1644 года на его мѣсто избранъ былъ Иннокентій X. Новый папа былъ расположенъ къ Польшѣ и Владиславу IV. Прерванныя отношенія между римскимъ престоломъ и польскимъ королемъ возобновились. Однимъ изъ первыхъ распоряженій Иннокентія X относительно Польши было назначеніе сюда своего нунція, на каковой постъ избранъ былъ адрианопольскій архіепископъ Янъ де Торресъ (сынъ кардинала Торреса, бывшаго тоже нунціемъ въ Польшѣ). Предъ его отправленіемъ къ мѣсту назначенія состоялось, подъ предсѣдательствомъ кардинала Барберини, 15 марта 1645 года, засѣданіе членовъ конгрегаціи по вопросу о средствахъ привлеченія къ уніи всѣхъ русскихъ, находившихся подъ властію Польши. Ближайшимъ поводомъ къ разсужденіямъ по данному вопросу были: письмо Владислава IV къ новому папѣ, съ просьбою о содѣйствіи въ этомъ дѣлѣ, и тогда же доставленный въ конгрегацію, по всей вѣроятности, отъ уніатскаго митрополита Антонія Селявы, письменный трактатъ о томъ же самомъ предметѣ, подъ заглавіемъ: *sententia cujusdam Nobilis Poloni Graecae Religionis*,—гдѣ шла рѣчь о всеобщей уніи всѣхъ русскихъ съ римскимъ престоломъ, о средствахъ къ ея распространенію и, наконецъ, объ условіяхъ, при которыхъ желательно ея осуществленіе.

Постановленіе конгрегаціи изложено было въ *восьми* пунктахъ.

Въ *первомъ* говорилось о томъ, что распространеніе уніи въ Польшѣ должно быть всячески поддерживаемо. Королю рѣшено послать письмо съ выраженіемъ одобренія его ревности въ этомъ дѣлѣ и убѣжденіемъ неослабно, чрезъ зависящія отъ него средства, заботиться о привлеченіи къ единенію съ Римомъ *дизунитскихъ прелатовъ и свят-*

²⁰²⁾ Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. II, т. I. № XXV, стр. 288.

скихъ наиболѣе вліятельныхъ лицъ (воеводъ и другихъ сановниковъ), съ предложеніемъ въ остальномъ (о способахъ введенія уніи) слѣдовать указаніямъ нунція.

Во *второмъ* пунктѣ категорически заявлялось, что относительно догматовъ русскіе должны слѣдовать *опредѣленію Флорентійскаго собора* и при этомъ только условіи воссоединяемы съ римскою церковію.

Въ *третьемъ*—идутъ довольно длинныя рѣчи о томъ, что послѣ введенія уніи русскій митрополитъ можетъ избираться своими архіепископами и епископами, и что самъ онъ можетъ посвящать въ подвѣдомственныхъ ему епархіяхъ епископовъ, не испрашивая на то позволенія отъ апостольскаго сѣдалища. Но означеннымъ правомъ митрополитъ имѣеть пользоваться только подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, если сверхъ произнесенія исповѣданія вѣры согласно формѣ, установленной для восточныхъ, и заявленія о послушаніи римскому папѣ, будетъ просить и получить отъ него подтвержденіе (confirmationem) своего избранія. Въ необходимости имѣть такое подтвержденіе митрополитъ можетъ быть убѣждаемъ *доводами и примѣрами*. Изъ *доводовъ* указываются слѣдующіе: а) согласно съ священными канонами конфирмація должна быть испрашиваема отъ высшаго, а такъ какъ чрезъ принятіе уніи для митрополита таковымъ старѣйшиною является папа, то, слѣдовательно, отъ него онъ и долженъ получить утвержденіе въ своихъ правахъ; б) еслибы митрополитъ уклонился отъ обращенія съ означенною просьбою къ папѣ, то онъ оказался бы *акефальнымъ*, что находилось бы въ несогласіи и противорѣчьи съ понятіемъ объ уніи; в) общеніе съ апостольскимъ сѣдалищемъ, послѣ принятія уніи, составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ для него, митрополита, догматовъ, что въ данномъ случаѣ и свидѣтельствуется утвержденіемъ и посвященіемъ его по распоряженію означеннаго сѣдалища.—*Примѣры* приводятся слѣдующіе: а) когда при Климентѣ VIII состоялась унія съ русскою церковью, то тогда въ особенности твердо было установлено, чтобы митрополитъ испрашивалъ себѣ подтвержденіе у сѣдалища апостольскаго; б) когда при Иннокентіи III марониты, живущіе въ горахъ ливанскихъ и другихъ странахъ Сиріи, заключили унію съ сѣдалищемъ апостольскимъ, то при этомъ поставлено было условіемъ, чтобы патріархъ, избранный маронитскими архіепископами и епископами, просилъ подтвержденія

у папы, что до настоящаго времени вновь избираемыми патриархами и исполняется.

Четвертымъ пунктомъ русскому митрополиту предоставляется право отправлять доношенія въ Римъ, а равно получать оттуда всякаго рода буллы и распоряженія, касающіяся уніи, бесплатно, какъ это было и до настоящаго времени.

Въ *пятомъ* пунктѣ идетъ рѣчь о соборѣ, который намѣревается собрать уніатскій митрополитъ въ видахъ болѣе успѣшнаго распространенія уніи между всѣми русскими. Конгрегация рѣшила, что въ этомъ случаѣ должно уступить просьбѣ митрополита, но опять съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы на означенномъ соборѣ не участвовали не уніаты. Послѣднее не можетъ быть дозволено по соображеніямъ, высказаннымъ въ инструкціи прежнему нунцію Филонарду.

Шестымъ пунктомъ возлагается на нунція обязанность, прежде какихъ либо опредѣленныхъ рѣшеній относительно распространенія уніи, войти въ сношенія съ высшими уніатскими духовными особами, особенно митрополитомъ Селявою и холмскимъ епископомъ Мео. Терлецкимъ, и выслушать ихъ мнѣніе по данному предмету, такъ какъ они могутъ оказать нунцію существенную помощь; при этомъ предлагается внушить означеннымъ лицамъ, что предполагаемая уніа не будетъ введена во вредъ ихъ интересамъ.

Въ *седмомъ* пунктѣ трактуется о затрудненіяхъ, на которыя обращено было вниманіе нѣкоторыхъ членовъ конгрегации при разсужденіи объ уніи. Именно, указывалось на слѣдующее: во-первыхъ, можетъ случится, что принять унію изъявятъ желаніе только русскіе іерархи, а народъ отвергнетъ ее; отсюда является опасеніе, какъ бы послѣдній, съ цѣлію удовлетворенія своихъ религіозныхъ нуждъ, не обратился къ константинопольскому патриарху съ просьбою о посвященіи другихъ схизматическихъ епископовъ; во-вторыхъ, трудно допустить, чтобы новыя уніатскіе епископы уступили свои церкви (каѳедры) прежнимъ уніатамъ и наоборотъ; отсюда неизбежно случится, что одна каѳедра будетъ имѣть двухъ епископовъ, а это противорѣчитъ соборнымъ постановленіямъ.—Относительно этихъ затрудненій конгрегация рѣшила въ данное время вопроса не поднимать, такъ какъ о нихъ ничего не говорится въ доставленныхъ въ Римъ проэктахъ

уніи. Если же со временемъ вопросъ этотъ будетъ поднятъ заинтересованными сторонами, то отвѣтъ на него всегда найдется.

Въ послѣднемъ, *восемьмъ* пунктѣ идетъ рѣчь объ инструкціи папскому нунцію, которому рекомендуется ознакомиться съ воззрѣніями на предполагаемую унію митрополита и епископовъ не уніатскихъ, въ особенности епископа луцкаго, какъ человѣка болѣе ученаго, разузнать о желаніяхъ по данному вопросу короля, канцлера Оссолинскаго и другихъ лицъ, способныхъ оказать поддержку дѣлу уніи. Всѣ полученныя свѣдѣнія нунцій долженъ сообщить конгрегаци²⁰³.

На другой день (17 марта) нунцію Торресу вручена была и самая инструкція по означенному дѣлу. Приводимъ ее въ полномъ видѣ.

„Русскіе дизуниты чрезъ уніатскаго митрополита (Антонія Селяву) уже два раза изъявляли желаніе соединиться съ римскою церковію; но дѣло это послѣдствій не имѣло, потому что они желали имѣть патріарха на Руси и участвовать (для разсужденія объ условіяхъ уніи) въ засѣданіяхъ на уніатскомъ соборѣ, чего апостольская столица позволить не могла по причинамъ, изложеннымъ въ инструкціи, данной святой памяти монсеньеру Филонарду, и прилагаемой здѣсь въ копіи.

Но такъ какъ въ настоящее время они отказались отъ своихъ претензій, и ихъ митрополитъ (какъ *догадывается* отецъ Валеріанъ, калуцинь, миссіонеръ конгрегациі de propaganda fide, прибывшій въ Римъ съ письмами отъ польскаго короля) рѣшилъ заботиться о распространеніи уніи между всѣми русскими,—то конгрегациа для распространенія святой католической вѣры, разсуждая, что не слѣдуетъ упускать столь благопріятнаго для сего времени, чрезвычайно желаетъ дать движеніе этому, столь важному для спасенія душъ, дѣлу, весьма озабочена приведеніемъ его къ окончанію и потому поручаетъ его благоразумію велебнаго пана (нунціа). А такъ какъ въ этомъ дѣлѣ многое зависитъ отъ секретнаго дѣйствованія, ты долженъ разсуждать о немъ только съ королемъ, канцлеромъ Оссолинскимъ, митрополитомъ уніатскимъ и ксендзомъ Терлецкимъ, бискупомъ холмскимъ; отъ послѣднихъ можно узнать, какъ должно воздѣйствовать на гнѣзненскаго архіепископа, чтобы онъ оказывалъ содѣйствіе въ этомъ

²⁰³) Relacye nunciuszów. II. 275—276.

дѣлѣ передъ королемъ, защищалъ оное и поддерживалъ на сеймѣ, когда оно будетъ туда внесено. Отъ митрополита и холмскаго бискупа можешь получить достовѣрнѣйшія свѣдѣнія о подготовленіяхъ, наклонностяхъ и намѣреніяхъ дизунитовъ, *которые или дѣйствительно стремятся къ доброму, или же только домогаются уничтоженія уніи и отнятія отъ уніатовъ бенефицій и церквей*, на что уже неоднократно покушались на сеймахъ.

Прежде чѣмъ, велебный панъ, приступишь къ разсужденію объ уніи, ты хорошо долженъ разузнать объ образѣ жизни и обычаяхъ Могилы, митрополита дизунитскаго, а также объ его характерѣ, учености и намѣреніяхъ, каковыми онъ руководствуется въ означенномъ дѣлѣ. Они могутъ быть духовныя (и это было бы самое лучшее), но могутъ быть они и *земныя* (doczesne); однако и послѣднія, будучи обнаружены, могутъ послужить дѣлу уніи, ибо Богъ часто приводитъ людей ко благу путями земныхъ ихъ цѣлей. Также постарайся собрать подобныя свѣдѣнія о луцкомъ епископѣ (Аѳанасіи Пузинѣ) ученѣйшемъ изъ русскихъ дизунитовъ, о которомъ доносили конгрегациі, что онъ тайный католикъ, потому, что онъ уже учинилъ исповѣданіе вѣры согласно формѣ, составленной для грековъ. Копія ея при семъ прилагается въ тѣхъ видахъ, чтобы, когда митрополитъ или другіе дизуниты пожелаютъ приступить къ уніи, ты могъ принять ихъ на лоно костела согласно съ нею.

При выборѣ средствъ къ заключенію уніи ты долженъ дать преимущество наиболѣе легкимъ и наиболѣе принаровленнымъ къ лицамъ, времени и обстоятельствамъ, съ цѣлію скорѣйшаго достиженія предназначенной цѣли.

Долженъ узнать объ условіяхъ, на основаніи которыхъ дизуниты желаютъ принять унію, и всѣ ихъ списать, дабы, имѣя на виду то, что тебѣ поручено конгрегациею въ этомъ дѣлѣ, могъ знать на какія изъ этихъ условій можно дать согласіе, а на какія нѣтъ.

Долженъ разузнать также о затрудненіяхъ, мѣшающихъ дѣлу уніи не только со стороны митрополита, епископовъ и народа дизунитскаго, но и со стороны самыхъ способовъ и условій, представляемыхъ для ея заключенія.

Долженъ разузнать, наконецъ, какъ всѣ эти затрудненія можно устранить, и обо всемъ донести конгрегациі, предварительно условившись, о чемъ сказано выше, съ канцлеромъ Оссолинскимъ, уніат-

скимъ митрополитомъ и холмскимъ бискупомъ, которые сообщать тебѣ всѣ означенныя свѣдѣнія, и отъ которыхъ ты не долженъ имѣть ничего секретнаго.

Разсуждая объ означенномъ дѣлѣ, не обязывайся ни къ чему, но на все отвѣчай, что обо всемъ предлагаемомъ или желаемомъ ты доведешь до свѣдѣнія конгрегаціи, дабы чрезъ посредство нея получить резолюцію папы. Можешь дать понять митрополиту дизунитскому, чтобы онъ въ своихъ условіяхъ ограничился только такими, которыя могутъ быть приняты апостольскою столицею²⁰⁴).

Приведенные нами документы—последніе изъ извѣстныхъ по трактуемому предмету о попыткахъ къ примиренію православныхъ съ латино-уніатами на почвѣ религіозной за разсматриваемое нами время. Замыслы короля и при новомъ папѣ, болѣе сочувственно къ нимъ относившемся, не привели ни къ чему. Къ тому же,—по крайней мѣрѣ, въ это именно время,—Владиславъ IV, до извѣстной степени, охладѣлъ къ своей любимой мечтѣ о религіозной уніи или, точнѣе, она отодвинулась у него на задній планъ, уступивъ мѣсто новому грандіозному плану,—завоеванію Крыма, Турціи, взятію Константинополя, освобожденію Гроба Господня... Эти замыслы, благодаря противодѣйствию сейма, тоже не увѣнчались успѣхомъ, какъ и его усиленныя заботы о привнесеніи религіознаго мира въ обуреваемую религіозными страстями Польшу.

Закончимъ свой трактатъ по данному вопросу указаніемъ на нѣсколько случайно проскользнувшихъ фразъ, которыя однако даютъ основаніе думать, что толки въ средѣ православныхъ о возможности религіознаго примиренія съ уніатами, *подъ условіемъ объединенія тѣхъ и другихъ подъ властію самостоятельнаго патріарха, не прекраща- мся* еще и въ 1646 году, почти наканунѣ смерти Петра Могилы.

Мы имѣемъ въ виду слѣдующій фактъ.

Въ августѣ 1646 года скончался настоятель Виленскаго Свято-Духова монастыря Никодимъ Жолудь. Извѣщая объ этомъ Петра Могилу, виленскіе братчики въ адресѣ на письмѣ къ нему не обозначили его „митрополитанскаго титула“, ограничившись титуломъ „экзарха“ константинопольскаго патріарха. Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ

²⁰⁴) Ibid. II. 286—288.

братчикамъ (отъ 4 сент.), П. Могила, между прочимъ, отмѣчаетъ и этотъ фактъ, считая его для себя оскорбленіемъ, и выражаетъ желаніе, чтобы на будущее время братчики не доставляли ему такого огорченія, „такъ какъ я—писалъ Могила—естемъ и митрополитъ, и ексархъ“ ²⁰⁵). Въ слѣдующемъ своемъ письмѣ къ митрополиту (отъ 5 октября), съ извѣстіемъ объ избраніи на мѣсто скончавшагося Жолудя новаго „старшаго“ (Іосифа Тризны), вилевскіе братчики по поводу означеннаго выговора митрополита представляютъ слѣдующее любопытное объясненіе: „сдѣлали мы это—читаемъ въ ихъ письмѣ—не вслѣдствіе какого-либо злого, не сыновняго побужденія (аффекту),—чего не дай Боже,—но *предвиди будущее* (futura providendo); притомъ сдѣлали это послѣ общаго совѣщанія съ его милостью ректоромъ кievскимъ (Иннокентіемъ Гизелемъ), въ то время находившимся въ Вильнѣ“. Письмо заканчивается самыми искренними выраженіями любви и признательности къ Могилѣ, какъ своему верховному архипастырю, съ просьбою содержать ихъ, братчиковъ, въ неизмѣнной своей „ласкѣ“ ²⁰⁶).

Въ виду извѣстныхъ намъ свѣдѣній о попыткахъ къ соединенію церковей православной и униатской за рассматриваемое время (за время управленія П. Могилой кievскою митрополіею), мы въ означенномъ объясненіи вилевскихъ братчиковъ усматриваемъ ясный намекъ, что толки объ этомъ не прекращались и въ 1646 году, причемъ мысль о возможности объединенія православныхъ и униатовъ на почвѣ религіозной подѣ *главенствомъ особаго патріарха въ западно-русскихъ областяхъ* нѣкоторою частію православнаго общества все еще не считалась несбыточною.

Велики были заботы и энергичны усилія православныхъ южно-руссковъ (а во главѣ ихъ и нашего митрополита) возстановить нарушенныя чрезъ введеніе уніи юридическія права православной церкви и упрочить ихъ. Эти заботы и усилія, если не увѣнчались вполнѣ желаемымъ успѣхомъ, однако далеко не были и бесплодны. Положеніе православныхъ за рассматриваемое нами время, въ сравненіи съ пред-

²⁰⁵) Прилож. № LXXXIII.

²⁰⁶) Прилож. № LXXXIV.

ществовавшимъ (при Сигизмундѣ III), значительно измѣнилось къ лучшему. Самымъ существеннымъ улучшеніемъ былъ ужь самый фактъ признанія за православною церковію *правового*, огражденнаго закономъ, существованія ея въ государствѣ. Послѣ провозглашенія уніи на Брестскомъ соборѣ—говорить Н. И. Костомаровъ—„православная восточная церковь, господствовавшая въ русскихъ областяхъ, по понятіямъ поляковъ, возстановила свое древнее единство съ западною церковію, и польская нація признавала въ предѣлахъ своей Рѣчи Посполитой только эту соединенную церковь законною древнею восточною церковію“. Поэтому, когда въ 1620 г. іерусалимскимъ патріархомъ Теофаномъ возстановлена была православная іерархія, то—продолжаетъ тотъ же изслѣдователь—„какъ митрополить (Іовъ Борецкій), такъ и посвященные разомъ съ нимъ архіереи, а затѣмъ и все священство, получившее отъ нихъ рукоположеніе, въ глазахъ польской націи были тѣмъ же, чѣмъ теперь въ наше время должны намъ казаться архіереи и священники поповской секты раскола, не признаваемые ни закономъ, ни властями, никакъ не имѣющіе права на свой санъ и притомъ не могущіе имѣть его до тѣхъ поръ, пока не состоится законъ, признающій возможность существованія самаго сана при тѣхъ условіяхъ, при какихъ они хотятъ носить его“... 207). Хотя это мнѣніе и нуждается въ нѣкоторыхъ ограниченіяхъ и оговоркахъ, 208) тѣмъ

207) Монографіи. XIV. 48—49.

208) Польское правительство послѣ Брестской уніи *стремилось къ уничтоженію* въ государствѣ высшей православной іерархіи, вслѣдствіе чего, не переставая признавать за епископами, не примкнувшими къ уніи, ихъ, стверженныя королевскими грамотами, права,—лицамъ, *вновь избираемымъ* православными на митрополичью и епископскія кафедръ, не давало уже обычныхъ привилегій (Іеремія Тиссаровскій, епископъ львовскій, представляеть въ данномъ случаѣ исключеніе, въ своемъ мѣстѣ нами выясненное), и потому таковыхъ лицъ, какъ посвящавшихся безъ согласія на то верховной власти, не считало съ государственной точки зрѣнія законными архипастырями. Но настоятелямъ православныхъ монастырей, пользовавшихся до введенія уніи правами автономіи въ управленія (не зависѣвшихъ отъ митрополита или епископовъ), Сигизмундомъ III, хотя не безъ большихъ усилій со стороны православныхъ, подобныя привилегіи давались, и слѣд. за таковыми настоятелями—архимандритами и игуменами—ихъ правовое положеніе въ государствѣ признавалось. (См., напр., грамоту, данную *по просьбѣ князей Острожскихъ*, Елисею Плетенецкому на архимандрію кіево-печерскую, отъ 22 февраля 1605 г., слѣдовательно, спустя почти шесть лѣтъ послѣ его избранія на оную, помѣщ. въ А. Ю. и З. Р. т. II № 17, стр. 31—32,—и таковыя же грамоты на ту же архимандрію Захаріи Копыстенскому, отъ 7 февраля 1625 г. и Петру Могилѣ отъ 29 ноября 1627 г., помѣщ. въ *прилож.* къ

не менѣе въ основныхъ чертахъ оно справедливо. Поэтому успѣхи, достигнутые православными на сеймахъ 1632—1633 г. г., не безъ основанія, считались самими ими „возрожденіемъ своей церкви“, въ смыслѣ возвращенія ей погранныхъ въ предшествующее царствованіе правъ ея. Правда, унія не была уничтожена и правовое ея положеніе осталось непоколебленнымъ въ государствѣ, но въ свою очередь признано на ряду съ нею *легальное* существованіе и православной церкви, причѣмъ воспослѣдовало возстановленіе извѣстнаго количества православныхъ каеодръ, занимавшихся законными и съ *государственной точки зрѣнія* іерархами, подтверждены права всѣхъ православныхъ учреждений (братствъ, школъ, монастырей и т. п.), а также обезпеченъ былъ для желающихъ свободный переходъ изъ уніи въ православіе. Послѣднее обстоятельство было причиною отторженія отъ уніи цѣлыхъ народныхъ массъ, по обстоятельствамъ вынужденныхъ дотолѣ скрывать свои симпатіи къ православію и наружно принадлежать къ ненавистному имъ уніатскому вѣроисповѣданію. Непосредственнымъ послѣдствіемъ возстановленія юридическихъ правъ православной церкви было также постановленіе о возвращеніи православнымъ значительнаго количества церквей и церковныхъ бенефицій, находившихся дотолѣ во владѣніи уніатовъ. Правда, послѣдніе, при распатанности въ Польшѣ государственнаго строя, сильно тормозили приведеніе въ исполненіе правительственныхъ распоряженій относительно этого (опираясь въ данномъ случаѣ на содѣйствіе ультра-католической партіи), и нѣкоторыя церкви, не смотря на всѣ усилія православныхъ, не были возвращены имъ или вновь отнимались отъ нихъ уніатами. Но все-таки подобныя явленія слѣдуетъ признать за исключенія, хотя—какъ мы видѣли—и нерѣдкія. Въ связи съ этимъ и благодаря личному расположенію Владислава IV къ православнымъ, для послѣднихъ открылся доступъ къ самымъ высшимъ должностямъ на государственной служ-

І тому настоящаго изслѣдованія, подъ № № XLII и LI, стр. 277 — 278 и 296—297; см. также А. З. Р. IV. № 225). Тѣмъ болѣе польское правительство не могло препятствовать возникновенію новыхъ православныхъ монастырей и церквей, устрояемыхъ православнымъ *дворянствомъ* на собственныхъ „грунтахъ“ (дворянство пользовалось въ данномъ случаѣ своими шляхетскими правами и, въ томъ числѣ, правомъ „подаванья“ и „патронатства“),—и таковыя новыя монастыри и церкви, дѣйствительно, возникали, и дѣла объ этомъ юридически оформлялись (см., напр., *Археогр. сборн. докум. Северо-Зап. Руси*, т. II. № № 31 и 33).

бѣ.—Важное значеніе для православія „статей успокоенія“ было признаваемо обѣими „разрозненными въ вѣрѣ“ сторонами; отсюда—цѣлый рядъ попытокъ со стороны уніатовъ уничтожить эти статьи или, по крайней мѣрѣ, ослабить ихъ значеніе; а со стороны православныхъ—упрочить оныя. Отчасти вслѣдствіе неосторожныхъ поступковъ самихъ православныхъ (дѣло С. Гулевича, навлекшее на него инфамію), отчасти вслѣдствіе неизбежности при борьбѣ партій идти иногда на компромиссы, православные вынуждены были дать согласіе на нѣкоторыя уступки уніатамъ, согласиться на *нѣкоторую урѣзку означенныхъ статей*; тѣмъ не менѣе послѣднія въ существенныхъ чертахъ не только не были отмѣнены, но не разъ подтверждались сеймами, притомъ иногда съ дополненіями, благопріятствующими православнымъ. Главное зло заключалось въ сущности не въ этихъ урѣзкахъ (хотя и тяжелыхъ для православныхъ), но въ томъ, что ультра-католическая партія не желала примириться съ правами, данными православнымъ, и готова была при всякомъ удобномъ случаѣ нарушить ихъ. Поэтому въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ перевѣсъ матеріальной силы былъ на сторонѣ латино-уніатовъ и во главѣ ихъ стояли паписты-фанатики, преслѣдованія православныхъ не прекращались. Правда, нерѣдко эти преслѣдованія вызывали энергичный отпоръ со стороны угнетаемыхъ, и православные оплачивали своимъ противникамъ тою же монетою. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать, что правонарушеній по дѣламъ религиознымъ (нарушеній противъ „статей успокоенія“) со стороны уніатовъ было гораздо болѣе, чѣмъ со стороны православныхъ. Особенно часто такія правонарушенія—какъ имѣемъ основаніе думать—*приходилось испытывать православнымъ пастырямъ и ихъ пасомымъ, находившимся въ непосредственной зависимости отъ латино-уніатскихъ помѣщиковъ* (шляхты), т. е. сельскому православному люду. Этого пункта мы не касались въ своемъ очеркѣ. Восполнимъ опущенное.

Извѣстно, что однимъ изъ выдающихся явленій въ церковно-исторической жизни нашего юго-запада было, между прочимъ, такъ называемое *право патронатства*. Право это выражалось здѣсь разнообразно, и пользовались имъ многія лица. Для нашей цѣли важно собственно указать на значеніе *патронатства владѣльческаго*. Сущность его состояла въ томъ, что шляхта привыкла смотрѣть на находившіяся въ ихъ помѣстьяхъ церкви и монастыри, въ особенности на

первыя, какъ бы на свою собственность. Послѣдствія отъ такого положенія вещей еще и до введенія въ литовско-русскихъ областяхъ уніи были разнообразны: и благопріятныя и неблагопріятныя. Князья и паны заботились о поддержаніи и благолѣпіи находившихся въ ихъ имѣніяхъ храмовъ Божіихъ,—нерѣдко, при своемъ благочестіи, щедро надѣляли ихъ утварью и угодами; но вмѣстѣ съ тѣмъ они считали себя во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся ихъ церквей, *безконтрольными хозяевами*: назначали, по своему усмотрѣнію, настоятелей и другихъ членовъ клира, по собственному желанію, безъ всякаго суда и вѣдома о томъ мѣстнаго епископа, смѣщали ихъ, распоряжались церковною собственностію и т. п. Со времени провозглашенія уніи на Брестскомъ соборѣ, *добро и зло* для православной церкви отъ владѣльческаго патроната приняли *болшіе размѣры*. Съ одной стороны, если владѣльцами помѣстій являлись лица, искренно преданные интересамъ православія, они усугубляли свои заботы о дѣлахъ церковныхъ, ограждали *своихъ* (т. е. находившихся въ ихъ имѣніяхъ) пастырей отъ гнета уніатскихъ бискуповъ и, *пользуясь своими шляхетскими правами*, безпрепятственно устраивали на своихъ земляхъ новыя церкви, монастыри и другія религіозно-просвѣтительныя учрежденія, давали пріютъ въ своихъ владѣніяхъ греческимъ и другимъ православнымъ іерархамъ, присутствіе которыхъ въ западно-русскихъ областяхъ, вслѣдствіе „оскудѣнія“ здѣсь собственной высшей іерархіи, являлось дѣломъ крайне необходимымъ, и т. п. ²⁰⁹).—Но съ другой стороны, когда владѣльцами помѣстій и, вслѣдствіе этого, патронами находившихся здѣсь православныхъ церквей оказывались лица, измѣнившія православію (перешедшія въ унію и вообще паписты), положеніе православныхъ, если не всегда, то нерѣдко оказывалось весьма затруднительнымъ и

²⁰⁹) Удалившійся изъ Молдавіи Сергій, владыка мороморскій и мокачевскій, очень долгое время („двенадцать лѣтъ“) пребывалъ въ Степанскомъ монастырѣ, находившемся во владѣніяхъ князя К. И. Острожскаго (*Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.—Дѣла гречес. кн. 3, № 2*); греческій епископъ Павелъ поселился въ Корць, у князей Корецкихъ (*Consideracye, podane panom disunitom... Iana Krzeczmera. Wilno. 1648 г., стр. 85*); у князя Адама Вишневецкаго въ 1603 г. пребывалъ архіепископъ критскій, „котораго онъ весьма жаловалъ, потому что онъ былъ ему отецъ духовный“ (*Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ, Спб. 1858 г., ч. I, стр. 288*). О другихъ восточныхъ іерархахъ, пребывавшихъ въ рассматриваемое время въ различныхъ православныхъ обителяхъ, см. *Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I, т. VII, стр. 65; Русс. Историч. Библ. т. II № 166*.

даже безпомощнымъ. Панъ могъ лишить находившіяся въ его помѣстьяхъ церкви приуроченныхъ къ нимъ угодій и даже могъ прямо отнять ихъ у православныхъ священниковъ (въ случаѣ ихъ несогласія принять унію) и передать уніатамъ. А такъ какъ къ началу царствованія Владислава IV множество православныхъ дворянъ, преимущественно „ради славы міра сего“, измѣнили уже праотцевской вѣрѣ, принявъ унію или католицизмъ,—то, понятно, сколь неблагоприятными послѣдствіями для православнаго *сельскаго люда* могло сопровождаться это обстоятельство въ виду указанныхъ нами патронатскихъ правъ владѣльцевъ, несмотря на провозглашенную „статьями успокоенія“ религиозную свободу. Значеніе патронатскихъ правъ въ смыслѣ вліянія на ходъ религиозныхъ дѣлъ хорошо было понимаемо въ Римѣ, и оттуда шли по этому поводу соотвѣтствующія указанія. Въ письмѣ папы къ одному изъ вліятельныхъ магнатовъ (отъ 1643 г.) читаемъ: „Намъ весьма желательно, чтобы не ослабѣвало твое благочестивое усердіе, которое наглядно до сихъ поръ обнаруживалось въ дѣлахъ, касающихся распространенія католической вѣры; желательно, чтобы оно *проявилось и въ приведеніи къ уніи русскихъ, живущихъ въ предѣлахъ твоихъ владѣній. Для этого же въ особенности полезно, чтобы на мѣсто священниковъ схизматиковъ, которые не пожелаютъ откаться отъ своихъ заблужденій, ставились священники уніатскіе, дабы такимъ образомъ по винѣ тѣхъ, которые должны другихъ учить чистотѣ ученія, не проникла гибельная зараза...*“²¹⁰). На провинціальномъ соборѣ, созванномъ перемышльскимъ епископомъ Петромъ Гембицкимъ въ октябрѣ 1637 года, между прочимъ, постановлено: „Свѣтскимъ панамъ (помѣщикамъ), *которые, пользуясь правами патронатства, будутъ презентовать къ русскимъ церквамъ священниковъ уніатовъ, позволяется давать индульгенціи на 40 дней*“. Тогда же, когда во время разсужденій о распространеніи уніи выяснилось, что на соборѣ въ Перемышлѣ, созывавшіяся мѣстнымъ уніатскимъ епископомъ Аванасіемъ Крупецкимъ, никто не явился изъ русскихъ священниковъ, имѣвшихъ приходы во владѣніяхъ епископскихъ, т. е. бискупа Петра Гембицкаго, то послѣдній издалъ распоряженіе, чтобы всѣ русскіе parroхи или, какъ они обыкновенно называются, попы,

²¹⁰) Histor. Rus. Monum. t. II, № CXIII, стр. 216.

имѣющіе приходы въ имѣніяхъ Ключа Родимненскаго и Лукавіенскаго, *подъ угрозою удаленія отъ бенефіцій, подчинились означенному уніатскому епископу*, приче́мъ крайнимъ срокомъ для сего назначался праздни́къ Рождества Христова по римскому календарю ²¹¹).—Подобныя давленія, *опиравшіяся на содѣйствіе патроновъ*, дѣлаемы были не на одно православное духовенство, но и на мірянъ, — и, разумѣется, не были безрезультатны, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ внѣшняго подчиненія означенному давленію. Въ библиотекѣ перемышльскаго уніатскаго собора Іоанна Крестителя сохранилось письмо немировскихъ братчиковъ къ перемышльскимъ. Въ немъ они извѣщаютъ послѣднихъ, что всендѣзъ Крупецкій (уніатскій епископъ) прислалъ къ нимъ универсалъ, *а къ изъ госпожь* письмо, въ которомъ „розмаитыи пострахи задаючи“, требуетъ, *чтобы она приказала священникамъ и имъ, братчикамъ, явиться на назначаемый въ Перемышль соборъ*. Братчики заявляютъ, что хотя они съ давнихъ временъ не привыкли слушать означеннаго „имъ невычайнаго и церкви святой православной противнаго пастыря“, тѣмъ не менѣе *вынуждены исполнить „панское приказаніе“* и посылаютъ изъ среды себя двухъ братій ²¹²).

²¹¹) *Прилож.* стр. 242.—См. также Synodus Dioecesana Praemyliensis, praesidente Illustr. et Reverend. Domino Szoldrski, ... Episcopo Praemyliensi, in Ecclesia Cathedrali Praemyliensi, Anno Domini 1636, die 26, mensis Augusti celebrata. (Изд. 1636 года, въ Краковѣ), гдѣ на стр. 13—14 находится постановленіе: *de unione Ruthenorum promovenda*.

²¹²) *Прилож.* № LIX. Для иллюстраціи того, какъ великъ могъ быть гнетъ православныхъ, *подвластныхъ* католикамъ-фанатикамъ, приведемъ выдержку изъ упомянутого нами выше жизнеописанія Анны Алоизы, княжны Острожской, въ хвалебномъ духѣ составленнаго іезуитами. Упомянувъ о томъ, что бунтовщики (православные), оскорбившіе княжну, осуждены были на казнь — четвергованіемъ, отсѣченіемъ рукъ, сожженіемъ въ смолъ, колесованіемъ, содраніемъ живою кожи, а ихъ дома должны были быть разрушены, и мѣста, гдѣ они стояли, посыпаны солію, — о.о. іезуиты продолжаютъ: „Когда извѣстіе объ этомъ трибунальскомъ декретѣ стало извѣстно бунтовщикамъ, плачь и чрезвычайныя рыданія наполнили весь городъ (Острогъ)... Наконецъ, скованныхъ бунтовщиковъ повели въ замокъ; они шли, повѣсивъ головы, блѣдные, помертвѣвшіе отъ страха казни... Но когда они ожидали чтенія суроваго декрета, услышали изъ устъ своей госпожи милостивый декретъ.“ Княжна приказала ихъ расковать, пригласила въ столовую и тамъ угостила. Плачь обратился въ радость. Всѣ восхваляли доброту своей госпожи. „Эта доброта — продолжаютъ іезуиты — была причиною того, что одни *возымъли склонность къ святой униі*, но другіе, ожесточенные этою добротою и милостію (dobrocią у łaską Pańską zatwardzeni) по прежнему пребывали при своемъ упорствѣ и худой вѣрѣ (błąhey wierze). Яснеvely-можная госпожа однако имѣла то утѣшеніе, что по этому случаю, *осмдствіе удаленія*

Всѣ приведенныя нами данныя настолько ясны и опредѣленны, что не нуждаются въ комментаріяхъ. Къ гражданскому безправію и гнѣту панскихъ „подданныхъ“ со введеніемъ уніи присоединилось еще болѣе тяжелое угнетеніе *религіозное*: стѣсненіе свободы вѣроисповѣданія. Это угнетеніе, при господствовавшемъ въ то время фана-

(изъ помѣстій княжны), согласно трибунальскому декрету, 46-ти *схизматическихъ поповъ, въра католическая начала здѣсь расширяться, а схизматическое упорство понемногу уменьшаться, такъ что съ теченіемъ времени и простой народъ и самые попы присоединялись къ уніи; а въ тѣхъ видахъ, чтобы ихъ твердость (stareczność) была для всѣхъ очевидна, болобязненная госпожа установила, дабы всѣ попы со всѣхъ ея помѣстій прибывали (въ Острогъ) въ ризахъ и съ другими церковными принадлежностями на праздникъ Божія Тѣла, для участія въ процессіи, читая на славянскомъ языкѣ Евангеліе при воздвигнутыхъ алтаряхъ.“ *Życie ku podziwieniu chwalebne... Anny Alojzyi, księżny Ostrogskiej...* изд. 1698 г., стр. 72—75)... Разумѣется, приведенныя нами выдержки въ комментаріяхъ нужды не имѣютъ. Слѣдуетъ однако замѣтить, что не всѣ католическіе паны относились подобнымъ образомъ къ православнымъ, находившимся въ ихъ владѣніяхъ (подъ ихъ патронатствомъ): по тѣмъ или инымъ обстоятельствамъ, они не только *насмильственно* не влезли ихъ къ единенію съ Римомъ, но, предоставляя свободное отправленіе богослуженія по православному обряду, утверждали за принадлежащими имъ монастырями и церквами угодыя „для спокойнаго и вѣчнаго владѣнія“ (см., напр., привилегію канцлера Оссолинскаго, отъ 19 октября 1636 г., помѣщенную въ переводѣ въ *Историко-статистическомъ описаніи Черниовской епархіи*, кн. 3. стр. 300—301).*

Подобныя привилегіи, разумѣется, вызывались государственными и житейскими соображеніями. Омѣчая и *подчеркивая* фактъ гнѣта, который нерѣдко приходилось испытывать православнымъ, находившимся подъ патронатствомъ пановъ католическаго (или уніатскаго) вѣроисповѣданія,—мы имѣемъ въ виду констатировать, что означенныя житейскія соображенія, естественныя и достодолжныя, отступали на задній планъ, коль скоро владѣльцы попадали подъ сильное вліяніе фанатически относящагося къ православію католическаго духовенства (въ особенности іезуитовъ), ибо въ глазахъ послѣдняго *преслѣдованіе православной церкви считалось подвигомъ и добродѣтелью, достойными небеснаго вѣнца*. Подчеркнутое нами мѣсто—въ виду фактовъ, выше приведенныхъ,—пожалуй, и не нуждалось-бы въ новыхъ доказательствахъ. Однако считаемъ не лишнимъ привести еще одно, какъ имѣющее (для католическихъ писателей, пожелавшихъ-бы усумниться въ справедливости нами сказаннаго) авторитетъ непререкаемый. Во время службы въ честь католическаго святого Казимира, королевича польскаго (род. 4 октября 1458 г., скончался 4-го марта 1484 г., канонизованъ папою Львомъ X въ 1522 г.), со времени Тридентскаго собора и до нашихъ дней, королевичъ прославляется, между прочимъ, за то, что „*Catholicam promovere fidem summopere studuit, et Ruthenorum schisma abolere: quampropter Casimirum patrem induxit, ut legem ferret, ne schismatici nova templa construerunt, nec vetera collabentia restaurarent.*“ (См. „*Breviarium Romanum ex decreto s. concilii Tridentini restitutum, s. Pii V Pontificis Maximi jussu editum, Clementis VIII, Urbani VIII et Leonis XIII auctoritate recognitum.*“ Изд. 1887 г.; цитуемъ, мѣсто подъ рубрикою: Die 4 Martii s. Casimiri conf., на стр. 883).

тизмѣ по отношенію къ православію ультра-католической партіи, не могли уничтожить и „статьи успокоенія“. Но насильственно навязываемая народу унія не могла не раздражать его, и въ средѣ него, подъ личиною вынужденной покорности панскому гнѣту, въ изобиліи таились жгучіе элементы, которые впослѣдствіи, вырвавшись наружу, немало содѣйствовали злосчастіямъ Польши, а въ концѣ концовъ и ея погибели, какъ самостоятельнаго государства.

Борьба религиозныхъ партій, не прекращавшаяся во все царствованіе Владислава IV, недовольство уніатовъ и вообще ультра-католической партіи „статьями успокоенія“, постоянныя жалобы православныхъ по поводу нарушенія этихъ статей, безконечныя препирательства между „разрозненными въ вѣрѣ людьми“ изъ-за вопросовъ религиозныхъ, доходившія до открытыхъ столкновеній,—сильно беспокоили короля и были причиною усиленныхъ его заботъ къ соглашенію враждующихъ сторонъ на почвѣ религиозной. Безъ сомнѣнія, въ данномъ случаѣ Владиславъ IV преслѣдовалъ преимущественно цѣли *политическія*: желалъ уврачевать раны Рѣчи Посполитой, наносимыя ей разгаромъ религиозныхъ страстей. Но всѣ старанія короля въ данномъ направленіи оказались безплодными. Зависѣло это первое всего отъ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія на означенное религиозное соглашеніе представителей православія и католицизма. Римъ домогался означеннаго соглашенія на условіяхъ Флорентійскаго собора, желалъ привлечь православныхъ къ той унії, которая провозглашена была на Брестскомъ соборѣ, словомъ, стремился къ полному порабощенію православной церкви съ сохраненіемъ за нею только обрядовыхъ особенностей. Представителямъ же православія Брестская унія была ненавистна. Они мыслили объ унії съ Римомъ, какъ о взаимообщеніи между церквами въ мирѣ и любви съ сохраненіемъ за церковію православною всѣхъ завѣщанныхъ древностію особенностей *въ ученіи, управленіи* и обрядности. Унію съ Римомъ они понимали *въ смыслъ возвращенія къ состоянію церкви во времена святителей: Григорія, Василія, Аванасія*,—причемъ непремѣннымъ условіемъ для соглашенія по означенному вопросу поставлялось участие въ этомъ дѣлѣ константинопольскаго патріарха. Согласіе послѣдняго на проэктируемую унію было тѣмъ болѣе необходимо, что выдвигался вопросъ объ образованіи въ западно-русскихъ областяхъ новаго патріархата, что (при сохраненіи религиознаго единенія съ грече-

скою церковію) возможно было только при согласіи на то восточныхъ святителей. Но Римъ, склонявшійся прежде (при Сигизмундѣ III) на учрежденіе въ польско-русскихъ областяхъ такого патріархата, попалъ грозившую для его замысловъ опасность отъ означеннаго учрежденія и съ рѣшительностію началъ протестовать противъ этого проекта. Естественно, что при такихъ разнорѣчивыхъ взглядахъ на религиозное единеніе между церквами состояться оно не могло.

При тяжелыхъ обстоятельствахъ, которыя испытываютъ личности не отличающіяся твердostí характера и непоколебимою устойчивostí въ своихъ воззрѣніяхъ, нерѣдко случается, что они идутъ на компромиссы и для достиженія своихъ цѣлей прибѣгаютъ къ лукавству. Къ такому лукавству прибѣгалъ, напр., Іеремія Тиссаровскій, который съ цѣлію полученія отъ Сигизмунда III привилегіи на львовскую епископію изъявилъ желаніе принять унию, но, получивъ отъ короля желаемое, остался вѣренъ православію. Едва-ли въ такомъ лукавствѣ въ разсматриваемое нами время не былъ не неповиненъ и луцкій епископъ Аеанасій Пузина: слишкомъ увѣренныя и рѣшительныя свѣдѣнія о его согласіи принять унию, даже о принятіи оной, идутъ изъ латино-униатскаго лагеря, хотя, разумѣется, они, въ виду постоянной борьбы сего епископа съ латино-униатами, нуждаются въ новыхъ подкрѣпленіяхъ (страннымъ представляется, что актъ присяги Пузины на унию, безъ сомнѣнія, пересланный въ Римъ, не оказывается въ Ватиканскомъ архивѣ, по крайней мѣрѣ доселѣ не изданъ работавшими въ означенномъ архивѣ и издавшими массу документовъ за время царствованія Владислава IV). Но что касается до другихъ выдающихся іерарховъ того времени, и въ частности Петра Могилы, то распространяемые о нихъ латино-униатами слухи о расположенности къ униіи и желаніи ее принять должны быть признаны, въ той окраскѣ, какая этимъ слухамъ придается, *несостоятельными*.

Інъ Кречмеръ въ сочиненіи изданномъ, въ 1648 году, подъ заглавіемъ: *Consideracie* и проч., между прочимъ, пишетъ, что мстиславскій епископъ *Іосифъ Бобриковичъ* († 1634 г.) былъ *въ душѣ униатъ* и передъ смертію просилъ пригласить къ нему для напутствія въ загробную жизнь *униатскаго священника*, за что якобы и былъ удушенъ вилевскими черницами ²¹³). Но достаточно сопоставить это

²¹³) *Прилож.* стр. 71—72.

извѣстіе съ письмомъ уніатскаго митрополита Рутскаго, писаннымъ вскорѣ послѣ кончины Бобриковича, гдѣ послѣдній выставляется какъ врагъ уніи („Iosephus Bobrikowicz venit Vilnam...spirans minarum“²¹⁴), достаточно хотя поверхностно ознакомиться съ его жизнію, всецѣло посвященною *интересамъ православія и борьбѣ съ уніею*, чтобы понять всю несостоятельность указаннаго заявленія, вызваннаго, очевидно, желаніемъ хотя послѣ смерти перетянуть въ свой лагерь этого замѣчательнаго іерарха.

Взглядъ С. Коссова на унію, вполне православный, ясно засвидѣтельствованъ имъ въ указанномъ нами письмѣ его къ уніатскому митрополиту Антонію Селявѣ.

Что касается до нашего митрополита, Петра Могилы, то предположенія о немъ, какъ *сторонникъ уніи съ Римомъ*, имѣютъ въ своей основѣ слѣдующія данныя и соображенія:

а) *Донесенія въ Римъ*, выставившія Могилу, какъ лицо, склоняющееся принять унію. Къ этимъ донесеніямъ въ настоящее время слѣдуетъ присовокупить открытое нами письмо нѣкоего Фрука къ уніатскому епископу Баковецкому, гдѣ передаются слухи о таковой же склонности къ единенію съ Римомъ нашего митрополита.—Но до какой степени эти слухи были неопредѣленны и сколь зыбкую имѣли подъ собою фактическую почву, объ этомъ краснорѣчиво свидѣлствуетъ инструкція, данная въ 1645 году нунцію Торресу, изъ которой видно, что даже *къ концу жизни Петра Могилы* папа и его курія, посылавшіе митрополиту письма съ приглашеніемъ принять унію и съ разныхъ сторонъ собиравшіе свѣдѣнія по этому дѣлу, кромѣ неопредѣленныхъ слуховъ *ровно ничего не знали* о намѣреніяхъ Могилы по вопросу о соединеніи церквей,—что, разумѣется, не можетъ не показаться въ высшей степени страннымъ и даже положительно необъяснимымъ, если признать серьезность означенныхъ намѣреній и дѣйствительную склонность нашего митрополита къ уніи. Притомъ, къ означеннымъ слухамъ,—безъ сомнѣнія, возникавшимъ вслѣдствіе неоднократныхъ обращеній короля къ представителямъ православной церкви съ просьбою о религіозномъ соглашеніи съ уніатами,—сами латино-уніаты, *хорошо знавшіе Могилу*, относились съ *большимъ не-*

²¹⁴) *Прилож. № XVII, стр. 61.*

довѣремъ. И есть полное основаніе думать, что переговоры по поводу означеннаго соглашенія съ уніатами, не разъ имѣвшіе мѣсто на сеймахъ, были вызываемы единственно самимъ королемъ, представители же православной церкви, во главѣ съ П. Могилою, участвовали въ этихъ переговорахъ, такъ сказать, ex officio, не желая вооружить противъ себя расположеннаго къ нимъ короля, и держали себя при этомъ уклончиво, т. е., не отрицая въ принципѣ возможности единенія между церквами (о чемъ они просятъ Бога), осуществленіе этого дѣла ставили въ зависимость *отъ условій единенія* и согласія на него константинопольскаго патріарха, причемъ, знакомые съ воззрѣніями на унію со стороны Рима, безъ сомнѣнія, не могли имѣть серьезныхъ надеждъ на успѣхъ этого дѣла.

б) *Широкія заимствованія П. Могилы при своихъ трудахъ изъ латинскихъ источниковъ.* На эти заимствованія, какъ на доказательство склонности нашего митрополита къ уніи, даже принадлежности къ ней, особенно любили указывать въ свое время латино-уніатскіе писатели ²¹⁵). Что такія заимствованія допускались нашимъ митрополитомъ, это, разумѣется (какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ), фактъ не подлежащій сомнѣнію; но выводы, дѣлаемые изъ него, неосновательны. Подобныя заимствованія изъ латинскихъ источниковъ въ изобиліи встрѣчаются у многихъ тоговременныхъ писателей, ревность которыхъ къ православію и враждебное отношеніе къ уніи сомнѣнію не подлежатъ. Фактъ этотъ можетъ быть объясняемъ проще и естествен-

²¹⁵) Иезуитъ Теофиль Рутка въ сочиненіи: *Goliat swoim mieczem porażony* (изд. 1689 г., въ Люблинѣ) пишетъ: „My jednak tego nie trzymamy o W. Pietrze Mohile (т. е., что онъ былъ православнымъ)... *Utwierza to, że Trebnik z łacinskichy Agendy y innych ksiąg łacinskich, a nie greckich, choć udawał że z greckich, poprawił...* Lithos abo Kamien W. Piotr Mohiła pisał? Nie wierzymy. Bo on nie miał ducha heretickiego, *ponieważ miał się do ksiąg łacinskich katolickich, iako się rzekło o Trebniku* (стр. 167). Суша въ своей книгѣ, изданной въ 1666 г. въ Римѣ, подъ заглавіемъ, „*Saulus et Paulus... sive Meletius Smotriscius,*“ во П-й ч., отд. V, на стр. 107—108 тоже усиливается доказать, что П. Могила *et in vita et in morte latino confessus* (передъ смертію исповѣдывалъ свои грѣхи латинскому каплану). Отсюда такое мнѣніе о П. Могилѣ занесено и въ другія латино-уніатскія произведенія; см., напр., Игнатія Стебельскаго: „*Dwa wielkie swiatła na horyzoncie Poloc-kim*“... et caet. т. II, (изд. 1782 г. въ Вильнѣ), стр. 225. Защиту памяти П. Могилы по данному вопросу см. у Іоанникія Голятовскаго въ его сочиненіи: *Stary kościół zachodni powemu kościołowi Rzymskiemu pochodzenie Ducha S. od Oycy samego nie od Syna pokazując*, et caet. (изд. 1678 г., въ Новгородѣ) стр. 93—94.

нѣе. Въ разсматриваемое время Западъ далеко опередилъ въ научномъ отношеніи Востокъ. Это, между прочимъ, отразилось какъ на болѣ широкой постановкѣ въ первомъ образованія (школы, коллегіи, университеты), такъ и на учено-литературныхъ произведеніяхъ, въ томъ числѣ и богословско-церковнаго характера, а также на приведеніи къ извѣстной систематизаціи догматическихъ вѣрованій (катихизисы) и обрядности (бreviаріи, ритуалы). Православнымъ южно-руссамъ, гдѣ науки только что нарождались, естественно было пользоваться научными результатами, добытыми сосѣдними народами, хотя и иновѣрными. Съ этою цѣлю многіе изъ нихъ отправлялись для завершения образованія въ заграничныя коллегіи и университеты, а возвратившись оттуда, приобрѣтѣннымъ научнымъ оружіемъ и добытыми свѣдѣніями пользовались при защитѣ интересовъ православія. Подобное явленіе въ довольно широкихъ размѣрахъ замѣчается въ сочиненіяхъ православныхъ южно-русскихъ писателей, особенно полемическихъ, еще до выступленія П. Могила на общественное поприще. Относительно, напр., полемическихъ сочиненій дѣло обстояло такъ. Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ православное вѣроученіе сходится съ католическимъ (напр., относительно почитанія св. мощей), въ другихъ съ протестантскимъ (отрицаніе главенства папы). И вотъ когда православнымъ писателямъ приходилось бороться противъ протестантизма, они широко пользуются учеными трудами католиковъ, а когда нужно было ратовать противъ послѣднихъ, они прибѣгаютъ къ помощи сочиненій протестантскихъ ²¹⁶⁾. Все это вызывалось необходимостію и

²¹⁶⁾ Такъ, напр., М. Смотрицкій при составленіи нѣкоторыхъ отдѣловъ своего *Өрѣвосо'а* (изд. 1610 г.) широко пользовался трудомъ протестанта Любберта: „De raris Romani,“ — на что указано К. Студинскимъ (*Пересторога, руській памятникъ початку XVII вѣка*. У Львові. 1895 г. стр. 31). Сочиненіемъ Любберта, безъ сомнѣнія, пользовался и С. Зизаній въ „Казаніи св. Кирилла объ антихриствѣ,“ изд. въ 1595 г. (*ibid.*, стр. 164—166). Изъ южно-русскихъ произведеній указаннаго времени, писанныхъ противъ протестантовъ при пособіи католическихъ писателей, укажемъ на сочиненіе: „О образехъ, о хвалѣ Божіей и хвалѣ и молитвѣ святыхъ, и о иныхъ артикулѣхъ вѣры единое правдивое церкви Христовы,“ изданное въ началѣ XVII в. въ Вильнѣ. Авторъ его пользовался сочиненіемъ Вуйки: *O Bostwie Syna Bożego*, иногда даже дословно, что можно видѣть изъ слѣдующихъ параллельныхъ мѣстъ:

обсуждать за это ревнителей православія нельзя... Петръ Могла былъ человекъ съ широкимъ умственнымъ кругозоромъ и хорошо понималъ потребности времени. Великій борецъ за интересы православія, но чуждый фанатизма, онъ сознавалъ, что не все у иновѣрцевъ дурно, а

O Bostwie Syna Bożego.

Tego wodza y mistra (выше говорится о Сервета, сожженомъ въ Женевѣ) naslawowali Georgius Blandrata, Paulus Alcianus, Lilius Socinus, Franciszek Davidowicz y niektorzy ministrowie Sedmi-grodskiej ziemi: y u nas Budny w Litwie, a Czechowicz w Lublinie; acz się y ci w wielu rzeczach nie zgadzają. Bo Czechowicz z swym zborom Budnego wyobcował y szatanowi podał, a Budny Czechowicza zowie Lubelskim papieżem y decretow iego nie przyimuie.

O образехъ.

По спаленіи жъ его (выше говорится о спаленіи Сервета „въ мѣстѣ Еневѣ“), повстали наслѣдницы Серветовы образоборцы: Георгіусъ Бландрата, Павелъ Алтытусъ, Деліусъ Социнусъ, Францисекъ Давидовичъ и нѣкоторые министрове въ Седмигродской земли; а у Литвы Будный, а въ Люблинѣ Чеховичъ; которіе образоборцы и сами уже з собою во многихъ речахъ не згожаются, бо Чеховичъ з своимъ зборомъ Любельскимъ Буднаго откинулъ от себе и шатонуи подаль, а Будный Чеховича зоветь Любельскимъ палежежъ и decretow iego не приимуеть.

Особенно широко пользовались западно-русскіе писатели проповѣдями католиковъ. Для примѣра укажемъ на проповѣдь виднаго ревнителя православія Лаврентія Зизанія Тустановскаго, доселѣ не изданную (вообще проповѣди Л. Тустановскаго остаются невѣстными) и составленную подъ сильнымъ вліяніемъ Скарги, причежъ начало ея почти дословно взято изъ „казаній“ означеннаго знаменитаго польскаго витіи. Приводимъ параллельныя мѣста:

Kazania przygodne y inne drobneysze prace W. X. Piotra Skargi, изд. 1738 года въ Вильнѣ, въ 2-хъ частяхъ.

Kazanie o smierci (ч. I, стр. 142).

Tak często na umierających y umarłych patrząc, tak co dzień po kościołach y smientarzach, po ich grobach depać: pożytku duchownego z widoku takiego nie bierzem; abysmy hordosć y tę święćka nadętość y wielkie o sobie rozumienie składali: patrząc iako nas śmierć poniża y z prochem y błotem równa y miesza. Abysmy swiata y iego dostatkow nie mi-

Поученіе при погребѣ Софіи княгини Чарторыскои, чиненое отъ священно-іерея Лаврентіа Зизаніа [списанное мною въ Корцѣ лѣта дхніи мая ѿ].

(Рукоп. Библ. Оссолинскихъ во Львовѣ № 827, л. 171).

Есть чому заправды задивовати (православни хрестіане), ижъ мы часто на умерлыхъ смотрячи и на погребяхъ ихъ бываючи, пожитку собѣ духовного съ такового видуку не беремо, абисмо гордость и великое о собѣ разумѣня складали, видячи яко насъ смерть понижаеть и съ порохоми праве мѣшаеть, а ижъбисмося не кохали въ того свѣт-

много есть у нихъ и хорошаго, и первѣе всего хорошимъ, удовлетворившимъ потребностямъ времени, онъ считалъ западную науку, которую вслѣдствіе этого и рѣшился перенести въ основанныя имъ коллегіи. Цѣня научное образованіе у иновѣрцевъ, Петръ Могила естественно долженъ былъ цѣнить и научные труды западныхъ ученыхъ, а поэтому, обогащая ими свою и коллегіатскую бібліотеку, не считалъ предосудительнымъ пользоваться ими при своихъ или писанныхъ по его порученію трудахъ, коль скоро находилъ подходящій для намѣченныхъ цѣлей матеріалъ. Всегда-ли нашъ митрополитъ избѣгалъ при этомъ (о чемъ онъ заботился) привнесенія въ издаваемые имъ труды чуждаго элемента, это вопросъ иной, и рѣчь о немъ будетъ впереди; но указаніе на самый фактъ заимствованій Могилою изъ католическихъ источниковъ, какъ обстоятельство, свидѣтельствующее якобы объ его приверженности къ униі, должно быть признано совершенно не выдерживающимъ критики (крайне несостоятельнымъ).

в) *Надежды и желаніе Петра Могила получить патриаршескій санъ послѣ религіознаго соглашенія съ униатами.* Разумѣется, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что если бы осуществился проэктъ короля Владислава IV объ учрежденіи въ западно-русскихъ областяхъ особаго патриархата, объединявшаго подъ своимъ управленіемъ религіозно-примиренныхъ между собою православныхъ и униатовъ,—то первымъ кандидатомъ на патриаршество былъ-бы Петръ Могила. Вѣроятно, что послѣдній не чуждъ былъ мысли объ этомъ *подъ усло-*

łowali, które nam ta macocha lada kiedy odeymie, u nagemi nas golotami zostawie. Abysmy siału u głupim požądliwosciom iego nie służyli, które nas tak odbiega u smiercią niszczaże, u iako woda na ziemie wilana wysycha.

нихъ достаткахъ и оздобахъ, вгднжъ всего лада въ день позбыти мусимо; а наветь абисмо тѣлу своему не догажали въ его пожадливостяхъ, поневажъ такъ марне смертю нищаеть и яко вода на землю выланая высыхаеть.

Въ бібліотекѣ Кіево-печерской Лавры находится (по катал. № 61; прежн. № 32) обширный сборникъ проповѣдей нач. XVII стол., о которомъ съ рѣшительностію высказано мнѣніе, какъ о принадлежащемъ перу вѣстнаго южно-русскаго витія виленскаго архимандрита Леонтія Карповича. (См. *Воскресное Читаніе*, годъ изд. XXVII, стр. 801). Но это недоразумѣніе: означенныя проповѣди суть ничто иное, какъ дословный переводъ на южно-русское нарѣчіе нѣкоторыхъ казавій Скарги, съ привнесеніемъ самыхъ незначительныхъ измѣненій и дополненій (напр., встрѣчается обращеніе къ кіевопечерскимъ угодникамъ, включены фразы о произнесеніи проповѣдей въ Кіевѣ, и т. п.).

вѣмъ религіознаго примиренія съ уніатами на началахъ, указанныхъ нами выше. Но вѣдь такое примиреніе въ сущности было ни чѣмъ инымъ, какъ возвращеніемъ уніатовъ въ лоно православія, и послѣ подобнаго примиренія всѣ отношенія къ папѣ сводились бы *къ почетному* признанію его главенства (безъ привнесенія этого главенства въ догму). Если же вопросъ ставить такъ, что Петръ Могила *по честолюбію*, изъ-за желанія получить патріаршій санъ, склоненъ былъ измѣнить *православію* (т. е. принять унію на условіяхъ Флорентійскаго собора) и не сдѣлалъ этого только по обстоятельствамъ, отъ него не зависѣвшимъ, то подобное мнѣніе не можетъ быть принято. Оно, главнымъ образомъ, выждется на воззрѣніи нѣкоторыхъ изслѣдователей о Петрѣ Могилѣ, какъ человѣкѣ честолюбивомъ и карьеристѣ, поступившемъ на кіево-печерскую архимандрію изъ-за выгодъ житейскихъ и занявшемъ впослѣдствіи кіевскую митрополию, при живомъ митрополитѣ, посредствомъ козней, принеся въ жертву своему честолюбію всѣхъ западно-русскихъ іерарховъ. Сколь несправедливы такія воззрѣнія, это уже достаточно разъяснено нами выше и ширить рѣчей по этому поводу нѣтъ надобности. Мы здѣсь отмѣтимъ только одинъ фактъ изъ жизни П. Могила въ свѣтскомъ званіи, прежде намъ неизвѣстный. С. Коссовъ въ проповѣди своей, произнесенной имъ (9 апр. 1635 г.) при погребеніи мстиславскаго епископа Іосифа Бобриковича, рисуетъ картину, кого почившій іерархъ встрѣтитъ въ обителяхъ небесныхъ и, указывая на цѣлый рядъ такихъ лицъ, прославленныхъ Богомъ или извѣстныхъ святостію своей жизни, между послѣдними упоминаетъ *креховскаго инока Герасима*, „который спустя семь лѣтъ послѣ своей кончины преосвященнаго въ Богѣ отца и пастыря его милость отца Петра Могила, *еще бывшаго въ то время въ свѣтскомъ званіи, исцѣлилъ отъ тяжелой болѣзни* 217)“⁴. Такъ какъ означенный фактъ отмѣчается какъ чудо, извѣстіе о которомъ, очевидно, было въ свое время широко распространено, то естественно возникаетъ предположеніе, нельзя ли поставлать означенное чудесное исцѣленіе Могила отъ тяжелой болѣзни въ связь съ его желаніемъ посвятить свою жизнь на служеніе православной церкви въ духовномъ званіи?... Какъ бы то ни было, но противъ приверженности

²¹⁷) См. *прилож.* стр. 73.

Петра Могилы къ униі краснорѣчиво свидѣтельствуесть *вся его жизнь, непрерывная борьба съ уніатами и неусыпная дѣятельность на пользу православія*, — и мы не вправѣ не вѣрить его предсмертному завѣщанію, всецѣло проникнутому горячею любовію къ православію и православнымъ учрежденіямъ ²¹⁸).

Что касается православныхъ южно-руссковъ, не принадлежавшихъ къ духовному званію, но близко принимавшихъ къ сердцу интересы православной церкви и энергично ратовавшихъ за оныя, то между ними могли находиться лица, болѣе склонныя обольщать себя надеждою о возможности сближенія съ Римомъ при условіяхъ взаимныхъ уступокъ съ той и другой стороны, причеиъ этому могли содѣйствовать и не столь устойчивыя (какъ у духовныхъ особъ) возрѣнія на пункты разногласія съ Восточною и Западною церквами. Съ мнѣніеиъ одного изъ такихъ свѣтскихъ лицъ (князя Михаила Чарторижскаго) мы уже до извѣстной степени ознакомлены: разумеиъ сдѣланное имъ на луцкомъ провинціалномъ сеймѣ 1645 года заявленіе. Но едва ли подлежитъ сомнѣнію, что къ числу вліятельныхъ свѣтскихъ особъ, питавшихъ подобныя оптимистическія надежды о сближеніи съ Римомъ, принадлежалъ и болѣе стойкій и популярный борець за православную вѣру, извѣстный намъ *Адамъ Кисель*.

Личность этого замѣчательнаго дѣятеля своего времени недостаточно еще выяснена. Разумеиъся, въ нашу задачу не входитъ восполнить этотъ пробѣлъ въ исторической литературѣ ²¹⁹). Мы укажемъ здѣсь только на нѣкоторыя данныя изъ жизни А. Киселя, или доселѣ неизвѣстныя, или же не обращавшія на себя вниманіе изслѣдователей, и притомъ такія, которыя имѣють непосредственное отношеніе къ затронутому нами вопросу.

²¹⁸) Памятники Кіев. Ком. т. II. № XII. См. также *прилож.* къ *Описанію Кіевонечерскія Лаоры*, преосв. Евгенія. (Кіевъ, 1836¹ г.) № 8, стр. 32—43.

²¹⁹) Въ *примѣч.* къ документу, помѣщенному въ *приложеніяхъ* подѣ № XXXV (см. стр. 152), мы для желающихъ заняться изслѣдованіеиъ объ Адамѣ Киселѣ указали на № № актовыхъ книгъ, хранящихся въ *Кіев. Центральномъ Архивѣ*, съ обозначеніемъ счета листовъ въ нихъ, гдѣ находятся документальныя данныя, такъ или иначе касающіяся личности этого историческаго дѣятеля. Въ настоящее время мы можемъ восполнить означенныя указанія. См. помянутаго Архива книга подѣ № № 932 (л. 440—исчисленіе трактатовъ московскихъ, оставшихся послѣ смерти А. Киселя), 998 (л. л. 14, 15—Николай Кисель уступаетъ старшему брату А. Киселю $\frac{1}{2}$ Низкиничъ и Подгаецъ за 17500 злотыхъ

Во-первыхъ, слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что Кисель, начиная съ половины 1632 года постоянно видимый нами какъ ревностный охранитель и защитникъ правъ православной церкви, былъ передъ тѣмъ *уніатомъ*. Свѣдѣніе объ этомъ находится въ дневникѣ А. С. Радзивилла. Здѣсь, при описаніи событій, имѣвшихъ мѣсто на избирательномъ сеймѣ 1632 г., подъ 15 числомъ октября мѣсяца, между прочимъ, читаемъ: „*Кисель, который недавно отступилъ отъ унії* (któgu niedawno był od unii odstąpił), благодаритъ маршалка за то, что вспомнилъ о мятежѣ (rebellii) греческомъ, и упрасиваетъ, чтобы объ этомъ трактовано было завтра“. Подъ 19 числомъ того же мѣсяца: „Директоръ (маршалокъ сейма, Яковъ Собѣскій) проситъ (православныхъ депутатовъ), чтобы подождали (съ своими петиціями) до завтраш-

польскихъ), 18, 22, 24, 26, 38, 42—полномочіе А. Киселя на предстоящей сеймъ; 49, 108, 118, 246, 271, 379, 388, 391, 439, 528—К. Кисель беретъ у уніат. митрополита Рутскаго имѣніе въ аренду на три года; 554, 565, 589, 622, 687, 762, 806—810, 820—823, 982—рескриптъ Сигизмунда III А. Киселю; 986); 1018 (л.л. 13, 116, 237, 426, 481, 509—510) 1019 (л.л. 8, 15, 18, 24, 49, 109, 192, 207, 214, 219, 233—235, 439, 546, 605, 660, 669, 672, 673—важно для исторіи Киев. Академіи; 676, 682, 689, 691, 733—тестаментъ Николая Киселя), 1020 (л.л. 95, 149, 153, 162, 164, 262, 291, 306, 365, 391—396, 504, 524, 529—реэстръ „шкодъ чрезъ хоругвь чужеземную;“ 586, 618, 663, 743, 818, 856, 986); 1021 (л.л. 21, 27, 44, 338, 340, 361, 391, 418, 463, 476, 479, 487, 489—„*roboratio* тестаменту“ А. Киселя; 562—универсалъ о предстоящемъ сеймѣ; 580, 599, 616, 620, 622, 626, 648, 649—тестаментъ жены Николая Киселя; 654, 710, 734—„облята“ привиллегіи, данной А. Киселю; 735, 737, 744, 791, 803—810, 820, 1040, 1053, 1058, 1336); 1022 (л.л. 650 об., 656, 684, 703, 705, 706, 845, 850, 856, 864, 908, 924, 959, 976, 999, 1034, 1038, 1135, 1380, 1572, 1579, 1580, 1607); 1023 (л.л. 574—576, 871); 1024 (л. 87); 1025 (л. 317); 1040 (л. 758); 2126 (л.л. 1470 об. 1472); 2152 (л. 1062); 2159 (л. 37); 2160 (л. 560—духов. завѣщаніе А. Киселя), 2167 (л.л. 985, 987), 2493 (л.л. 1, 39), 2497 (л. 97 об.). Впрочемъ, оговариваемся, въ указанныхъ мѣстахъ встрѣчаются данныя какъ объ А. Киселѣ, такъ и объ его родичахъ.—Кстати, исправимъ здѣсь опечатку, вкрадшуюся у насъ въ *прилож.* на стр. 152, послѣдней строкѣ. Здѣсь *напечатано*: „Новицкій... относить назначеніе А. Киселя сенаторомъ къ 1641 году, что находится въ противорѣчій...“ и проч. *Слѣдуетъ читать*: что не находится въ противорѣчій...“ и проч. Г. Новицкій (см. его соч. *Адамъ Кисель, воевода Киевскій*; стр. 23) относитъ возведеніе А. Киселя въ сенаторское званіе къ *половинѣ 1641 года*. Въ настоящее время мы можемъ опредѣлить съ точностію, когда это случилось: королевская грамота на черниговскую каштелянію и сенаторское званіе Киселю выдана 25 сентября 1641 г. (См. *город. мушкетер. книгу*, находящуюся въ Киев. Центр. Архивѣ, подъ № 1210, л.л. 431—433). Въ грамотѣ подробно перечисляются заслуги предковъ А. Киселя и, въ особенности, его самого. При перечисленіи заслугъ Киселя указывается и на то, что онъ „ustawiczne posolskie funkcie na sobie posiadając, seymow dwadziesciu cztery odprawił posłem.“

няго дня. Кисель говоритъ: послѣ выхода нашего увидите, какъ мало останется васъ въ собраніи (w kole). Кухмистеръ литовскій отвѣчаетъ, что уніаты и по своимъ правамъ и по числу равны имъ (православнымъ депутатамъ), да и самъ Кисель недавно, въ этомъ году, во время Пасхи, отъ унії отступилъ“ (i sam Kisel niedawno tego roku na wielkanoc od unii odstąpił²²⁰).—Когда А. Кисель совращенъ былъ въ унію, неизвѣстно; но самый фактъ совращенія и, слѣдовательно, достоверность сообщаемыхъ въ дневникѣ Радзивилла свѣдѣній по трактуемому вопросу сомнѣнію не подлежатъ. Въ связи съ означеннымъ фактомъ уясняется и то (безъ констатированія самаго факта могущее казаться страннымъ) обстоятельство, что А. Кисель находился съ уніатскимъ владиміревскимъ епископомъ Іоакимомъ Мораховскимъ въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ, и послѣдній предъ смертію, завѣщавъ ему въ знакъ своего расположенія („на осведчене хути своей“) 500 золотыхъ и нѣкоторыя вещи, назначилъ его *главнымъ своимъ душеприкащикомъ*;²²¹ а по смерти Мораховскаго большая часть отказанныхъ имъ суммъ на разныя уніатскія церкви и учрежденія, разумѣется съ согласія на то уніатскаго духовенства, *взята была А. Киселемъ заимобразно* („на выдержкѣ“) ²²²). Важно въ дневникѣ Радзивилла указаніе на время возвращенія Киселя къ православію. Это возвращеніе, состоявшееся еще до кончины короля-фанатика (Сигизмунда III), очевидно, не вызывалось житейскими соображеніями (что могло имѣть мѣсто при Владиславѣ IV; разумѣемъ новыя вѣянія въ политикѣ верховной власти), а было плодомъ искренняго убѣжденія и усилившейся привязанности къ праотцевской вѣрѣ. Пребываніе Киселя въ „овчарнѣ св. отца“ не сдѣлало его фанатикомъ въ дѣлахъ религіозныхъ, какъ это нерѣдко случалось съ лицами, подпадавшими вліянію латино-уніатской партіи; напротивъ, онъ проникнутъ былъ *широкими идеями относительно вѣротерпимости*. Но означенное пребываніе въ унії и, разумѣется, нерѣдкія бесѣды о религіи съ представителями католицизма, всегда выдвигавшими при этомъ на первый планъ излюбленную догму о главенствѣ папы, отразились на религіозныхъ воззрѣніяхъ Киселя и именно въ смыслѣ склонности считать

²²⁰) Pamiętniki Radziwiłła I. 51. 57.

²²¹) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I, т. VI. № CCLIV, стр. 630 и слѣд.

²²²) Ibid. ч. I, т. VI. № CCLVI, стр. 634—637 и примѣч. къ докум.

обзначенную догму, имѣющею прочную основу въ Св. Писаніи. Какъ самый фактъ увлеченія А. Киселя доктриною католицизма о главенствѣ папы, такъ отчасти и мотивы, побудившіе его, не взирая на это увлеченіе, возвратиться къ праотцевской вѣрѣ, можно усматривать изъ обширнаго акта Киселя (составленнаго 15 сент. 1643 г.) о фундаціи имъ въ своемъ помѣстьи Низкиничехъ мужского Покровскаго монастыря. Въ этомъ актѣ, между прочимъ, находится слѣдующее, въ высшей степени замѣчательное, „исповѣданіе“ фундактора: „Такъ какъ я въ сей святой вѣрѣ и въ древнемъ обрядѣ церкви святой Восточной греческой родился отъ „старожитныхъ“ предковъ моихъ означеннаго греческаго обряда, въ этой вѣрѣ предокъ мой со своимъ монархомъ Владиміромъ былъ окрещенъ, въ той же вѣрѣ предки мои и моего дома присоединились къ Коронѣ Польской, теперешней нашей отчизнѣ, и я самъ въ означенной вѣрѣ жилъ,—то я желаю, при помощи Божіей и весь свой вѣкъ пребывать въ ней. Исповѣдую единаго Бога, въ Троицѣ единаго, едино крещеніе и единую ортодоксальную, какъ называютъ славяне, православную вѣру; исповѣдую и единую вселенскую Апостольскую церковь, за которую святые мученики кровь свою святую проливали; исповѣдую также, что какъ въ іерархіи небесной, хотя св. Писаніе изображаетъ разные чины (ангеловъ, архангеловъ, херувимовъ, серафимовъ), но находятся они подъ управленіемъ единаго Господа и Бога, такъ таковой же порядокъ имѣетъ быть и въ церкви Божіей (земной), которая во всемъ должна сообразоваться съ небесною, триумфующею,—и какъ ветхозавѣтное устройство было прообразомъ Новаго Завѣта, а тамъ Ааронъ былъ верховнымъ первосвященникомъ на землѣ, и какъ та республика есть совершеннѣйшая, которая имѣетъ единаго администратора: *подобно сему и означенная республика церковная (церковь), будучи подъ (невидимымъ) управленіемъ своего основателя Господа и Бога, въ совершеннѣйшей своей формѣ не можетъ быть здѣсь на землѣ безъ (видимаго) единаго администратора и начальника, и какъ при жизни апостоловъ одного изъ нихъ матеръ наша церковь святая въ псалопѣніяхъ своихъ исповѣдуетъ верховнымъ, такъ и преемникамъ сего апостола и его наслѣдію принадлежитъ тоже единое верховенство.* Но такъ какъ въ настоящія несчастливья времена церковь Божія, въ особенности въ отчизнѣ нашей и народъ русскомъ, разъединена вслѣдствіе тягостныхъ и величіе Божіе оскорбляющихъ распрей, и по грѣхамъ

нашимъ, въ этотъ суровый вѣкъ убогіе христіане терпятъ (преслѣдованія), и святая вѣра, въ обрядѣ греческомъ непорочная, подвергается различнымъ посмѣяніямъ: посему, покуда Господь Богъ, во всемогущей рукѣ котораго находится это дѣло, не соединить всѣхъ воедино, я какъ всегда въ сей Рѣчи Посполитой ревностно стоялъ за права, свободу и привилегіи праотцевской религіи, такъ и въ настоящее время, учинивъ означенное исповѣданіе, новоустроенный монастырь "... и проч. (А. Кисель желаетъ, чтобы означенный монастырь былъ дочерью монастыря Киево-печерскаго и находился въ вѣдѣніи его архимандритовъ 223).

Спустя три года (въ 1646 г.) Адамъ Кисель, давая фундушъ на *католическій костелъ*, находившійся въ его помѣстьи Свойчовѣ, относится весьма примирительно къ разногласіямъ между церквями Восточною и Западною и не теряетъ надежды на возможность соединенія

²²³) „Jż iako w tey świętey wierze et in avita religione w cerkwi Świętey Wszchodniey urodziłem się z starożytnych przodków moich w obrendzie Greckiego nabożenstwa, y w tey wierze, w którą przodek moy z Włodzimierzem monarchą swym był okrzczony y przodkowie moie y domu mego postquam accesserunt do Corony Polskiej, terazneyszey oyczyzny naszey, żyłem, przez ten wszystek moy wiek żyć, y wiek moy chcę za pomocą Panską konczyć. Jednego Boga, w Troycy iedynego, ieden chrzest, iednę Orthodoxam, iako słowianie nazywaią, Prawosławną wiarę wyznawam y iednę cerkiew Powszechną Apostolska, za którą mieczenicy święci krzew swoje święta wylewali, y iako w Ierarchiey Niebeskiej ubo rozne czyny Pismo Święte wyraża: Anioły, Archanioły, Cherubiny y Serafiny, a pod rządem są iedynego Pana y Boga, takowyż porządek cerkwi Bożey (ktora we wszystkim stosować się ma do tamtey Tryumfującey stolice swoiey) wyznawam, y iako starozakonny porządek był figurą Nowego Testamentu a w porządkach swoich miał Aarona Naywyższego Kapłana na ziemi, y iako wszelka Rzecz Pospolita iest naydoskanalsza, ktora manadem ma administratora: tak ta Respublica Ecelesiastica, będąc pod rządem Fundatora Pana y Boga swego, w naydoskanalszey formie bez takowegoż monadis tu rządow na ziemi y zwierzchności być nie może, y iako za czasow Apostolskich iedynego zwierzchnego matka nasza cerkiew święta w hymnach swoich wyznawa, tak y w successorach y w successiach Apostolskich też zwierzchność iedna y tegoż swierzchnego Apostoła successorom iest należyta. Lecz ze tych nieszczęśliwych czasow ciężkimi Maiestat Boży urażaiącemi y żalonymi controwersiami iest roztorgniona Cerkiew Boża, osobliwie w oyczyźnie naszey a narodzie Ruskim, sic merentibus nostris peccatis decissią, przez co (w ten) srogi wiek ubodzy chrysciane cierpia y wiara święta, w Religiey starożytniey Greckiey niepokalana, rozmaicemi iest nakryta traductiami: Tedy poki Pan Bog, ktorego samego wlechemogocney ręki iest to dzieło, ziednoczy wszystkich, ia, iako zawsze w tey Rzeczy Pospolitey przy prawach, swiebodach y przywileiach avitae Religionis stawał, tak y te moie professią uczyniwszy...“ et caet. (*Kiev. Центр. Архивъ*. Актов. кн. подъ № 1028, л. 969 и слѣд. Срав. тамъ же кн. подъ № 2160, л.л. 551—554, гдѣ, впрочемъ, не достасть начала означеннаго акта).

ихъ. „Богу Тріединому (читаемъ въ актѣ на означенный фундушъ) слава. Всѣ мы православные исповѣдуемъ единую, святую, каѳолическую, апостольскую церковь, изъ коей Христосъ Господь образовалъ недѣлимое духовное тѣло, которое блаженнѣйшіе мученики греки и латиняне, святѣйшею (своею) кровью обагрили. Проповѣдуется одинъ Богъ, одна вѣра, одно крещеніе; *равно какъ не двойкая* (т. е. различная) *есть вѣра, которая чтится обрядами латинскимъ и греческимъ*; двойственность же въ исповѣданіи вѣры (въ дѣлахъ религиозныхъ) привнесли единственно несчастныя обстоятельства времени, и, такимъ образомъ, по прегрѣшеніямъ, произошло дѣйствительное раздѣленіе, вслѣдствіе чего должно просить Всемогущее Божество, отъ коего зависитъ благопріятный исходъ, дабы Оно то, что недѣливо, а между тѣмъ раздѣлено, возвратило къ прежнему святѣйшему единенію. Такимъ образомъ, и намъ должно заботиться объ осуществленіи этого желанія и объ обоюдной братской любви, знаками и доказательствами которой должны быть дѣла. И такъ въ удостовѣреніе нашей христіанской любви, я худшій изъ людей и величайшій изъ грѣшниковъ Адамъ изъ Брусилова Кисель, каштелянъ и генераль земли кіевской, ... пребывающій въ древней религии своей греческой, и желая всегда чтить оную, какъ славную, вознамѣрился“ ... и проч. (далѣе идетъ рѣчь о самомъ фундушѣ 224).

Принимая во вниманіе заявленія, сдѣланныя Киселемъ въ указанныхъ документахъ, и сопоставляя ихъ вообще съ его дѣятельностію, какъ борца за интересы православія, мы, по интересующему насъ вопросу, приходимъ къ слѣдующему предположенію.

²²⁴⁾ „Deo Uno Trino gloria. Omnes nos orthodoxi unam profiteamur sanctam Catholicam Apostolicam Ecclesiam, cujus Christus Dominus formavit individuum mysticum corpus, quod beatissimi martyres Graeci et Latini sacratissimo porpurarunt sanguine. Unus Deus, una fides, unum baptesma praedicatur, nec perinde duplex est fides, quod latino et graeco colitur ritu, sed religio duplex sola iniquitas temporum tulit, sic merentibus peccatis huc usque irrevocabilem divisionem, quapropter sicut exorandum est Divinum Numen, cujus est praemium illud, quod est individuum, divisum ad suae sanctissimae concordiae revocare principia. Sic et nobis certantum votis atque mutua et fraterna charitate, cuius indicia et argumenta debent esse opera. Ergo ad confirmandum nostrae christianae charitatis vinculum ego, infimus hominum, maximus autem peccatorum, Adam a Brusilow Kiesel, ... in avita Religione mea Graeca existens et illam inclitiam semper habere cupiens...“ et caet. (*Кіев. Центр. Архивъ*. Актовая книга подъ № 1022, л. 1134 об. и слѣд.).

А. Кисель, увлеченный идеею соединенія церквей, примкнулъ къ униі, чему—можетъ быть—не мало содѣйствовалъ униатскій епископъ Мораховскій, съ которымъ у Киселя были тѣсныя связи. Но какъ у человѣка, преданнаго праотцевской вѣрѣ и высоко ее цѣнившаго, притомъ человѣка съ большимъ умственнымъ кругозоромъ, у него должны были открыться глаза, и онъ уразумѣлъ, что вводимая въ западно-русскихъ областяхъ униа не есть взаимообщеніе между церквями Восточною и Западною, а въ сущности—порабощеніе послѣднею первой, причемъ на самую унию римскій престоль смотритъ, какъ на нѣчто терпимое только до времени, какъ на переходную ступень принявшихъ ее къ полному католицизму, что, наконецъ, униа вводится посредствомъ такихъ средствъ, которыя сопровождаются постояннымъ попраніемъ правъ, свободы и привилегій всего русскаго народа. Кисель понялъ, что сдѣлалъ ошибку, что симпатіи его лежатъ на сторонѣ угнетаемой праотцевской вѣры,—и, не взирая на воспринятую имъ доктрину о необходимости въ церкви видимой главы, какая честь должна принадлежать римскому папѣ, какъ преемнику верховнаго апостола, порвалъ связи съ униєю, возвратился въ лоно православной церкви и съ этого времени сдѣлался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ и энергичныхъ защитниковъ ея правъ. Когда Владиславомъ IV предприняты были попытки къ религіозному примиренію враждующихъ сторонъ, естественно, Кисель, при своихъ воззрѣніяхъ на этотъ предметъ, долженъ былъ оказаться въ числѣ лицъ, наиболѣе сочувствующихъ означенному проѣкту. Но унию съ Римомъ Кисель тоже понималъ какъ взаимообщеніе между церквями Восточною и Западною въ мирѣ и любви, съ сохраненіемъ за церковію православною завѣщанныхъ древностію особенностей въ ученіи и обрядности, хотя въ этомъ отношеніи онъ—какъ мы замѣтили—существенно расходился съ воззрѣніями духовныхъ представителей православной церкви: именно, находилъ возможнымъ признать главенство папы, какъ догматическую доктрину,—словомъ—при всей своей стойкости въ борьбѣ за интересы православія и любви къ праотцевской вѣрѣ—былъ на торномъ пути къ католицизму. И можно думать, что въ ряду лицъ, содѣйствовавшихъ планамъ Владислава IV о примиреніи церквей, въ смыслѣ подготовленія почвы для сего, одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ, именно, Киселю. На каждомъ сеймѣ самый ревностный борецъ за интересы православія, чрезъ борьбу съ униатами стяжав-

шій себѣ названіе въ средѣ ультра-католической партіи закоренѣлаго схизматика,—Кисель открыто заявляетъ, что хотя онъ пребываетъ и до конца жизни будетъ пребывать въ своей древней и славной праотцевской вѣрѣ, тѣмъ не менѣе за совершеннѣйшее благоустройство церкви считаетъ нахожденіе ея подъ верховнымъ управленіемъ единой видимой главы! Понятное дѣло, что такія рѣчи, исходящія изъ устъ не католика или униата, а великаго ревнителя православія, должны были въ свое время производить на умы православныхъ сильное впечатлѣніе. Поэтому, не взирая на подобныя рѣчи, стойкость Киселя и его нежеланіе идти на предлагаемые Римомъ компромиссы, клонящіеся къ привлеченію православныхъ къ подножію апостольскаго престола *на основаніяхъ Флорентійской уніи*, нельзя не признать обстоятельствомъ, значительно облегчавшимъ задачи представителей православной церкви при борьбѣ ихъ съ посягательствами на нее со стороны папской куріи.
